ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 33 (4475)

14 августа 1974 г. СРЕДА

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Кавалеры ордена Трудовой Славы III степени сталевары металлургического завода «Запорожсталь» имени С. Орджоникидзе Валерий Белик, Николай Зяба, Евгений Мартыков, Александр Фоменко и Виталий Кисель

Фото А. ХРУПОВА

А. М. Горький на Первом всесоюзном съезде писателей сказал: «Основным героям наших книг мы должны избрать труд...» Завет старейшины нашей литературы я связываю с услышанными мною в 1920 году словами Владимира Ильича Ленина: «Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не свалится. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы».

Весь ход нашей борьбы, весь процесс титанической организаторской деятельности ленинской партии стал основой успехов советского народа, достигнутых в социалистическом преобразовании страны. Они заработаны, выстраданы. Они отмечены высоким признанием и почестями.

В начале нынешнего года был учрежден орден, которым награждаются люди, добившиеся замечательных трудовых свершений, равных по своему значению боевым подвигам.

Орден Трудовой Славы!

...В указах Президиума Верховного Совета СССР среди других награжденных высокими правительственными наградами названы имена первых кавалеров этого ордена. Ордена, чьим сиянием озарены и сами они, и коллективы трех мощных бастионов рабочего класса — комбината «Южкузбассуголь», металлургического завода «Запорожсталь» имени С. Орджоникидзе, Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича.

Щедроты недр, поля,
дворцы, заводы,
простер, которым
не охватит глаз. —
все это — достояние народа.
Как мы богаты!
Кто богаче нас?

Александр ЖАРОВ

ПРАВОФЛАНГОВЫМ ПЯТИЛЕТКИ

Достижения героев труда оказались возможными в ходе общей успешной работы по строительству Коммунистического Завтра, благодаря развитию социалистического соревнования масс.

Достижения, равные победам! Они принесли радость всем советским людям. Принесли радость и нам, литераторам. Еще в 1934 году А. М. Горький говорил о росте сознания людей в Стране Советов, о понимании того, что трудятся они на себя, для себя, во имя благороднейшей исторической цели: «...Ничто не может вспыхнуть раньше, чем достигнет определенной температуры, и никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина...»

Герои трудового фронта, отмеченные наградами, служат замечательным примером для молодежи, для всех людей и содействуют общему подъему, массовому накалу, дальнейшему повышению чудотворной «температуры трудовой энергии», так необходимой нам при решении гигантских задач коммунистического строительства.

И еще одна радостная победа—выдающееся достижение рабочих, ИТР и служащих горно-химического комбината «Апатит» имени С. М. Кирова, выработавших сверх заданий 1,8 миллиона тонн апатитового концентрата. Тружеников «Апатита» тепло приветствовал Леонид Ильич Брежнев.

Шлем наши горячие писательские поздравления всем вам, дорогие товарищи, правофланговые великой армии труда! А тем, у кого на груди вспыхнули первые радостные огоньки ордена Трудовой Славы, — особый поклон.

ПЕРВОМУ ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

40 1934 1974

стр. 2

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО БЛОКНОТА

Недавно писатель Александр Кривицкий совершил поездку по Соединенным Штатам Америки в качестве специального корреспондента «Литературной газеты». Сегодня мы публикуем его очерк.

стр. 14

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Эфендиева З. М. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы наградить писателя Эфендиева Зияудина Магомедовича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 7 августа 1974 г.

Габит МУСРЕПОВ

ЛИТОЙ КОЛОС ЦЕЛИНЫ

Дыхание большой жатвы уже коснулось и казахской земли. С каждым днем напряженнее бьется пульс летней страды.

Недавно я побывал у моих земляков в Северном Казахстане, в совхозе имени писателя Сабита Муканова, у тех, кто выращивает хлеб, кто своими делами вписывает славные страницы в сказание о великом подвиге целинников.

В этих поездках еще раз передо мною раскрылась глубина характера труженика полей. Он верен своему долгу, умеет слушать голос земли, хорошо знает агротехнику, способен подчинять себе капризы погоды. Порой я поражался: неужто можно предугадать, что первые теплые дожди прольются именно к началу всходов? И как вообще в этот испепеляющий зной уберечь нежные ростки, а затем вырастить из них тяжелый колос? Но если разобраться, то ничего удивительного в этом нет. Не на «авось» и «чутье» полагается сегодня хлебороб. Это союзники крайне ненадежные. Знания, обогащенные опытом, — вот чем объясняются отменные урожаи.

Постижение мастерства оказалось очень непростым занятием. Жизнь дарила земледельцам не только удачи. Ранние посевы, обычные для других мест, здесь, например, погибали. Попадая под июльские суховеи, они сгорали. Значит, нужно было искать более подходящие сроки. Речь шла не о простом изменении графика, а о большем — о перестройке психологии людей.

...Пять дней бушевал над полями совхоза «Сорочинский» Кустанайской области знойный ветер, раскалившийся в песках пустыни. Люди с тревогой думали о хлебе. Неужели повторятся нередкие в прошлом пыльные бури и унесут вместе с всходами самый плодородный слой почвы? Но нынче у «батыра полей» надежный щит — новая целинная почвозащитная система земледелия.

Свой урожай отбили у суховеев не только кустанайцы, но и хлеборобы Тургая, Приишимья. Если целинные нивы страдали от засухи, то на западе — в Уральской и Актюбинской областях шли нескончаемые дожди. Условия уборки, что и говорить, далеки от идеальных. Они диктуют земледельцу свою стратегию и тактику. Очень, очень важно отвоевать хлеб у ненастья. Чтобы убрать урожай до последнего зернышка, надо знать все особенности земли, а распоряжаться и маневрировать техникой в этих сложнейших условиях — мастерство высшего класса. Каждый комбайнер здесь мастер...

Мы, казахстанцы, от всего сердца радуемся рекордам ростовских мастеров жатвы, чей подвиг отмечен высокими наградами Родины. Недавний успех наших товарищей из Волгоградской области и приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, посланное им, вдохновили на трудовые подвиги всех земледельцев страны, в том числе и моих земляков. Пройдет немного времени, и мы узнаем имена героев очередной целинной жатвы — комбайнеров, трактористов, шоферов, и скажем им всенародное спасибо — за старание и нелегкий, но почетный труд.

АЛМА АТА

ДЕВЯТЬ СЕВЕРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОМИ АССР

Четыре десятилетия назад, в канун Первого съезда советских писателей, по инициативе А. М. Горького в Коми побывала большая бригада московских литераторов. Писатели встречались с тружениками далекой северной земли, знакомились с их жизнью... Об этой поездке зашла речь именно сейчас, когда в Коми АССР начались Дни советской литературы.

...Северная земля встретила гостей солнцем, цветами и, несмотря на ранний час — поезд прибыл в шесть утра! — улыбками жителей Сыктывкара.

— Если я скажу, что на месте этого вокзала пятнадцать лет назад шумела тайга, это, очевидно, не вызовет большого удивления. Такие перемены — одна из примет времени, — сказал, встречая гостей, первый секретарь Сыктывкарского горкома КПСС А. В. Непеин. — Но когда вы увидите лесопромышленный комплекс на Вычегде, побываете в Ухте и Воркуте, на Вуктыле и в Усинске, вы окончательно убедитесь, нам неузнаваемо преобразился наш край, наком интересной, напряженной жизнью живут наши люди. Добро пожаловать в нашу трижды орденоносную республику!

На белоснежном полотенце по старинному народному обычаю гостям преподносят хлеб-соль...

Первая встреча на коми земле... Первые впечатления. Первые записи в блокнотах — кто знает, может, завтра они обернутся стихотворными строками, станут очерком или документальной повестью, а может быть, осядут на время в глубинах памяти, чтобы потом «всплыть» в темах, сюжетах, образах. А пока обстоятельное знакомство с северным краем, с его людьми.

Для секретаря правления Московской писательской организации А. Ременчука эта республика — дом родной, ей он обязан своим становлением. А. Ременчук приехал сюда на практику, будучи студентом Литературного института, и остался здесь надолго: работал в Сыктывкаре и Ухте: хорошо знаком и с дальними уголками республики. Тем заметнее для него сегодняшние перемены, ощутимее размах свершений и замыслов.

Давно и прочно связан с этим краем поэт-ленинградец В. Кузнецов. Здесь он служил, здесь работал, в Воркуте бывал в Коми и москвич О. Дмитриев. В дни праздника газета «Красное знамя» поместила новое его стихотворение, посвященное воркутинским шахтерам, в нем есть такие строки:

...здесь заметней,
как люди ценят солнце
и тепло:
ия вечера, в битком
набитом зале,
где каждый шумен, весел,
знаменит...

Я вглядываюсь
в солнечные лица,
и праздник ваш —
сегодня праздник мой,
я счастлив с вами петь
и веселиться!

● ОКОНЧАНИЕ НА 3-Й СТР.

ЮБИЛЕИ

ПИСАТЕЛЮ, БОЙЦУ, КОММУНИСТУ

В Союзе писателей СССР под председательством А. А. Суркова состоялось заседание юбилейной комиссии по проведению 70-летия со дня рождения выдающегося советского писателя Н. А. Островского.

Сообщение о том, как идет подготовка к юбилею Н. А. Островского, сделал секретарь ЦК ВЛКСМ Л. И. Матвеев. Программа мероприятий предусматривает широкую пропаганду творческого наследия писателя — литературные конкурсы, вечера и читательские конференции с участием ветеранов гражданской и Отечественной войн и первых пятилеток, в библиотеках и музеях — открытие тематических выставок.

Принято решение установить памятник Н. А. Островскому в Сочи, где прошли последние годы жизни писателя. Памятник будет сооружен на средства, заработанные комсомолом Краснодарского края во время субботников и воскресников.

На ударные комсомольско-молодежные стройки девятой пятилетки отправятся агитационно-пропагандистские бригады писателей, деятелей культуры и искусства, друзей и соратников Н. А. Островского.

В канун юбилея в Государственном музее Н. Островского откроется новая, значительно расширенная экспозиция, посвященная жизни и творчеству писателя. Юбилейные торжества завершатся большим вечером во Дворце пионеров на Ленинских горах.

В обсуждении мероприятий, которые намечено провести в честь 70-летия Н. А. Островского, приняли участие секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко, начальник отдела культуры Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, генерал-майор Е. И. Востоков, директор Государственного музея Н. Островского В. П. Попов, первый секретарь МГК ВЛКСМ В. И. Шадрин, заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия» И. Ф. Авраменко, заведующий Центральным архивом ВЛКСМ В. Д. Шмитков, А. А. Караваева, М. Б. Колосов и другие.

ВЫСТАВКА ДРУЗЕЙ

Почти месяц открыта в Москве выставка «30 лет социалистической Польши». И все это время в ее павильонах — множество посетителей. Экспонаты выставки ярко и убедительно рассказывают об огромных достижениях наших польских друзей за годы народной власти.

Выставка, раскинувшаяся на территории ВДНХ СССР, уникальна по масштабам и содержанию. Более 30 тысяч квадратных метров площади, 7,5 тысячи экспонатов. Такой широкой и разносторонней демонстрации своих успехов ПНР за рубежом еще не устраивала.

Некогда отсталая страна производит сегодня сложнейшую научную аппаратуру, электронно - вычислительные машины, станки, суда, автомобили, самолеты сельскохозяйственной авиации...

Важный раздел выставки — экономические и культурные связи Польской Народной Республики с Советским Союзом и другими странами СЭВ.

Социалистической Польше есть что показать, есть чем гордиться!

17 августа исполняется 40 лет со дня открытия Первого всесоюзного съезда советских писателей.
В только что вышедшем восьмом номере журнала «Вопросы литературы» публикуются воспоминания писателей о съезде, размышления о его роли в развитии советской литературы. Сегодня мы предлагаем нашим читателям некоторые из этих материалов.

«ИСТОРИЯ ВЫДВИНУЛА НАС ВПЕРЕД...»

К 40-летию ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Петрусь БРОВКА

Для молодых литераторов, приехавших на Первый съезд из всех республик, со всех уголков нашей необъятной Советской Родины, эти дни были настоящим большим праздником. Чувствовался какой-то необычайный подъем, как-то по-особому радостно светились наши лица. Ведь встречались мы впервые в жизни с теми, кого искренне любили, с авторами книг, которые не просто читали, на которых поистине росли. Знакомились с писателями широко известными, особенно русскими, и с теми нашими друзьями из республик, которых знали еще плохо: большая многонациональная семья советской литературы еще только складывалась...

А приходили мы на съезд после десятка лет пребывания в различных литературных организациях, которых было немало. Мне вспоминаются они по нашей Советской Белоруссии: это и массовая литературная организация «Молодняк», и «Полымя», и «Узвышша», и «Проблеск». Некоторые из этих организаций разделяла какая-то принципиальная рознь, а у иных ее вовсе не было, они существовали, придерживаясь одного принципа — просто товарищеской любви и привязанности: бывало, что иных объединяли и групповые пристрастия. А потом были созданы БелАПП — Ассоциация пролетарских писателей и организация колхозных писателей и БелЛОКАФ — организация писателей Красной Армии и Флота. Но все мы приехали на Первый всесоюзный съезд в Москву, объединенные в республике в единую организацию после прошедшего у нас писательского съезда. Приехали делегатами и гостями. Какую я испытывал радость, что я делегат Первого всесоюзного съезда с правом решающего голоса!

Что характерно для делегатов Первого съезда? Среди нас были участники первой русской революции 1905 года, участники Великого Октября, воевавшие в гражданскую войну, строившие Советскую власть. Даже все мы, младшие, прошли большую школу жизни — каждый в свое время был то ли учителем, то ли председателем сельсовета, то ли избачом, а то и просто рабочим или колхозником.

Жаль, что многое забылось. Ведь сорок лет — срок немалый. Нелегко думать, что многих уже нет среди нас — не только старших по возрасту, но и одногодков. Но радует самое главное: что именно на Первом всесоюзном все мы объединились в одну творческую, могучую, крепко сплоченную партией коммунистов семью советских литераторов. Этого никогда забыть нельзя.

И уж поистине, что с того времени навсегда в душе и перед глазами — светлый, глубоко сердечный, неповторимый облик Алексея Максимовича. Он был душой съезда. На протяжении всей своей жизни он сплачивал вокруг себя разрозненные литературные силы, вдохновлял и направлял художников на нелегкий, но радостный труд во имя новой жизни, во имя народа. А в единую писательскую семью входили всякие. И старые, и молодые. Люди разных литературных школ и направлений. И те, кто активно боролся за Советскую власть, и те, что приходили к ней после колебаний и раздумий. Разные по вкусам, часто подолгу спорившие и даже враждовавшие между собой..

В докладе Алексея Максимовича Горького на съезде душою и проникновением великого мастера было ярко освещено уже совершенное советскими литераторами и начертаны вехи дальнейшего развития. А главное — съезд сплотил нас, посланцев всех народов нашей Родины, встретившихся впервые, воедино. Нельзя было без волнения смотреть, как в президиуме вокруг Максима Горького сидели выдающиеся представители братских литератур: Сулейман Стальский и Янка Купала, Павло Тычина и Шалва Дадиани, Абулькасим Лахути и Александр Ширванзаде. Я говорю о тех, кто прибыл на Первый съезд из республик, не упоминая выдающихся русских писателей, которых было много и которые, как старшие братья, сердечно заботились о своих приезжих товарищах.

А разве можно забыть, с каким вниманием отнесся Максим Горький к Сулейману Стальскому, прославленному ашугу Дагестана, назвав его в своем выступлении Гомером XX века, и как взволнованно Стальский принял эти вещие слова!

Памятно и то, как взволновала и растрогала Алексея Максимовича так называемая пионерская «База курносых». Во время их приветствия он не раз вытирал слезы, и мы, наблюдавшие за сидящим рядом с ним Янкой Купалой, заметили, что и наш учитель подносил к глазам платок...

Любовь к Максиму Горькому у Купалы была особенно глубокой и сердечной. Ведь и его, и Якуба Коласа в начале творчества, в революционном 1905 году, великий Буревестник приметил и обласкал и направил на самоотверженный путь служения народу.

У нас, молодых, тогда много было незабываемых встреч. Мы восторженно следили за старшими, прислушивались к ним, а по вечерам собирались у кого-либо в гостиничном номере, а то и в небольшом подвальчике-ресторанчике на Тверской, ныне улице Горького. Помню беседу с Гафуром Гулямом, певцом жаркого Узбекистана. Как красочно рассказывал он о жизни своего народа! Помню задушевного, поистине лирического Володю Сосюру, весьма энергичного Сашу Корнейчука, неистощимого полемиста Алешу Суркова, несколько флегматичного Михаила Голодного, комсомольского запевалу Александра Жарова...

Встречались мы у Купалы или Коласа с Новиковым-Прибоем, Владимиром Лидиным, Сергеем Городецким. Они еще до съезда бывали в Белоруссии, помогали нашему литературному росту, подружились с нашими корифеями.

Все мы искренне были благодарны русским друзьям за переводы. Ведь появление наших произведений на русском языке открывало нам дорогу к сердцам миллионов читателей во всех республиках и за рубежом. Я был счастлив, когда мое стихотворение появилось в Москве, а в дни Первого съезда уже готовился к изданию мой первый сборник в московском Гослитиздате.

Алексей Максимович Горький, неустанно трудившийся на съезде, находил время принимать гостей из многих республик и у себя на даче. Конечно, я завидовал тем, кому посчастливилось побывать у него. А побывали у него Янка Купала и Якуб Колас, и тогдашние руководители нашего союза Андрей Александрович и Михась Лыньков, и наиболее проявившие себя среди молодых Головач и Харик. Я и теперь гляжу на них, снявшихся тогда с Алексеем Максимовичем, с некоторой завистью. Дело не только в фотографии, а в том, конечно, что им удалось услышать многое о судьбах нашей литературы из уст великого писателя.

Когда я думаю ныне о Первом всесоюзном съезде, о его значении для дальнейшего развития многонациональной советской литературы, то он мне кажется основным, мощным фундаментом: здесь были заложены все возможности для огромного роста и расцвета всех братских литератур. Он вооружил нашу литературу могучим методом социалистического реализма, воодушевил нас на активную службу советскому народу под руководством Коммунистической партии, о чем прекрасно сказал на съезде Леонид Соболев:

«Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать».

Мы разъезжались со съезда обогащенные, приобретя многочисленных друзей из братских республик, дружба с которыми сохранилась на всю жизнь. А число друзей с каждым годом росло и росло. Мы помогали друг другу, переводя произведения на родные языки, мы учились многому друг у друга. Первый съезд сплотил и воодушевил нас, а дальнейшее содружество и в дни мира, и в дни войны еще более объединило. Теперь даже представить невозможно, как бы я мог ныне жить и писать, не зная многих моих друзей, которых я перечислить затрудняюсь. А они и в братских Литве и Латвии, в Закавказье и Средней Азии (я уже не говорю о родственных мне по языку русских и украинцах). Мы переводим друг друга. Мы издаемся миллионными тиражами. И у всех у нас одна цель — как можно лучше помогать родному народу и родной партии в строительстве величественного будущего.

Тесному и плодотворному содружеству советских литераторов, о котором я говорю, в значительной степени способствует организационная форма их объединения — Союз советских писателей. Это поистине уникальная организация, роль ее в жизни нашей литературы велика и возрастает день ото дня. Высок международный авторитет Союза писателей, направление работы которого поддерживает вся прогрессивная общественность мира. На него устремлено внимание передовых деятелей культуры, видящих в нашем союзе образец непримиримости в идеологических схватках, в борьбе за художественные принципы реализма.

Я горжусь достижениями многонациональной советской литературы и когда оглядываюсь на пройденный ею великий путь, то у ее истоков вижу поистине знаменательный и вдохновивший нас всех Первый всесоюзный съезд советских писателей.

Леонид ЛЕОНОВ

Два обстоятельства определяют отношение к нашему Первому писательскому съезду. Мы — даже те, кто прошел школу гражданской войны, — были молоды, и среди нас находился Максим Горький. Молодости свойственно жизнерадостное мироощущение, ожидание небывалого — будущности.

Мы сознавали, что перед нами стоят огромные трудности, и верили, что их преодолеем и будем свидетелями очень больших событий. Я говорил на съезде, что наш век — это утро новой эры, юность мира, что нам предстоит решать вопросы могущественной борьбы со стихиями, все большего расширения деятельности человека в космосе. Да, конечно, мы были мечтателями. Но ведь и тогда в своей речи на съезде я говорил, что всякое ремесло сопряжено так или иначе с мечтательством и во всякую работу сегодня входит элемент будущего, что надо научиться писать словами, которые бы взрывались на бумаге.

Что готовила нам действительность?

Облака войны еще чуть темнели на горизонте, но она приближалась, существовала в предгрозовой атмосфере мирных трудовых дней. Война научила, во много раз укрепила действенное отношение к понятию «Отчизна», ибо мы сами физически сотканы из частиц ее неба, полей и рек. Для искусства эта простая истина особенно важна, так как талант есть сокровище, окупленное историческим опытом и мукой предыдущих поколений. Война подсказала нам, что и горечь может и должна носить творческий характер.

Мы всегда должны помнить, какая ответственность ложится на плечи тех, кто вступает в литературу, стремящуюся утолить извечную человеческую жажду добра и правды. Каждый большой художник сам по себе является носителем личной, иногда безупречно спрятанной проблемы, сложный душевный узел которой он развязывает на протяжении всего творческого пути. Недаром говорят, что существует проблема Гоголя, проблема Толстого, проблема Горького.

Меняется все на земле, но основой искусства всегда будет человеческий дух, не подлежащий пересмотру и девальвации.

Георгий МАРКОВ

Четыре десятилетия, прошедшие после Первого съезда советских писателей, — а это срок немалый, на прожитые нами годы приходятся и великие испытания, и великие исторические свершения, — подтвердили правильность пути, намеченного для литературы на этом съезде, и плодотворность принципов, в ней утвердившихся. В заключительном слове на съезде великий Горький говорил: «Книга есть главнейшее и могущественное орудие социалистической культуры». И действительно, советская литература верно служила народу, созидавшему новое, социалистическое общество, защищавшему Отчизну от фашистского нашествия, она росла, мужала и совершенствовалась вместе с нашей страной, она стала духовным оружием поразительной мощи.

Гениальное ленинское предвидение: «литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела» — воплотилось в практике революционного переустройства жизни в нашей стране. Следует задуматься над тем, что стоит за этой формулой, что представляет сегодня наша литература, осуществившая принцип партийности в «полной и цельной форме».

Мы свидетели факта необычайного. На наших глазах и при нашем участии литература приобрела совершенно невиданное значение.

«Писатель пописывает, а читатель почитывает», — горько жаловались в прошлом веке литераторы. Мы можем сказать, что таких тесных и широких связей между читателями и литературой, как сейчас, не было никогда и нигде. Мы можем привести цифры тиражей и изданий, немыслимые для царской России и ошеломляющие литераторов капиталистических стран. Но все это еще не характеризует в полной мере того истинного положения, которое занимает советская литература в жизни общества: она стала неотъемлемой и важной частью социалистического образа жизни, она проникла во все поры действительности, без нее мы уже не можем представить себе нашего существования, она с детства до глубокой старости является духовным спутником и наставником наших людей. Она не только отражает новое в нашей жизни, но и активно помогает его утверждению, она не только выражает наши идеалы, но и помогает их формированию и воплощению в жизнь, она под руководством партии и вместе с ней цементирует наше общество.

Точно известно, сколько гитлеровских дивизий было разгромлено под Сталинградом, сколько там захвачено пленных и военной техники. Мы точно знаем, сколько миллионов гектаров целины было поднято в казахстанской степи и какой гигантский урожай собран. Конечно, вклад литературы в дело разгрома фашистских захватчиков и грандиозные работы по созиданию материально-технической базы коммунизма не выразить в цифрах. Но несомненно, что есть прямая связь и зависимость между несгибаемым мужеством Павки Корчагина и стойкостью защитников Сталинграда, что подвиг молодогвардейцев отозвался в героическом труде целинников. Наша литература учила и учит читателя верности партии, любви к Родине, высокому гуманизму. Она помогала партии создавать морально-политическое единство нашего общества. Она сегодня способствует движению нашего общества вперед, успешному выполнению планов коммунистического строительства. Она нашла путь к сердцу многомиллионного читателя, причем такого читателя, о котором очень хорошо сказал Луначарский, что он желает как можно скорее претворить художественные красоты в жизненные подвиги». И таким образом органически воздействует на все процессы, происходящие в нашем обществе.

Признание того факта, что советская литература стала частью общепролетарского дела, не только рождает у нас чувство гордости, но и заставляет думать о той особой ответственности, которая ложится на плечи писателя. Это ответственность и идейная, и нравственная, и гражданская. Очень коротким по времени стало расстояние между писательским словом и делом, которым занимается его читатель. Литература причастна ко всему, что происходит в стране, чем живут советские люди, и за все отвечает. Она не может не говорить о главном в нашей жизни — читатель ей этого не простит. Она должна всегда чувствовать себя на переднем крае — идет ли речь об изображении рабочих коллективов на строительстве новых промышленных комбинатов и заводов или о постижении сложных процессов НТР, о воспитании коммунистической нравственности или об идеологическом наступлении на наших зарубежных врагов, утверждении пролетарского интернационализма или о борьбе за прочный мир между народами. Она должна будить мысль читателя, находить живой отклик в его душе, доставлять ему подлинное эстетическое наслаждение. К сожалению, далеко не все, что появляется в печати, отвечает этим требованиям. И, говоря об ответственности литературы перед временем, народом, партией, необходимо подчеркнуть ее стремление к совершенствованию, к неуклонному повышению идейно-эстетических критериев как обязательному условию ее существования и развития — это тоже один из горьковских заветов, столь страстно прозвучавших на Первом съезде советских писателей.

В речи на XVII съезде ВЛКСМ тов. Л. И. Брежнев говорил: «Мы верим, что деятели советской литературы и искусства будут и впредь отдавать свой талант, умноженный на беспредельную любовь к Родине и верность своему народу, созданию новых произведений, которые займут место в рядах лучших творений советской и мировой литературы и искусства». Советские писатели сделают все, чтобы оправдать высокое доверие партии, ибо нет у них более высокой цели, чем служить — вспомню вновь ленинскую статью «Партийная организация и партийная литература» — «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Константин СИМОНОВ

Сейчас, когда исполняется сорок лет со времени Первого съезда нашего Союза писателей, еще чаще, чем всегда, вспоминаешь Алексея Максимовича Горького — нашего великого учителя в самом высоком и самом точном смысле этого слова.

Для меня, как и для миллионов других читателей, Горький — великий художник. Причем самая великая из его книг «Жизнь Клима Самгина», как мне кажется, все еще по-настоящему не прочитана читающим человечеством.

Но сегодня я вспоминаю о Горьком прежде всего именно как о нашем учителе, как о личности удивительного масштаба.

Я в первый и последний раз в жизни увидел Горького в Колонном зале Дома союзов, в президиуме, в один из последних дней Первого писательского съезда. Мы, несколько молодых ребят, работавших на различных московских предприятиях и только что принятых в Вечерний рабочий литературный институт имени А. М. Горького, получили там, в канцелярии института, гостевые билеты на хоры Дома союзов, на одно из заседаний съезда писателей.

Горького я видел оттуда, с этих хоров, всего один раз в жизни, но сама эта жизнь у меня, как и у многих других, была в ее начале отмечена активным и целеустремленным вмешательством Горького.

Дело в том, что наш институт не только носил имя Горького, он был создан за год до этого по идее Горького, который считал важным, чтобы тянувшиеся к литературе и начинавшие писать молодые люди могли, не бросая работы, получать по вечерам гуманитарное образование.

И эта идея была лишь одной из многих действенных и неуклонно проводившихся в жизнь идей Горького, выдвинутых им в последние годы его жизни.

Я заглянул сейчас в наши литературные хроники, проверяя свою память, и поразился, нет, скажу сильнее — был просто-напросто ошеломлен масштабами той деятельности, которую Горький совершал в те годы в заботах о будущем нашей социалистической литературы и культуры.

Приведу только часть, далеко не все факты, взятые из этой хроники.

В июне 1928 года Горький, предложив организовать журнал «Наши достижения», говорит на заседании в Госиздате о привлечении к журналу не только писателей, но практических работников страны.

Осенью того же года он ставит перед Совнаркомом вопрос об издании «Истории гражданской войны».

В декабре сам редактирует статьи для первого номера «Наших достижений». И в феврале 1929 года выпускает под своей редакцией первый номер журнала.

В июне 1929 года выступает с докладом, после которого принимается решение издавать иллюстрированный журнал «СССР на стройке» (будущий «Советский Союз»). В июне же обсуждает с ленинградскими писателями проект организации журнала «Литературная учеба».

В октябре того же года беседует с Михаилом Кольцовым о необходимости издания журнала «За рубежом».

В декабре выходит первый номер «СССР на стройке» — Горький в его редколлегии.

В апреле 1930 года выходит первый номер «Литературной учебы» под редакцией Горького, который до этого три месяца занимался проспектами журнала.

В [illegible] выходит первый номер «За рубежом», [illegible] под редакцией Горького.

В [illegible] 1931 года Горький выступает [illegible] статья [illegible] «Библиотека поэта».

В сентябре того же года привлекает писателей к созданию «Истории фабрик и заводов» и, когда по Постановлению ЦК ВКП(б) издание начинается, входит в редакцию этой, по его собственному выражению, «энциклопедии нашего строительства».

В том же 1931 году выдвигает проекты изданий «История молодого человека», «История науки», «Жизнь замечательных людей».

В июне 1932 года Горький участвует в составлении записки в Совнарком о необходимости создать специальное издательство детской литературы, которого до этого у нас не было.

В 1933 году редактирует материалы альманаха «Год шестнадцатый»; первая книга этого альманаха (предшественника журнала «Наш современник») выходит в 1933 году.

Осенью 1933 года задумывает выпуск «Библиотеки фольклора».

В 1934 году выдвигает идею издать книгу «Люди второй пятилетки» и обсуждает с писателями замысел создания «Истории деревни».

Осенью этого же года выходит первый номер организованного по инициативе Горького журнала «Колхозник».

В марте 1935 года Горький проводит совещание редакторов и авторов серии книг «Две пятилетки».

В июне того же года по предложению Горького начинает готовиться, кроме Большой, еще и Малая серия «Библиотеки поэта»...

Я перечислил далеко не все, очень многое пропустил. Но и перечисленное дает представление о размахе деятельности Горького, поистине титанической. Подумать только, что все это — что осуществлено, существует, продолжает делаться и сейчас, через сорок лет, — все это задумал, начал, двинул с места Горький!

Необыкновенный, удивительный человек!

Может быть, и даже наверное — самая удивительная личность, не только в нашей, но и во всей мировой литературе XX века.

Человек, вспоминая о котором вспоминаешь не только то, что мы за сорок лет успели сделать из числа всего им задуманного, вспоминаешь и о том, что многое из задуманного им еще не сделано нами или не доделано и следует до конца.

И еще вспоминаются сказанные тогда, в 1934 году, на Первом писательском съезде слова Анны Караваевой о Горьком:

«...Мы, у которых перед глазами такой живой пример (Горький. — К. С.), не имеем никакого права жить ограниченно и узко, только в своем литературном кругу».

Очень важные слова. Действительно, среди многого очень важного, чему учил нас Горький, может быть, наиважнейшее как раз это — его убеждение в том, что писатель не имеет права жить ограниченно и узко.

Константин ФЕДИН

Время никогда не даст загаснуть дням нашего Первого съезда. Как бы заглавной его картиной память открывает эти дни притоками людских толп к дверям Дома союзов.

Здесь, среди сменяющихся тысяч и тысяч взоров, улица не уставала спрашивать: «А это кто? Поэт? Детский писатель? А на каком языке пишет? Гляди, гляди — это который... Ну да, в театре раскритиковали... Ах, этот!.. Конечно! А ты читал?»...

Никогда до той поры не раскрывались читательские круги во всех советских республиках столь широко, столь многовидно. Съезд захватывал интересы не только литературы, не одних искусств даже — его слушал, о нем говорил читатель, с яркостью проявляя рост созданной за полтора десятка лет советской культуры.

Колонный зал Дома союзов в Москве был сгустком этих еще небывалых в таком масштабе взаимных интересов писателей с читателями. С утра до вечера звучали ораторские голоса делегатов, приветствия гостей, шум аплодисментов и смеха — да, смеха, потому что искусство должно владеть всеми жанрами, если художник хочет, чтоб оно было полноценно.

Дискуссия о юморе и сатире тоже имела место на съезде. Многое видится красочным, значительным, важным, и я назову, к примеру, выступавших делегатов на одном из заседаний (вовсе не ради того, что был в их числе).

Казалось, мы ведем наш писательский разговор друг с другом, то пылкий, то веселый, и, главное, не хочется его кончать. Владимир Лидин, Всеволод Иванов, и вот уже спор с Ильей Эренбургом, а рядом — Александр Фадеев, и вот Юрий Олеша, рассказывающий, как вернулась к нему его молодость, а тут же Лидия Сейфуллина с признанием, что трудно говорить после сильной речи Юрия Олеши, и затем — с грустнейшей констатацией, — что всех нас «слишком скоро и охотно сделали писателями».

Однако съезд — событие союзного значения. Его дыхание слышится во всех республиках, а почти каждая из них многоязычна, все меньше остается народов бесписьменных, и продолжение этого развития составляет интернациональный долг советской культуры. В речи народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского прозвучали страстно и эта мысль, и это чувство.

Чудесно назвал А. М. Горький ашуга Сулеймана. «Гомер XX века», — сказал он в своем заключительном слове и затем вновь призвал писателей к фольклору как началу искусства слова.

Всю жизнь я вижу и вижу поразившую меня картину. В конце заседания, когда поднялся, начал расходиться президиум, вдруг стали задерживаться. Горький, бывший со всеми, обернулся, чтобы посмотреть, в чем помеха. К нему плавно близился Сулейман в огромной, неизменно кудрявой овечьей папахе, в бурке, словно отлитой из металла. Горький сделал шаг навстречу и остановился. Уже стоял и поэт. Неподвижными сделались окружающие. Странно замерло все, будто не только движение, но и любой звук был запретен. И еще удивительнее казалось то, что каждый, будто приговоренный к безмолвию, только что на заседании слушал поэта с восхищением. А теперь... Но, конечно, это был момент, и он прошел. Сулейман шагнул, не отрывая взгляда от головы Горького, которая поднималась над папахой дагестанца, и тихо проговорил с достоинством утверждения:

— Мы ровесники.

Горький сжал руку с теплотой почти застенчивой. Такого слова он не ждал.

Тогда взорвались рукоплескания на все лады, на все краски...

И множество, да, множество подобных крох воспоминаний могли бы понабрать свидетели, участники работы нашего Первого съезда советских писателей.

На всем протяжении исторического пути развития нашего общества, нашей литературы мы отчетливо видим нить, связывающую все вехи этого пути, — ленинский курс к коммунизму.

А. М. Горький среди делегатов Первого всесоюзного съезда советских писателей.

ДЕВЯТЬ СЕВЕРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

■ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

...На торжественном открытии Дней советской литературы, которое состоялось в Сыктывкарском музыкальном театре, с большой речью выступил первый секретарь Коми обкома КПСС И. П. Морозов.

Секретарь правления Союза писателей СССР А. Кешоков, возглавлявший бригаду, подчеркнул, что выступления и встречи писателей на земле Коми — праздник не только одной автономной республики, это праздник всей многонациональной советской литературы. Поездки писателей в разные республики, встречи с читателями стали традиционными. Они необходимы писателям, необходимы и важны для их работы.

Затем А. Кешоков предоставил слово членам писательской делегации. Для одного из них—Героя Советского Союза прозаика С. Курзенкова выступление на вечере окончилось... неожиданной встречей. На следующий день его разыскала О. И. Акулова, сестра Героя Советского Союза Г. И. Давиденко, о котором С. Курзенков сейчас пишет документальную повесть. Кстати, брат писателя Александр Курзенков прошел с Г. Давиденко всю войну, вместе они принимали участие в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Латвии, Литвы, Эстонии. Оба получили звание Героя Советского Союза и оба погибли 8 мая 1945 года. С. Курзенков знал, что Г. Давиденко — уроженец Полтавщины, что он воевал в одной части со своим отцом Иваном Давиденко... Два года назад Иван Давиденко умер. Но С. Курзенков не знал, что у Григория была сестра...

Дорога всегда дарит встречи. И память о местах, где мы бываем, — это прежде всего память о людях, которых мы узнали, о друзьях, которых обрели, о тех, кто нас заинтересовал той или иной гранью своего характера, заинтересовал своей судьбой, своим трудом.

Не случайно, я думаю, в Сыктывкарском университете, молодом и самом северном университете страны, выслушав рассказ ректора, доктора географических наук профессора В. А. Витязевой о жизни вуза, писатели единодушно попросили рассказать ее о себе. Устремленность в будущее — черта, характерная для людей, подобных Витязевой. Валентина Александровна живет перспективами развития науки, будущим университета. С такой же увлеченностью рассказывал писателям о новых районах Сыктывкара главный архитектор города В. И. Санькин. Директор Сыктывкарского лесопромышленного комплекса И. Н. Балин показал гостям новые цехи, детально познакомил с работой предприятий. Участники Дней литературы побывали на строительных площадках треста «Комипромжилстрой», на Вычегодском судоремонтном-судостроительном заводе и деревообрабатывающем комбинате, а потом четырьмя группами отправились по разным маршрутам земли Коми, которую пересекают девять северных параллелей.

А. Кешоков, Б. Окуджава, Т. Жирмунская, Е. Храмов, А. Веан, Г. Юшков отправились в Воркуту, Инту, где их ждали шахтеры, железнодорожники, строители.

Б. Ласкин, В. Кузнецов, А. Агабаев, З. Тхагазитов, Д. Ковалев, Р. Ахматова, Т. Рыбас, И. Торопов вылетели в Печору — город горняков, нефтяников, геологов, чтобы потом отправиться в Усинск на крупное нефтяное месторождение, побывать на ударной комсомольской стройке.

Ухта — центр нефтегазовой промышленности Коми АССР; Вуктыл — один из крупных газопромыслов страны, откуда берет свое начало газопровод «Сияние Севера»; месторождение нефти у поселка Ярегу, где ценное сырье добывают шахтным способом, — маршрут третьей группы, в которую входят Д. Гусаров, М. Соболь, М. Сергеев, А. Смольников, О. Дмитриев, В. Попов.

Четвертая группа — Г. Ахунов, Н. Аврамчик, С. Курзенков, И. Машбаш, А. Рекемчук, В. Леканов — посетит молочно-овощеводческий совхоз, побывает в Сысольском районе, на родине основоположника коми литературы И. Куратова, совершит поездки в пригородные села Сыктывкара, где трудятся и живут лесосплавщики...

И. РИШИНА,
специальный корреспондент «ЛГ»

СЫКТЫВКАР

А. Кешоков среди читателей. Фото В. КРОХИНА

КНИЖНАЯ НОВИНКА

«РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ»

Эта маленькая красная книжица выпущена главным комсомольским издательством страны —«Молодой гвардией»...

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин...

На обложке серебром выбито: «Разговор с товарищем Лениным». Владимир Маяковский. Небольшое стихотворение, вошедшее во многие литературные хрестоматии. Иллюстрации выполнены

художником В. Носковым. Тираж — 10 тысяч экземпляров.

Но поражает одна деталь — небольшое, казалось бы, стихотворение заняло 208 печатных страниц. 208! Дело в том, что оно напечатано на 32 языках народов мира — русском, английском, испанском, французском, немецком, японском и других. И, едва успев увидеть свет, книжная новинка стала библиографической редкостью.

А. МОСКАЛЕВ

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ИМЕНИНЫ БУКВАРЯ

Букварь... Первый учебник в жизни.

Четыре века отделяют сегодняшнего школьника с его иллюстрированным, ярким учебником от первой отечественной Азбуки, напечатанной Иваном Федоровым.

В 1574 году первопечатник выпустил скромную по объему и оформлению книжку. Азбука учила не только буквам и их правильному написанию, но и верному ударению в словах, включала тексты для закрепления знаний, давала представление об арифметическом счете. Это была своеобразная методика для учеников и учителей: «Приложи сердце твое к научению...»

Букварь Ивана Федорова открыл эру книгопечатания для детей. И поэтому 400-летие со дня выхода Азбуки — большое событие в культурной жизни нашей страны. Издательство «Просвещение» выпустило в свет сувенирное издание «Букваря». Второе юбилейное издание — альбом. Это своеобразная «букварная антология» за четыре века.

Юбилею первого учебника будут посвящены конференции, праздничные вечера и утренники. А 12 сентября состоится главное торжество — в Колонном зале Дома союзов.

Б. РЯЗАНЦЕВ

Алексей Сурков в цехе сборки «Москвичей» на АЗЛК
Фото А. ЛЕВИНА

НАМ СООБЩАЮТ...

КАРЕЛЬСКАЯ СКАЗИТЕЛЬНИЦА

На родине известной сказительницы Ирины Андреевны Федосовой в деревне Кузеранда — это в Заонежье, недалеко от знаменитых Кижей, — на днях прошел литературный вечер, посвященный народной поэтессе, ее поэтическому наследию.

Федосова... Поэтические образы ее «плачей» использованы в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Имеют прямую связь с творчеством сказительницы и другие некрасовские произведения, такие, как «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская», «Мороз, Красный нос».

«...Олицетворением старой русской народной поэзии» называл И. А. Федосову А. М. Горький. Она встречалась с виднейшими представителями русской культуры — Ф. И. Шаляпиным, Н. А. Римским-Корсаковым, М. А. Балакиревым.

М. ТАРАСОВ

ПЕТРОЗАВОДСК

литературная панорама

ПРЕМЬЕРЫ

ГОВОРЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

...Неделю назад на наших глазах, на глазах аудитории, которая привычно насчитывает десятки миллионов ревностных друзей литературы и поклонников телевидения, родилось чудо. Его создатель — писатель, ученый и артист Ираклий Андроников назвал этот жанр говорящей литературой.

Да, именно говорящая и именно литература! Я говорю о премьере первого из фильмов нового телевизионного цикла «Слово Андроникова». Устные рассказы Ираклия Андроникова имеют удивительную историю. Родившись в писательском быту, в литераторских аудиториях, они уже давно завоевали самые большие концертные залы Москвы, Ленинграда, Тбилиси и многих других городов страны. Тысячи, десятки тысяч слушателей, начиная с Горького, А. Толстого, Фадеева, Маршака, Федина, Тихонова, испытали несравненное наслаждение, слушая устные рассказы Ираклия Андроникова, в которых писательское мастерство слилось с его артистическим дарованием.

Неделю назад телевидение подарило их десяткам миллионов друзей литературы, которые, не сомневаюсь, с таким же острым увлечением смотрели и слушали рассказы нового цикла Ираклия Андроникова об А. Остужеве («Горло Шаляпина») и Герое Советского Союза, генерал-полковнике П. Г. Чанчибадзе («Беседа генерала с бойцами пополнения»). Это первый из нового телецикла фильм, который сделан И. Андрониковым совместно с группой режиссера В. Зобина из творческого телеобъединения «Экран».

Съемки нового телецикла продолжаются. Идет интересная творческая работа. Какие еще удивительные открытия готовит нам Ираклий Андроников в том особом и интереснейшем жанре, создателем которого он является?!

И. МАР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕНАТЫ

ДОМ В ТРИ ОКОНЦА

«Я оставляю Крутогорск, — писал в «Губернских очерках» М. Е. Салтыков-Щедрин. — Предо мною растворяются двери новой жизни... И между тем... Тайное горе сосет мое сердце... Ужели я в Крутогорске оставил часть самого себя?.. Да! не мог же я жить даром столько лет, не мог не оставить после себя никакого следа!»

Кому не известно, что Крутогорск — это столь печально знаменитая старая Вятка. Время столь же безжалостно и памяти о прошлом, как и великодушно. Оно сохранило деревянный дом в три оконца на бывшую Вознесенскую улицу, где более 125 лет назад поселился сосланный под надзор полиции молодой литератор М. Е. Салтыков. Здесь теперь находится литературный музей. Это пока единственный в нашей стране музей М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Полосатый столб николаевских времен с фонарем встречает у входа во двор аккуратного, затемненного зеленью домика. Тишина в кабинете с окнами, выходящими в сад. Откинута доска-столешница секретера. На ней колокольчик, подсвечники, подставка с гусиными перьями, бланки Вятского губернского правления, на которых будущий великий русский сатирик делал литературные наброски. Гулко бьют полуденное время старинные часы на стене... Кажется, что

писатель только что вышел, вот-вот вернется и снова, пододвинув стул, углубится в работу.

Энтузиазму литераторов, и в первую очередь неутомимому в своих историко-литературных разысканиях Е. Д. Петряеву и заведующей музеем Л. И. Порфирьевой, обязаны мы тем, что двери дома по улице Ленина, 93, сегодня открыты для всех.

Арк. МИНЧКОВСКИЙ
гор. КИРОВ

ПОИСКИ И НАХОДКИ

«ПУШКИН РУКУ ПРИЛОЖИЛ»

Пожелтевшая старинная бумага. Выцветшие чернила. Знакомый, характерный почерк...

Нелегко описать волнение литературоведа, держащего в руках неизвестный прежде автограф Александра Сергеевича Пушкина. Ведь подобные находки случаются сейчас крайне редко.

* *

Болдино и Кистеневка по административному делению первой трети XIX века относились к Сергачскому уезду. Где могли храниться документы, связанные со вступлением во владение Кистеневкой «10-го класса чиновника Александра Пушкина»?

Все дореволюционные архивные материалы уездных городов губернии поступали только в Нижний Новгород. Работая в фондах Государственного архива Горьковской области, Н. Н. Куприянова обнаружила три документа, датированные 1830 годом, на которых сохранились надписи, сделанные пушкинской рукой. В одной из папок — «Книга верющих писем». Среди пожелтевших от времени ветхих страниц, когда-то скрепленных шнуровкой и сургучной печатью, оказались тексты двух писем, выданных А. С. Пушкиным своему доверенному лицу Петру Кирееву: «К сей записке и сказке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил, а подлинное верющее взял к себе». Эти «верющие письма» давали Петру Киреееву, управляющему Пушкиных, право оформить документы на вступление во владение Кистеневкой в Нижегородском уездном суде и в казенной палате от имени поэта...

В другой папке был также обнаружен подлинный пушкинский автограф — подпись на вводном листе на владение поместной деревней. Эти три автографа добавляют некоторые, ранее неизвестные подробности к фактам, казалось бы, уже хорошо известным.

Хотя «география» поездок А. С. Пушкина по России считается хорошо изученной, прежде не было известно о том, что он когда-либо посещал город Сергач. Но тексты «верющих писем» были составлены и подписаны в здании Сергачского уездного суда.

Сергач, небольшой город в Горьковской области, может гордиться тем, что сто сорок четыре года назад величайший русский поэт ходил по его улицам. Так же, как гордятся этим москвичи и тбилисцы, кишиневцы и одесситы...

В. МАЛОВ
гор. СЕРГАЧ
Горьковской обл.

УКАЗЫ
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении члена-корреспондента Академии наук СССР Ломидзе Г. И. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии филологической науки, подготовке кадров и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить члена-корреспондента Академии наук СССР Ломидзе Георгия Иосифовича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ. 6 августа 1974 г.

О награждении писателя Аджиева А. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы наградить писателя Аджиева Анвара Абдулгамидовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ. 6 августа 1974 г.

О награждении писателя Куликова Л. И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Куликова Леонида Ивановича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ. 8 августа 1974 г.

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

СЕКУНДЫ... И РИСУНОК ГОТОВ!

ЕСЛИ человек, не знакомый с Михаилом Дудиным, увидит его сидящим в задумчивой позе над стопкой бумаги, с толстопёрым фломастером, зажатым в пальцах, то ни за что не догадается, что этот человек — поэт. Подумает: художник — и только... Но факт остается фактом: поэт Дудин рисует, иногда иллюстрирует свои книги...

...В большом, с высоченными окнами зале тюменской гостиницы «Турист» шла писательская конференция. Дудин только что выступил, спустился с трибуны, прошел на свое место. Сел в кресло, спокойный и чуть отрешенный, потом взял в руки листок...

Рисовать — для него своеобразная форма отдыха. Как он сам признается — «отдых и для мыслей, и для глаза...». Вот перо коснулось бумаги, немного помедлив, стремительно ринулось вниз. Всего какие-то доли секунды прошли, а на бумаге — готовый рисунок. Знакомый профиль... Пушкин!

— А вот сейчас... Сейчас мы изобразим... Моего друга Ивана Изаковича, — говорит Дудин, увлекаясь.

Несколько движений пером, плотная штриховка, и на бумаге появляется вылитый Изакович — этот словацкий писатель находился вместе с Дудиным в поездке по Оби.

(Вот этот рисунок)

Следующий лист. Крутой, чуть угловатый лоб, серпом изогнутая бровь. Но рисунок остается незаконченным. Хотя характер схвачен очень точно, узнаваемость, как говорят художники, стопроцентная. Пабло Неруда!

— Однажды в Чили мы ехали по пустыне, голой и бесконечно долгой. Вдруг видим — посреди песков зеленеет огромное дерево. Как оно выросло в пустыне — одному богу, наверное, известно. Делились с деревом запасами воды — выпили под корни. И так поступал каждый путник-чилиец, проезжавший мимо, — каждый делился с деревом водой... Вода была как любовь народная. А любовь эта, в свою очередь, как животворная вода, постоянно питала поэзию великого чилийца Неруды. Сейчас, когда внимание всего мира приковано к этой растерзанной латиноамериканской стране, я вспоминаю Чили времен Альенде, вспоминаю Неруду, друзей своих, и сердце обливается кровью... Больно, очень больно...

Дудин помолчал, отложил в сторону лист, посмотрел на него как бы издалека. Словно оценивая...

Потом, быстро проведя пером по новой странице, положил ее рядом с рисунком Пабло Неруды... Николай Тихонов!

— Хватит рисовать! Перерыв на обед. До следующего раза...

Но «следующего раза» не было — через несколько часов Дудин улетел в Ленинград.

В. ПОВОЛЯЕВ

ФОТОСТЕНД «ЛГ»

ЗАПОМНИВШАЯСЯ СТРАНИЦА

Узбекистан! Земля, взлелеянная трудолюбивыми людьми, одаривает нас своими плодами.

Республика наша богата новостройками... Строятся Сырдарьинская ГРЭС и Андижанское водохранилище, Наманганский канал и Ташкентский метрополитен...

Рассказать о трудовых буднях рабочих, колхозников — долг писателей. Дружба с ними у нас давняя, крепкая. Литераторы — частые гости и нашего целинного совхоза, созданного в Голодной степи. С их помощью у нас собралась большая библиотека.

Приезжают к нам писатели из Российской Федерации и с Украины, из Казахстана и Прибалтики, из Белоруссии и Закавказья — словом, из всех, буквально из всех братских республик. Это стало доброй традицией, одной из запомнившихся страниц нашей жизни...

Туйчи ДАДАЖАНОВ,
Герой Социалистического Труда, механик-водитель совхоза имени Ленина Сырдарьинской области

На снимке: Ольга Гончар беседует со строителями Сырдарьинской ГРЭС.
Фото Е. ШАГОВА

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Здесь сражались партизаны

Недалеко от белорусской деревни Жилин-Брод открыт памятник отряду имени Н. Островского. Интересно, что первым командиром отряда был родственник классика белорусской литературы Максима Богдановича капитан В. Н. Богданович, который присутствовал на открытии памятника.

Григорий РОДЧЕНКО,
учитель

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ

О ЛЮДЯХ ЗНАТНЫХ

Одесское издательство «Маяк» готовит к выпуску новый сборник очерков. Авторы сборника, писатели и журналисты, рассказывают о знатных людях — передовиках промышленности, транспорта, сельского хозяйства, деятелях науки, культуры — героях девятой пятилетки.

Вот Анатолий Барановский, бригадир докеров Ильичевского порта... Применив новые, более совершенные методы труда, его бригада добилась выдающихся показателей в работе. «Бригадный капитан» — так называется очерк Ивана Гайдаенко об А. Барановском. Герой Социалистического Труда Анна Дудник — одна из лучших доярок не только в Одесской области, но и на всей Украине. Ей посвящен документальный рассказ Лидии Селютиной «Беспокойные руки Анны». О другой мастерице — консервщице Лидии Щелковой рассказывает Анастасия Зорич. Пафос героических будней строителей, переняв[illegible] метод злобинцев, передает в очерке «Биография, выложенная из камня» Богдан Сушинский. Люди села — творцы высоких урожаев — герои очерков Якова Скворского, Олеся Шеремгового, [illegible] — произведений Юрия Михайлика и Юрия Удовиченко. Открывается сборник стихотворным предисловием-запевом Ивана Рядченко.

Ю. УСЫЧЕНКО

ОДЕССА

Коллектив редакции «Литературной газеты» с глубокой скорбью извещает о смерти старейшей сотрудницы газеты

ФАИЗУЛИНОЙ
Людмилы Сергеевны

и выражает искреннее соболезнование родным и близким покойной.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Михаил ШАТРОВ:

ВЕРНОСТЬ ДОКУМЕНТУ

Корреспондент «ЛГ» обратился к драматургу с просьбой рассказать о его новой работе, о том, чем занят он сейчас.

— Думаете ли вы продолжить работу над революционной темой?

— Обязательно. Хотелось бы сказать о том, почему я вновь обратился к образу вождя революции В. И. Ленина. Идеологи антикоммунизма в ожесточенной битве идей сегодня применяют определенный пропагандистский маневр, заключающийся в том, чтобы искажения марксизма выдать за марксизм, а отступление от ленинизма — за ленинизм. Борьба со всевозможными фальсификаторами великого ленинского учения — вот что служит идейным стержнем [illegible], над которым работаю вместе с доктором исторических наук [illegible]. Это будет политический фильм. В его основе — история признания государственной независимости Финляндии молодой Советской республикой в декабре 1917 года. Многие места будет отведено и дням пребывания В. И. Ленина в Финляндии.

Добавлю, что в издательстве «Советский писатель» только что вышел сборник моих пьес «18-й год», в центре которых образ В. И. Ленина. Сюда включены пьесы «Шестое июля» (в новой редакции), «Большевики», «Именем революции».

— Еще один вопрос... Когда вы пишете, какого зрителя вы видите перед собой?

— Зритель — это не абстрактное понятие, это человек со своими взглядами, своим опытом. Зритель — это рабочий, колхозник, студент, инженер, ученый. Он привык самостоятельно оценивать события, он всегда находится в гуще жизни, и когда он видит на сцене вместо правды театрализованное правдоподобие, а вместо подлинного характера встречается с его бледной или искаженной копией, то, естественно, перестает тебе верить.

Я следую правилу: говорить со зрителем надо серьезно, иногда полемизируя, отстаивая свою точку зрения, но всегда уважительно: ведь зритель — твой судья.

— Спектакль «Погода на завтра», поставленный недавно на сцене московского театра «Современник», как и некоторые ваши предыдущие пьесы, создан на документальном материале. Какое место займут документы в ваших новых замыслах?

— Сейчас для Театра Советской Армии я пишу пьесу «Конец (Последние дни ставки Гитлера)». Она расскажет о победоносной Советской Армии, о последних днях обитателей бункера гитлеровской имперской канцелярии, о позорном конце фашистских главарей. Действие пьесы происходит в течение десяти дней — с 20 по 30 апреля 1945 года.

В этой пьесе на документальных материалах (среди них будут и ранее неизвестные, архивные) я хочу рассказать о безуспешных попытках нацистских главарей [illegible] антифашистскую коалицию и спасти тем самым рейх от окончательного краха, а себя — от неминуемого возмездия; о полном военном, моральном и идейном банкротстве фашизма.

Мне кажется, эта пьеса своевременна еще и потому, что сейчас наиболее агрессивные реакционные круги империалистических стран взяли «курс на реабилитацию» Гитлера, всячески пропагандируя и беря на вооружение в борьбе с социализмом его так называемое «духовное наследие».

Пьеса «Конец» будет приурочена к 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.

ДИАЛОГ

ЭМОЦИИ — НАУКЕ, РАЦИОНАЛИЗМ — ЛИТЕРАТУРЕ?..

НТР — литература — наука... Сегодня на эту тему ведут диалог директор Института имени Н. Ф. Гамалеи академик АМН СССР О. В. БАРОЯН и писатель Виль ЛИПАТОВ.

Виль ЛИПАТОВ

О. В. БАРОЯН

О. БАРОЯН. Я думаю, мы не будем придерживаться точной, предварительно запланированной тематической программы? НТР — литература — наука — вот главное направление, в вопросы, нами затрагиваемые, могут быть самые разные.

В. ЛИПАТОВ. Согласен. Пусть беседа будет свободной...

О. БАРОЯН. Не только литераторов волнует, что произойдет с литературой в эпоху научно-технической революции, например, в связи с обильным потоком информации...

В. ЛИПАТОВ. С литературой ничего не произойдет. Она несколько изменит формы познания действительности. Так она поступала всегда со времен древней Греции и Рима до наших — «атомных» — дней. Но писатель будет всегда интересоваться душевным миром человека, идеями своего времени.

О. БАРОЯН. Значит, что-то все-таки с литературой произойдет, и немаловажное, если вы говорите об изменении форм художественного познания. Разве маловажно хотя бы то обстоятельство, что информацию (а ведь она тоже формирует личность) люди раньше черпали большей частью из книг, а теперь...

В. ЛИПАТОВ. Эмоциональную информацию человек и теперь черпает из произведений искусства и будет черпать и впредь.

О. БАРОЯН. Здесь вы правы, но хотите уйти от той проблемы, которую я ставлю. Я имею в виду не профессиональную только и не эмоциональную — тем более — информацию. Я говорю об информационном взрыве, о характерном переключении внимания людей на события, изложенные, так сказать, документально. Ведь недаром сейчас документальные произведения сильно потеснили художественные.

В. ЛИПАТОВ. Я не считаю этого. Просто документальные жанры развились и заняли свое достойное место.

О. БАРОЯН. Но они вызывают повышенный читательский интерес.

В. ЛИПАТОВ. Отчасти да. Но с хорошей художественной книгой чистой документалистике все-таки трудно конкурировать.

О. БАРОЯН. Это дело вкуса. И еще. Нельзя не учитывать, что раньше литература играла большую роль в формировании личности. Существует немало людей, в том числе и высококвалифицированных специалистов, которые мало читают художественную литературу. Некоторые ссылаются на занятость, усталость, другие откровенно сетуют даже на недостаток в книгах профессиональной информации.

В. ЛИПАТОВ. Это люди с обедненной духовной жизнью. Такие люди были всегда.

О. БАРОЯН. Вы считаете, что их можно причислить к категории людей с обедненной духовной жизнью?

В. ЛИПАТОВ. А почему бы и нет?

О. БАРОЯН. А не логично было бы посоветовать писателям несколько более критично взглянуть на свое творчество, изменить подход к некоторым проблемам в соответствии с изменившимися условиями жизни?

В. ЛИПАТОВ. В начале XX века люди пережили нечто похожее на то, что мы сегодня называем футурошоком. Литература моментально отреагировала на это. Реакция была своеобразной, много в ней оказалось наносного, случайного. Вспомним, с чего начинали Маяковский, Блок и другие. Но в общем-то все возвратилось на круги своя, и мы по-прежнему зачитываемся Толстым и Достоевским. И теми же Маяковским и Блоком. Путешествуем в автомобилях со скоростью свыше ста километров в час и... часами листаем страницы с описанием внутреннего мира Болконского и Алеши Карамазова.

О. БАРОЯН. Я согласен с вами в этом, но вы просто отсекаете от духовной жизни ту часть «нечитающих» людей, о которой я говорил. А вы, наоборот, должны бы их привлечь к себе, сделать активными, обогатить их внутренний мир. Насколько бы выиграло человечество... Сейчас происходят интересные процессы в межличностных отношениях внутри коллективов. В науке коллектив творцов стал способен решать задачи колоссальной важности; при этом усиливается роль ведущих, лидеров коллектива. Но лидер один, без коллектива, бессилен, ибо научные проблемы стали обладать поистине космическим размахом. Возьмите молекулярную биологию. Эта наука не имеет даже своей истории. Для того чтобы ее двинуть вперед, нужны были усилия многотысячных коллективов. О чем это говорит? Мне думается, что художественные произведения должны учитывать изменения, происходящие в эпоху научно-технической революции. Проблема «личность — коллектив» должна быть разработана многосторонне и досконально.

В. ЛИПАТОВ. Вы несколько упрощаете проблему...

О. БАРОЯН. В науке всегда так. Чтобы решить, надо упростить, точнее — прояснить, сформулировать задачу и сконцентрироваться на главном.

В. ЛИПАТОВ. В литературе зачастую наоборот. Для того чтобы решить, надо усложнить, надо уловить явление во всей полноте... Отношения личности и коллектива всегда интересовали писателей. Эта проблема нашла глубокое отражение в литературе, скажем, 30-х годов, и в особенности в литературе, посвященной Отечественной войне. Ведь единство интересов личности и коллектива сыграло чрезвычайно важную роль в победе над фашизмом. Об этом мы читаем и у Твардовского, и у Симонова, и у Бондарева, и у Быкова, и у многих других.

О. БАРОЯН. Я не склонен переоценивать значение литературы в формировании личности. Я думаю, что ее формируют в большей степени окружающая среда, различные социальные факторы. Литература, по-моему, оказывает более сильное воздействие на взрослого человека. Почему я стал медиком, а вы писателем?

В. ЛИПАТОВ. Еще Гёте считал, что человек становится художником, глядя на картины, а не на живую природу!

О. БАРОЯН. Гёте прав. Ученый — это тоже художник, творец. Но он становится ученым задолго до того, как попадает в лабораторию. Это сложный вопрос, и заостренность, с которой я веду разговор с вами, направлена не на то, чтобы умалить значение литературы, а на то, чтобы писатели изменили свой подход к научному творчеству, насытили свои страницы более емкой душевной, эмоциональной, как вы ее называете, информацией.

В. ЛИПАТОВ. А ученые, в частности медики, психологи, должны объяснить людям, что сумма знаний еще не делает человека личностью, что личность формируется в гораздо большей степени посредством эмоциональной информации, то есть задача литературы — передавать идеологическую, научную, этическую, эстетическую информацию эмоциональным путем, взывая к чувствам человека через его душу. Поймите меня правильно. Я не отодвигаю разум на второй план, но вспомните толстовскую Наташу Ростову, сидящую на подоконнике и размышляющую о жизни. Толстой открывает перед нами неизведанные просторы человеческой души, информируя нас о самых интимных переживаниях молодой девушки.

О. БАРОЯН. Любопытно, что, пытаясь доказать какую-то свою точку зрения, некоторые писатели часто прибегают к классическим примерам. С помощью классики можно объяснить все что угодно, а в современных книгах все-таки очень мало подобной информации, и это объясняется отнюдь не оскудением земли талантливыми людьми. Просто классики всегда соответствовали своей эпохе. Теперь же художественные приемы многих писателей отстают от эпохи научно-технической революции, и в этом я усматриваю их основную слабость.

В. ЛИПАТОВ. Эта проблема и меня интересует давно. Но до сих пор я ее не решил даже для себя.

Ныне даже самый скромный писатель не прочь порассуждать об Эйнштейне, Королеве и успехах молекулярной физики, а уж в биологии и медицине «специалистов» не перечесть. Это вам известно, даже вызывает у вас раздражение.

О. БАРОЯН. Да.

В. ЛИПАТОВ. О чем это свидетельствует? НТР проникла во все сферы человеческой жизни, даже в психический строй человека. Влияет она и на литературу, и на искусство. Этика, нравственность, мораль, понятие о долге и чести — в основе своей не изменились! Но и они испытывают на себе влияние НТР. И вы справедливо отметили, что литература отстает от века научно-технической революции, но вы должны понять, что писателю, для того чтобы осмыслить материал, надо отойти от него на определенную дистанцию.

О. БАРОЯН. Не всегда. Достоевский был остросовременным писателем. А Чехов? Не говоря уже о Горьком и Маяковском.

В. ЛИПАТОВ. И все же дистанция нужна. Теперь, может быть, больше, чем раньше. Человечество становится мудрее, а мудрость — это время.

О. БАРОЯН. Я думаю, что некоторые зарубежные футурологи правы, указывая на опасность того, что человек не успевает адаптироваться к быстро изменяющимся условиям. И, видимо, в рассуждениях Тоффлера о футурошоке есть какая-то доля истины, хотя в общем он не прав. Тем более литература должна обратить самое серьезное внимание на информативную свою сторону — пусть в нашей, Виль Владимирович, модификации. И, в частности, на взаимоотношения личности и коллектива. Это мне кажется самой важной проблемой. Существуют противоречия? Существуют. Как ученый я могу сказать, что между учителями и учениками возможны конфликты. Порой руководители лабораторий и отдельные исследователи вступают в спор. А разве нельзя себе представить противоречия между желанием и необходимостью? Я думаю, что и на заводах, и в творческих организациях существуют такие конфликты. Мне представляется, что задача писателя — подойти к ним вплотную. Вы обязаны, просто обязаны взывать к лучшим сторонам души человеческой. Ведь к голосу советского писателя прислушиваются и за границей. Я был во многих странах мира и знаю, как там интересуются нашей литературой.

В. ЛИПАТОВ. Конечно, я понимаю ваше беспокойство за судьбу личности, понимаю ваше желание найти в литературе ответы на жгучие вопросы современности. Но я не сторонник того, чтобы драматизировать существующее положение вещей.

О. БАРОЯН. Я тоже не сторонник этого. И все же на многие проблемы человеческого поведения должна ответить литература. Нужно, чтобы она была плотно «набита» информацией. Самой разнообразной! Проблема отношения личности к коллективу должна быть освещена с разных сторон. Даже интимный мир человека не может быть обойден в этом плане. Мне кажется, что некоторые литераторы по разным причинам огрубляют схему. Они делят жизнь человека на личную и общественную. Отсюда много скучных, серых произведений. Вот сейчас часто слышишь, что мало хороших книг о рабочем классе. А об ученых или артистах много хороших книг? Долг писателя — всесторонне исследовать проблему, книга его должна быть философичной — без этого качества не будет эта книга подлинно современной.

В. ЛИПАТОВ. Вы правы, когда говорите, что нельзя без философичности. Так было у Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Горького. Так это у Шолохова, Федина, Леонова. Но не пытаетесь ли вы навязать литературе свой метод исследования? Отношения между коллективом и личностью надо развернуть вширь, и эта широта даст проблеме глубину. Вот, к примеру, как действовал Достоевский, создавая образ Раскольникова. Он везде — в разговорах со следователем, Сонечкой Мармеладовой, Свидригайловым, буквально со всеми, развивает, варьирует одну и ту же тему, поворачивая ее, открывая в ней все новые и новые стороны. И с каким «исчерпывающим» искусством Достоевский рассказал нам о своем понимании преступления и наказания!

О. БАРОЯН. Несмотря на то, что я чаще нападал на вас, чем вы на меня, мы уже нащупали один «элемент согласия». Уж слишком часто слышишь, что сейчас нет Толстых и Достоевских. Нельзя, вредно прятаться за такую формулу. Литература и наука — это всегда бой, штурм, атака...

В. ЛИПАТОВ. ...или долговременная осада!

О. БАРОЯН. Пусть так! Но это всегда дерзание, всегда утверждение каких-то новых духовных ценностей. Вот почему эта печальная формула «отсутствия» может только разоружить.

В. ЛИПАТОВ. Пожалуй... Я просто считаю, что сейчас происходит вполне объяснимое увлечение людей разбором острых проблем. Наша эпоха, наше общество ищет и все более находит правильные соотношения между поведением и интересами личности и коллектива. И между человеком и природой. Человек долгое время изменял среду, не задумываясь над последствиями. Сейчас жизнь его заставила задуматься. Может быть, не стоит с такой страстью сдвигать горы и перекрывать течение рек?

О. БАРОЯН. Есть предел способности человека адаптироваться к происходящим изменениям, и этот предел нельзя не учитывать. Дюбо, Маккензи, Селье и другие биологи стоят на крайних позициях, но в одном они безусловно правы — стоит призадуматься!

Десятки и десятки миллионов человек в мире голодают, во многих странах свирепствуют опустошительные эпидемии, а сколько сил и средств забрали гонка вооружений и «холодная война»? Вот почему люди и к литературе начали предъявлять повышенные требования, понимая ее гуманистическую силу, способность влиять на умы. Мне близка ваша мысль о том, что нужно «сбалансировать» интересы общества и личности. В этой сфере наша экономическая наука поработала хорошо. Теперь очередь за литературой, за созданием новых высоких духовных ценностей, убедительных примеров, в которых так нуждается молодежь.

В. ЛИПАТОВ. Сегодня молодежь тянется к гуманитарным дисциплинам. Эта тяга волной прошла по всему миру — МГУ, Гарвард, Сорбонна... Я не во всем согласен с теми зарубежными учеными, которые считают, что человечество развивается волнами. Полоса технического расцвета, затем — духовного, затем — опять технического. В этом есть, может быть, доля истины, но я думаю, что сейчас настало время «сбалансирования» крайностей. Технический расцвет должен идти параллельно духовному, иначе человечеству грозило бы вырождение.

Любопытно, как вы сами относитесь к прочитанному — как ученый и человек?

О. БАРОЯН. Литература в моей жизни сыграла огромную роль. В юности я увлекся эпидемиологией, предупреждением массовых заболеваний. Я знаю, что розы дарят хирургу, ибо труд остается часто незамеченным. Но все-таки я стал эпидемиологом. Благородство чеховского Дымова, подвиг Пастера — все это я узнал из литературы. Более того, я три года учился на филологическом факультете. Литература всегда присутствовала в моем сознании, когда я во многих странах мира боролся с опаснейшими эпидемиями чумы, оспы, холеры, желтой лихорадки... Литература — это великое выражение человеческого духа — способна вдохновить людей на решительные, необходимые всему человечеству поступки. И я твердо знаю, что сейчас положение дел таково, что она должна стать вровень с научно-техническим прогрессом. Заинтересованность нашей партии и всего нашего народа — рабочих, колхозников, народной интеллигенции — в делах литературы не случайна. А интерес к зарубежному культурному климату? Посмотрите, сколько здесь «парадоксов». Как во Франции — стране Гюго и Золя, Вольтера и Руссо — могут распространяться комиксы? Почему в скандинавских странах, давших миру Андерсена, Ибсена, Лагерлеф, Грига, люди увлекаются порнографическими поделками? Однажды я ехал в поезде с крупным американским ученым Солком. Перед сном я читал роман Агаты Кристи, а он листал адаптированный текст «Отелло». Это что-нибудь да значит, если такой интеллектуал, как Солк, обращается к адаптированному изданию. Поток информации вырос до труднообъяснимых размеров. Монбланы книг заполняют библиотеки. Я не призываю вас и ваших коллег к тому, чтобы изменить подход к объему художественных произведений, и не призываю к адаптации классики, но задуматься над приведенным мной фактом заставляет жизнь. Современный человек, очевидно, стремится с минимальными затратами труда и времени получить максимальную информацию.

В. ЛИПАТОВ. Возможно, что Солк читает адаптированный текст «Отелло» по-другому, что ему некогда. Во всяком случае я не хочу, чтобы мои дети следовали его примеру. Вместе с тем хочу обратить ваше внимание на то, что у нас сейчас наметилась необъяснимая тяга к детективному жанру. Я ничего не хочу сказать плохого об этом жанре, но он занял непомерное место в нашей культурной сфере. Человек к вечеру устает. Он не может уже больше воспринимать информацию. Его мозг следует растормозить. Вот чем, на мой взгляд, объясняется увлеченность детективным жанром. Вы, кстати, тоже в поезде читали Агату Кристи. Но, думается, необузданный информационный поток в конце концов станет управляемым. Будут найдены новые пути сбора, обработки и поступления информации, и настоящая литература займет подобающее ей место.

О. БАРОЯН. Это несколько своеобразное объяснение причины распространения детектива. Я думаю, что все объясняется проще. Дело в культурном уровне, в уровне духовных потребностей читателей, а не в «информационном взрыве».

В. ЛИПАТОВ. А как же быть с Солком?..

О. БАРОЯН. Я бы хотел, чтобы краткость и сюжетность детектива были соединены с яркостью художественных образов, философской глубиной, поэтическим настроением.

В. ЛИПАТОВ. У нас есть прекрасные новеллисты, рассказчики, такие, например, как Юрий Нагибин. Мне кажется, что вас просто не устраивают «крупногабаритные» произведения.

О. БАРОЯН. Нет, не в этом дело. Возьмем «Аэропорт» Артура Хейли. Я не в восторге от этой книги, но автор сумел сделать аэропорт действующим «лицом». Описания «технологического» процесса у Хейли читаются с большим интересом. Меня не устраивают вялость, серость описаний, слабость в характеристиках героев.

В. ЛИПАТОВ. Я понимаю вас. Здесь дело в таланте, в ответственности писателя, в комплексе его идей, в силе и яркости его художественных образов.

О. БАРОЯН. Да, конечно. А скажите, достаточно ли современный писатель разбирается в сложных технических проблемах, с которыми сталкиваются его герои, способен ли он «технологически» верно оснастить свой роман или повесть? (Я говорю это в общем. Исключения, а их немало, конечно же, есть.)

В. ЛИПАТОВ. Я думаю, что ваши опасения излишни. Именно в период научно-технической революции наука и литература будут сближаться между собой во всех возможных точках, и не только в самом творческом процессе. Наука достигла такого уровня, когда при очень узкой специализации они тесно сближаются с литературой. Ученый обязан в таком случае знать человеческую психологию. С другой стороны, серьезный писатель детально изучает тот или иной технологический процесс, вникает в него, чтобы выявить в нем опорные пункты, вокруг которых, допустим, разворачиваются человеческие конфликты.

Что касается отображения героя в повседневности и образа главного действующего лица современности — рабочего, колхозника, интеллигента, то мы не должны требовать от писателя, чтобы он дал нам героя в отлитой, «забронзовевшей» форме. Памятник герою ставит время. Оно придает ему законченность. Сегодняшние герои еще подвижны, еще находятся в стадии формирования, развития. Когда я писал «Сказание о директоре Промнатове», с многими персонажами у меня произошел казус. Я не успел дописать книгу, в они в жизни уже претерпели значительные изменения. Но какие-то динамические черты характера, я надеюсь, удалось запечатлеть.

О. БАРОЯН. Итак, вы считаете, что в эпоху научно-технической революции наука, то есть исследование мира с помощью интеллекта, поддержанного, так сказать, эмоционально-нравственным фактором, и литература будут взаимно сближаться. Думаю, что так же считают и другие писатели. Но всяком случае эта точка зрения мне кажется популярной. Но ученые, думаю, вряд ли присоединятся к такой оригинальной мысли, к такому заманчивому прогнозу. Очевидно, что размежевание сфер будет продолжаться и впредь по нарастающей. Научно-фантастическая литература — слишком шаткий мостик для объединения. Других же реальных каналов я не вижу. И не думаю, что такое объединение эмоционального и рационального стоит приветствовать. Это окажет плохое воздействие и на литературу, и на науку.

В. ЛИПАТОВ. Извините, Оганес Вагаршакович, но вы поняли меня несколько неточно. Действительно, я считаю, что рациональное и эмоциональное должны и будут взаимопроникать, но в результате этого взаимопроникновения не должен появиться на свет некий уродливый «гомункулус». Третьего не дано: наука останется наукой, а литература — литературой. Но, безусловно, наука станет эмоциональнее, если хотите — гражданственнее. Тот «толчок ответственности», который получили ученые после открытия атомной реакции, многому их научил. Они теперь отводят достаточно места в своих рассуждениях нравственной целесообразности исследований и другим подобным вопросам.

О. БАРОЯН. Увы, не под влиянием литературы, а под воздействием жизненных, исторических коллизий.

В. ЛИПАТОВ. Что верно, то верно. По эти жизненные, исторические коллизии осмыслили великие писатели. Они-то и создали вокруг тех или иных явлений определенную атмосферу, утвердили гуманистический идеал.

О. БАРОЯН. Вы, конечно, сошлетесь на пример Толстого, Достоевского, Горького...

В. ЛИПАТОВ. И не только! Во всяком случае, ученый никогда не был затворником. Это легенда. Ни о Павлове, ни о Тимирязеве, ни о Резерфорде, ни об Эйнштейне этого сказать нельзя. И воздействие эмоций, взращенных литературой, музыкой, живописью, в таких случаях огромно...

О. БАРОЯН. Вы все-таки говорите об обычных проблемах формирования нравственного облика человека в данном случае, а прежде вы имели в виду профессиональную сторону вопроса. Взаимопроникновение? Что ж! Значит, эмоции проникнут в науку еще глубже, но она и так, на мой взгляд, достаточно эмоциональна. Скорее литература должна открыть свои ворота для рационализма. Побольше информации, побольше знаний, поменьше общих слов и водянистых рассуждений!

В. ЛИПАТОВ. Я вовсе не пытаюсь защитить честь мундира. Пусть то, что мы условно обозначили рационализмом, будет проникать в литературу и искусство. Возможно, придет время, когда вы волей-неволей согласитесь со мной.

О. БАРОЯН. Будет видно. Но я хочу продолжить. Мне нравится ваша мысль о динамичности современного героя. О нем можно сказать, как некогда говорил о себе Резерфорд: я заснул физиком, а проснулся химиком. Такая супертрансформация вполне современна и объяснима. Но и раньше литература открывала героя, намечая перспективу его будущего развития. Таков Андрей Болконский, таков Алеша Карамазов, таков Чацкий и многие, многие другие. Почти в каждом характере можно найти зерно будущего. Думается, что создание типического героя зависит от других вещей. Писатель, создавая или стремясь создать такого героя, должен сделать очень большой социальный срез, показать его по отношению к различным проблемам и слоям общества, рассказать о его взглядах, изобразить в наиболее вероятных ситуациях. Вот тогда перед нами предстанет подлинный герой нашего времени. Это трудно, это не всегда и не всем удается. Дело в том, насколько широк и емок создаваемый образ. Если писатель «селит» своего героя только в цехе, ограничивая сферу его «человеческого» притяжения, то чего мы можем ждать?

Рабочий класс — движущая сила происходящей научно-технической революции, и показать это надо в различных аспектах, в универсальных, широких художественных образах-обобщениях. Вот тогда можно быть уверенным в больших художественных победах.

В. ЛИПАТОВ. С этим я спорить не собираюсь... Может быть, вы и правы, но я повторяю: до универсального образа-типа, до нового Фауста, так сказать, сейчас нам еще не близко, личность сейчас окрепла, стала более духовной, содержательной, но это процесс медленный, становление происходит не сразу. Когда этот процесс будет в общем завершен, тогда тип в литературе займет более определенное и высокое место.

С другой стороны, мы наблюдаем обратный процесс. Если в тридцатые годы рационализатором мог стать любой слесарь, усовершенствовавший старый станок, то теперь на тольяттинском конвейере рабочему усовершенствовать что-либо трудно. Однако духовный мир рабочего не скудеет, а, наоборот, расширяется. Вот такие противоречия присущи нашему времени, и они, бесспорно, влияют на литературный процесс.

О. БАРОЯН. Существуют и более глубокие проблемы в наше время, чем конвейерное и кнопочное управление и их влияние на психику человека. Наша жизнь зависит от решения глобальных, философских проблем. Я, как и многие ученые, несмотря на свой уже немолодой возраст, придерживаюсь философии оптимизма. Я уверен в том, что человечество ждет счастливое будущее. От этой веры зависит направление нашего пути. Как формируется эта вера? Наблюдая жизнь и работу ученых в своем институте, я пришел к выводу, что оптимистическая убежденность держится на деянии. Труд дает силы. Если вчитаться в панические статьи западных футурологов, то действительно можно поседеть от ужаса, но эти же истины они твердили и двадцать лет назад, однако человечество продолжает существовать и люди не собираются предаваться унынию.

В. ЛИПАТОВ. Я тоже принадлежу к племени оптимистов и думаю, что проблемы возникают для того, чтобы их решать. Опыт человечества показывает, что ему есть на что надеяться. Баланс между интересами коллектива и отдельной личностью даст в будущем удивительные плоды. Общество станет так же гармонично, как сама природа, но мы должны упорно трудиться над этим, все мы — ученые, писатели, рабочие, художники, музыканты...

Диалог записал
С. КОСТИН

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

ОШИБКИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Когда Некрасов написал знаменитую поэму «Русские женщины»?

В новой книге, выпущенной массовым тиражом для школьников, сообщается, что это событие произошло в 1828 — 1827 гг.

Наверное, многие из школьников удивляются, ибо они знают, что великий поэт родился в 1821 году. Неужели же свою поэму он создал, когда ему было всего лишь 5 или 6 лет?

Такое открытие поистине было бы сенсационным. Однако дело объясняется проще: поэму Некрасов создал в 1871—1872 гг., указав, что в ней речь идет о событиях 1826—1827 гг. Составитель же, видимо, принял это авторское указание за датировку самой поэмы и поместил ее под 1826—1827 гг. перед поэмой «Коробейники», написанной в 1861 г.

Назовем эту новую книгу для школьников: Н. А. Некрасов. Избранное. Стихи и поэмы. Калмыцкое книжное издательство. Элиста, 1974 («Школьная библиотека»). Составитель О. Л. Манджиев. Тираж 200 000.

Немало «сенсационного» находим мы и в примечаниях.

Так, на странице 187 встречаем указание, что автором книги «Моя жизнь» является А. Н. Шуберт (в действительности эта книга принадлежит известной русской актрисе Александре Ивановне Шуберт).

В примечании к «Железной дороге» написано, что стихотворение «посвящено строительству Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, соединившей Москву с тогдашним Петербургом», и тут же добавлено, что «труд рабочих, действительно, был страшно тяжелым. Их привозили в голую, бесплодную степь... Голодные, в сорокаградусную жару, земляные должны были работать по 16—18 часов в сутки» (стр. 197—198). Выходит, что между Москвой и Петербургом находилась бесплодная степь и там была сорокаградусная жара. Такой нелепицы не получилось бы, если бы составитель, в полном соответствии с известными фактами, сообщил, что в стихотворении отразились сведения о постройке многих железных дорог, в том числе и прокладывавшихся в южных губерниях России (например, Волжско-Донской дороги).

На стр. 200 говорится, что Некрасов «в течение всей своей творческой жизни писал рассказы и стихотворения для детей», тогда как ни одного рассказа для детей Некрасов не написал.

Если сосчитать все ошибки и опечатки в примечаниях, то наберется не один десяток.

Правда, составитель может сослаться на то, что примечания (как указано в самой книге, см. оборот титульного листа) заимствованы из издания: Н. Некрасов. Стихотворения и поэмы. Над. «Московский рабочий», М., 1970 («Библиотечка школьника»). Но, во-первых, зачем было извлекать примечания из книги, не имеющей научного характера и изобилующем ошибками (о чем в свое время уже говорилось; см. заметку М. Блиновской «Домыслы составителя» в «Литературной газете» от 28 сентября 1871 г.)? Во-вторых, и ошибкам своего предшественника новый составитель добавил множество новых. Кстати сказать, в книге, вышедшей в Москве, поэма «Русские женщины» была датирована правильно.

Ох, нелегкая это работа — составлять книги для школьников, хотя бы и книги классиков!

А. ГАРКАВЫ,
профессор Калининградского университета

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Николай Томан. Он прожил 63 года. За это время вышло более тридцати его книг — повестей о ратных и трудовых подвигах советских людей.

Герои его произведений — разведчики, ученые, партийные работники, воины — беспредельно преданные своей Родине и партии, много знающие, богатые жизненным опытом, окрыленные высокой мечтой.

Таким был и сам Николай Томан — стойкий коммунист, человек горячего сердца, доброй души и хрустальной честности.

Он родился в семье русского рабочего и воспитывался у латышского коммуниста, участника Великой Октябрьской революции и гражданской войны. В благодарность за жизненную закалку, которую прошел будущий писатель у этого замечательного человека, он взял его фамилию, с ней вошел в литературу.

Он был рабочим-железнодорожником, техником, инженером, журналистом, а потом стал военным-сапером, участвовал в похода за освобождение Западной Белоруссии, в боях против белофиннов. В годы Великой Отечественной войны майор Томан был в числе защитников Сталинграда, участвовал в битве на Курской дуге, в боях за Прибалтику. На полях сражений он стал коммунистом.

Яркий, мужественный путь, пройденный писателем, помог ему создать произведения, богатые значительными событиями, острыми конфликтами, — многое из того, о чем писал Николай Томан, он видел своими глазами, прочувствовал и пережил. Его творчество идет от большой, насыщенной жизни, оно типично для всей советской литературы.

Литераторы Москвы знали Николая Томана как видного партийного и общественного деятеля столичной писательской организации — члена правления и секретариата МО СП РСФСР, члена партбюро Московской писательской организации, руководителя московского отделения Литературного фонда СССР.

Его заслуги в военные годы и в литературно-общественной деятельности отмечены тремя орденами и многими медалями.

Светлый образ Николая Владимировича Томана всегда будет жить в наших сердцах.

А. АЛЕКСИН, С. БАРУЗДИН, В. ЗЕЛЕНЕЦ, Ю. ЕЕРЧЕНКО, З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, В. ИЛЬИН, Г. МАРКОВ, С. МИХАЛКОВ, С. НАРОВЧАТОВ, А. НАСИНОВ, В. ОКТЯБРЬСКИЙ, М. ПРИЛЕЖАЕВА, В. РАЗУМНЕВИЧ, С. С. СМИРНОВ

АНФАС и В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ ХУДОЖНИКА Н. ЛИСОГОРСКОГО

Хамид ГУЛЯМ

Мурман ЛЕВАННДЗЕ

Георгий СЕМЕНОВ

Валерий ГЕЙДЕКО

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ «ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ

Речь идет не о сенсации, но все же хотелось бы, чтобы явление это не прошло незамеченным. Журнальная проза последних месяцев дала несколько произведений, рисующих жизнь современного (специально подчеркиваю это слово) села в движении, в социальных преобразованиях. В этих повестях отчетливо видны позитивные перемены в деревне, ее меняющийся — как внешне, так и внутренне — облик, приметы нового, завтрашнего в сегодняшних созидательных буднях. И вместе с тем — это не пасторали: писатели сохраняют трезвый диалектический подход к проблемам сельской действительности: «вчера» и «сегодня» не разъединены, не оторваны друг от друга. Одно вырастает из другого, сохраняя, наследуя, отрицая, преодолевая несовместимость.

Обратимся хотя бы к проблеме, одной из центральных в жизни села, мимо которой, кстати говоря, не прошла в свое время и литература. Город и деревня, «отток» сельского населения, особенно молодежи, города, нехватка квалифицированных кадров на селе. Вопрос этот сохраняет свою остроту и сегодня, по-прежнему приковывает внимание писателей.

В чем же видят прозаики корень зла, что мешает, по их мнению, оставаться молодежи в деревне? Авторы произведений, опубликованных недавно, избегают поспешности и односторонности в этом вопросе, ибо для них он один из наиболее серьезных, на нем скрестились многие и многие немаловажные проблемы сегодняшней жизни.

В повести Валентина Волкова «Три деревни, два села» («Наш современник», № 3, 1974) восемнадцатилетняя Аннушка спрашивает мужа: «А кем он будет, наш Гришка? Колхозником?» И вместе с героем повести мы понимаем, что вопрос этот имеет двойной адрес: Аннушка думает не только о судьбе сына, еще не родившегося, сколько и о своем будущем. Не без труда исхлопотала она в свое время паспорт, поработала на хлебозаводе недалеко от родной деревни. Но вот вышла замуж, снова вернулась в село. Сначала работала в поле, затем перевели се на ферму. «...Утренняя дойка — с пяти часов до девяти, обеденная — с двенадцати до трех, вечерняя — с восьми до двенадцати. Через каждые двадцать дней самим размалывать посылку на мельнице, возить на ферму. Двадцать коров утром. Двадцать коров в обед. Двадцать коров вечером. Всего шестьдесят коров. Ни праздников. Ни выходных».

Вдумаемся в это бесстрастное перечисление обязанностей и не обманемся тем относительно бодрым тоном, которым Аннушка, чтобы не расстраивать мужа, говорит о будущих своих заботах. Повесть В. Волкова, написанная с неподдельной добротой по отношению к жителям деревни, не без оснований напоминает о том, насколько нелегка еще цена деревенского хлеба, насколько непрост труд на земле — облегченный машинами, упрощенный механизацией, он еще немало оставил и на долю человеческих рук. И нет ничего удивительного в том, что привычные условия труда на производстве — восьмичасовой рабочий день, два выходных в неделю — выглядят для молодых жителей села немаловажным стимудом переезда в город. Деревенская страда не считается с часами и минутами, субботами и воскресными днями, у нее свой ритм, свои законы...

Атмосферу деревенских будней, которые вовлекают в горячую свою пору и старого, и малого, требуют полной отдачи сил, воспроизвел В. Леонов в повести «Хозяин морковного поля» («Дружба народов», № 2, 1974). Особую достоверность придает этой повести и тот немаловажный факт, что Владислав Леонов знает сельскую жизнь, как говорится, из первых рук — давний житель деревни, он и сейчас живет и трудится в ней, работая секретарем парткома одного из лучших подмосковных совхозов «Сергиевский».

Не один раз прямо или косвенно в повести проводится сопоставление между совхозом и заводом, расположенным неподалеку от села, — заводские шефы часто приезжают помогать совхозу в напряженные для него дни, а многих совхозных ребят завод постоянно манит к себе. И однажды герой повести, молодой тракторист Миша Бабкин, даже отправился на завод спасать «заблудшую душу», своего двоюродного брата Павлушю, который изгнал мальчишеского упрямства не хотел уходить с завода, хотя душой уже рвался к привычному и любимому с детства деревенскому труду. Проходя через сборочный цех, Бабкин пригибал голову — он «не любит, когда над головой вместо неба крыши, а под ногами не земля — цемент».

Эти слова очень важны для понимания героев В. Леонова. Его повесть — одно из немногих произведений, в которых рассказано, как молодежь живет на селе — не наезжает туда на длительный или короткий срок и не воспринимает свое пребывание там как факт самопожертвования, а спокойно, сосредоточенно, изо дня в день живет и работает, находя в труде нравственное удовлетворение. Нет, вовсе еще не устарело такое понятие, как «власть земли»! Время внесло в него свои поправки, но никак не отменило главного: если человек испытывает тяготение к сельскому труду, если он, что называется, прикипел сердцем к земле, крепкая эта привязанность стократно приумножает его физические и душевные силы, помогает ему в непростой и нелегкой работе земледельца. В. Леонов рассказывает именно о такой породе людей. Глубокого смысла исполнена сюжетная линия, повествующая о том, с какой болью расставался один из ветеранов совхоза, Трофим, с песчаным клином, который совхоз передал заводу. Казалось, стоило ли горевать о том, что отпал кусок земли бедной, капризной, малоурожайной — она давно была для всех обузой, а сейчас от ее продажи получилась только выгода: завод в порядке взаиморасчета построит и трубопровод, и насосные станции. Трофим не хуже других понимает все это, но земля, в которую за годы и десятилетия вложил он столько труда, стала для него той неотъемлемой частью ежедневных его забот и раздумий, которые сродни беспокойству о живом существе...

Вдумчивый и трезвый взгляд на современное село — вот что роднит многие недавно опубликованные произведения. Авторы проникновенно пишут о поэзии деревенской жизни, но нисколько не забывают и о прозе ее — прозе будничного, ежедневного, упорного единоборства с природой, нелегкого труда на земле, не говоря уже о множестве бытовых, культурных и прочих трудностей, отнюдь не дающих селу преимуществ по сравнению с городом.

И еще одна важная особенность: писатели все настойчивей размышляют о том, как подвижна, динамична сегодняшняя жизнь, как своеобразен духовный и нравственный опыт разных поколений деревенских жителей и как столкновение несхожих идеалов высекает искру истины, при которой яснее видятся завтрашний облик и путь села. Слово «конфликт» весьма неточно раскрывает суть отношений между отцами и сыновьями, дедами и внуками. Скорее, это различные представления об этических ценностях — в чем-то они пересекаются, но в чем-то отдалены друг от друга. Не боясь повторений, не опасаясь слыть сентиментальными, вновь и вновь рисуют прозаики возвышенный образ деревенской труженицы, вынесшей на своих плечах и войну, и тяжкую послевоенную пору, матери, поставившей на ноги детей, в хлопотах и трудах встречающей и провожающей зарю, но в длинных деревенских сутках не находится у нее и минуты лично для себя...

Да и что такое, в сущности, ее личная жизнь, как не беспрестанная, неутомимая забота о детях и внуках? Таковы и старуха Анна из «Последнего срока» В. Распутина, и абрамовская Пелагея, и Параскева из недавней, свежо и ярко написанной повести Владимира Личутина «Обработно — время свадеб» («Дружба народов», № 10, 1973). ...Но вот обращаются матери к своим детям, дочерям и сыновьям, и нередко разочарование, недоумение испытывают они. Ибо молодые живут по-иному, чем хотелось бы видеть матерям, их поступки далеко не всегда встречают одобрение и понимание. «—Степушка, ты пошто не женисся?» — упорно спрашивает Параскева, героиня повести В. Личутина, приехавшего в отпуск сына. — Вон девок в городе сколько».

Он женится: притом во исполнение материнской мечты женится на «постойщице», застенчивой и милой учительнице Любушке. Но все равно слишком многое в жизни Степушки и его сверстников вызывает у Параскевы осуждение.

«Парни до тридцати лет по деревне бродят, не женятся. Двадцать пять бобылей — видано ли дело. А невесты-то в няньках по городам. И неужли дома хуже, на земле на матеры, да своих кровных нянчить-баюкать». «Я вот сына пятнадцать лет учила, мешки ворочала, выучила на инженера, диплон у него по машинам, в заводе работал. А как женился, и пианино, и патефон, и чего только не было, а женка выгнала, в одних трусах домой приехал, а матери все надо вынести. Теперь-то пожила одна, дак обратно зовет, а он уж на новой женать».

И верно — легко ли понять Параскеве запутанную механику браков и разводов своих детей, когда она, выданная замуж за нелюбимого, знала лишь работу да хлопоты по дому, да рожала одного за другим детей, да выхаживала мужа, вернувшегося с войны инвалидом!

Самоотречение и эгоизм, служение одной идее и желание изведать полный круг мирских испытаний и соблазнов — это лишь некоторые полюсы жизнеощущений, вместившие в себя бесконечное множество оттенков и настроений. Надо понять отцов и матерей, кровную их обиду, когда отвергается мудрость, накопленная долгим и горьким опытом жизни. Но надо понять и максимализм юности, утверждающей свою систему ценностей. В рассказе Александра Проханова «Было у старика три сына...» («Сельская молодежь», № 3, 1974) отчетливо звучит это понимание двух жизненных философий, двух возрастных критериев. Отец поначалу сердится на одного из своих сыновей — его метания, неуспокоенность кажутся старику не более чем блажью. Но затем он понимает, что «мало сыну бескрайней степи и бескрайнего неба, томит его иная жизнь, и он идет к ней навстречу. К верным и неверным друзьям, обидам и страхам, поцелуям, изменам, и он, отец, не в силах ему помочь. Только шлет ему вслед стариковское благословение — за себя и за мать».

Кругозор деревенской жизни расширился необычайно — таким настроением проникнуты сейчас многие книги о селе. Но вывод этот меньше всего порождает у писателей умиление или благодушие. Напротив, сегодня литература ставит новые, более сложные вопросы, те, которые лет десять назад были бы, пожалуй, еще преждевременны в силу целого ряда объективных причин. Долгие годы первейшей и основной проблемой, занимавшей героя «деревенской» прозы, была проблема, связанная с экономическими условиями жизни и труда (разумеется, в том их преломлении, без которого немыслима художественная литература). Что ж, «план», «руоль», «трудодень», «рентабельность» — все эти понятия и сегодня занимают немалое место в заботах и существе конфликтов произведений о селе. Но нерв, острие конфликтов все заметнее перемещается в иную плоскость, в иные категории. В какие же?

«Пока мы были бедны, пока гонялись за тряпками да пирогами, нас хватало. Теперь тряпки и пироги — не проблема. Обеспечены с пеленок. Теперь другая беда: сделавшись богатыми, не знаем, что делать с нашим богатством. Куплено все необходимое: телевизор, стиральная машина, приемник, холодильник, современная мебель. А дальше что? Покупать второй холодильник? Второй телевизор? Остановка. Начинается накопительство. Механическое. Деньги в чулок. Вот когда нам надо поразмышлять, где мы заканчиваемся как люди? А не с той ли черты и начинается человек? Подними глаза над собой и подумай».

В этих словах одного из героев повести В. Волкова затронут вопрос, над которым размышляют сейчас многие писатели, и вовсе не только приверженцы «деревенской» темы. Эмпирически он решается крайне легко: в наши дома входит долгожданный достаток, человек высвобождается от забот, которые прежде немало сковывали, закабаляли его, и не теперь ли перед ним открываются возможности для духовного обогащения, для углубленного внутреннего роста? Возможности — да. Но как распорядиться ими — это зависит уже от каждого отдельного человека. И если во многих произведениях последних лет (в том числе и в книгах Ю. Трифонова, Д. Гранина, С. Крутилина и других писателей, вызвавших живой отклик и споры в критике) отчетливо прозвучал антимещанский пафос, то у «деревенской» разновидности нашей литературы есть еще и свой, несколько иной угол зрения на проблему «человек и вещи». Авторы произведений о деревне заставляют нас задуматься над невольной бедой старшего поколения деревенских жителей — привыкшие к самоограничению, к скудному культурному пайку, некоторые из них растерялись, оказались беспомощными перед неожиданно открывшимся богатством.

И нет, собственно, в том вины деревенских женщин — скорее это их беда, вполне объяснимая исторически; да и не всем дано на ходу перестроиться, изменить десятилетиями формировавшийся опыт жизни. И литература делает великое дело, когда, не теряя ощущения реальности, все же не пытается «списать» противоречия сегодняшней жизни на издержки прошлого, а утверждает как единственно верный путь нравственную требовательность ко всем и к каждому.

Живая диалектика развития рождает конфликты и проблемы сегодняшнего села. Не вместилище «вневременных» ценностей, не антипод города, а целостная, органичная часть нашего общества, связанная с ним тысячью незримых нитей, — такой является современная деревня. Такой все чаще предстает она и в литературе.

Трудно не уловить, не почувствовать, насколько она, литература о селе, многопроблемна. Здесь и так называемая «деловая проза», вобравшая в себя элементы очерка, дотошно вникающая в хозяйственно-экономические тонкости, беглому взору не открывающиеся; здесь и живописание нравов современной деревни — многоликой, меняющейся, соединяющей в себе различные бытовые, житейские уклады; здесь и углубленное исследование этики, преимущественное внимание к духовным проблемам. И, быть может, не такая это и утопия: надежды на книгу, которая соединила бы разные (и взаимосвязанные вместе с тем!) ракурсы в панорамный, широкий взгляд на современную социалистическую деревню. И хотя в литературе количество отнюдь не переходит механически в качество, думается, каждое новое удачное произведение подготавливает почву, площадку для будущих ярких книг. К произведениям, о которых шла здесь речь, было бы интересно вернуться еще раз, поговорить о каждом из них подробнее — не все они равноценны и не во всем одинаково удались. Но, наверное, даже такой по необходимости беглый обзор позволяет убедиться: сегодняшняя проза настойчиво ищет ответы на вопросы, подсказанные жизнью, ее динамикой.

● ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ СЕГОДНЯШНЕГО СЕЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

● ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ В ШЕСТОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «МОСКВА»

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Вл. ВОРОНОВ

ДЕБЮТЫ

...А молодые все идут и идут — спокойно, без шумных деклараций и споров занимают журнальные страницы и, уважительно отдав должное тому, что сделано в литературе до них, предлагают свое, выстраданное, выношенное в долгих раздумьях. Они не суетливы; перед их глазами — немало примеров подвижнического труда, истового служения литературе.

Нынешние начинающие — дети всеобщего образования, они имеют дипломы институтов и университетов, овладели двумя-тремя профессиями. Сегодня их целая плеяда: А. Каштанов из Минска, В. Кочетов из Махачкалы, Л. Петрушевская, Б. Василевский из Москвы — лишь немногие из тех, кто вспоминается в первую минуту. А если назвать уже получивших солидную прессу Василия Афонина, Андроя Скалона, Анатолия Кима, то согласимся, что речь идет о заметном, надежном пополнении литературы.

Можно выделить некоторые характерные черты прозы вновь пришедших в литературу, обозначить общие для них принципы подхода к жизни и слову. Прежде всего обращает на себя внимание пристальное художественное исследование молодыми авторами повседневных поступков нашего современника, в текучих буднях писатели ищут подлинные откровения мысли и чувства, порывы к волнующим проблемам исторического бытия. Героя не волнует, как прежде, проблема поисков места в жизни: оно есть для каждого вступающего в социалистическое общежитие; юноша, обдумывающий жизнь, знает, что «все работы хороши», и больше интересуется тем, как труд воздействует на людские души, размышляет о нравственном обеспечении жизненного пути. Вот, например, молодой инженер Николай Стерин из повести Святослава Рыбаса «Над нами Донбасс» задумался о том, что он за человек: «Он был приучен к тому, что достаточно иметь большое дело — и оно объяснит всю его жизнь...» И дальше говорит знаменательные слова: «...словно ее можно было измерить еще чем-то, кроме самой жизни».

О том, как человек находит подлинные «измерения жизни», и размышляет Святослав Рыбас в своей повести, опубликованной в шестом номере журнала «Москва», почти целиком отданного произведениям молодых авторов. Это добрая традиция журнала — один номер в году посвящать творчеству литературной смены. В своих заметках я не буду касаться поэтических дебютов, а остановлюсь на прозе.

Повесть С. Рыбаса примечательна не только тем, что обращена к судьбам и труду шахтеров, истинных представителей рабочего класса. Чтобы рельефнее показать их, автор предлагает не совсем обычную ситуацию: главный ее герой — инженер, а идет работать слесарем. Все, конечно, скоро узнают об этом и начинают ломать голову: что-то здесь не то — или человек понижен в должности, или еще какая беда... Приглядываются, в душу не лезут... Здесь-то начинается самое интересное.

Николай Стерин замкнут, немногословен, он хочет уйти в тяжелую работу, чтобы притупилась душевная боль после смерти отца, после ухода невесты Зои к другу Стерина — Фомину. В шахтных мастерских Николай встречается с самыми обычными трудовыми людьми, но живя, работая среди них, Николай увидел мир человеческих отношений, прежде незнакомый ему. И его прежние взгляды, кажется, такие стройные и правильные, в чем-то очень важном уступают впечатлениям и урокам новой жизни. Дело не только в том, что шахтерская работа — будь ты забойщиком, крепильщиком или лебедчиком — проходит под землей и требует от людей взаимовыручки, товарищества, солидарности. Николай знал об этом, но знал весьма отвлеченно. Придя в слесарную бригаду, он не хотел особенно сближаться с людьми, поверять им свою боль, но очень скоро почувствовал душевный такт и какую-то застенчивую нежность в отношении к нему новых товарищей.

Бесшабашный говорун Логовой, старый, умный шахтер Павел, совсем молодой, доверчивый Стела-футболист, наконец, парторг слесарей Боб Иванов с огромным зарядом энергии и убежденности — они все любовно изображены автором. «Что за удивительные мужики!» — думал Стерин. — Горе для них полгоря. Я с ними без году неделя, а уже надеюсь на что-то. Скажи Пашке слово — и завтра отыщется среди его племянниц мне невеста... Я стану здесь механиком, будет у меня дом, семья. Заживу, как люди живут. Чего мне еще надо? Разве я особенный?..»

У Николая еще ноет в груди, но он уже иначе видит мир, иначе относится к уходу Зои, обретает веру в товарищескую солидарность шахтеров, ощущает самоценную прелесть жизни. Вроде бы не такие уж большие открытия делает Стерин, и совсем простые истины занимают писателя, но без постижения их не состоится человек.

Строгая, скупая интонация преобладает в повести Святослава Рыбаса. Автор тщательно избегает расхожих формул. К сожалению, это старание иногда нарочито, и в монологе Стерина, пытающегося разобраться в себе, в своих чувствах, во взаимоотношениях с людьми, явно не хватает слов. Сдержанность оборачивается здесь недоговоренностью.

В одном принципиально важном вопросе автор слишком доверился герою. Речь идет о том, как понимают люди смысл жизни. «Конечно, говорил себе Стерин, безвестно и безмятежно живут многие, а кто из них задумывается над этим? Да никто не задумывается». Но ведь задумывается каждый! По-разному, по-своему, но задумывается — о бессмертии и быстротечности человеческой жизни, о том, что он оставит после себя. Одни утешаются детьми, другие — выращенным деревом, третьи — своей песней или книгой. Станислав Рыбас тут просто непоследователен: он уже показал в этих обыкновенных людях чуткость, внутреннюю деликатность, способность решать труднейшие «метафизические» проблемы. И этому веришь больше, нежели умозаключению Стерина.

Как видим, молодых увлекает художественное исследование широкого течения жизни, показ больших и малых людских судеб. У нынешних вступающих в литературу весьма различен жизненный багаж, и отсюда — многообразие, часто совершенно неожиданное, сюжетного материала.

Здесь, правда, возникает проблема о соотношении небольшого личного авторского опыта и огромности мира, вопрос об индивидуальном писательском поиске и потребностях литературы и общества.

Трудно было предположить, что сегодня может появиться повесть нового автора, посвященная жизни военного гарнизона в предвоенные годы. Но такая повесть опубликована в том же шестом номере «Москвы», «Душа под грозой» Аллы Фаворской — драматическая история молодой девушки Саши, ее первой любви. Атмосфера жизни страны, приметы дивизионного быта, чувства вчерашней десятиклассницы к комдиву, прошедшему гражданскую войну, — правдиво, достоверно исследуется все это писательницей.

Саше Лонг в ее неполных двадцать лет предстояло узнать радость любви и пережить гибель любимого человека. Заинтересованно, вместе с автором, следишь за тем, как заново пробуждается к жизни героиня повести и в окружающих ее людях находит силы и поддержку. Эти страницы написаны уверенно, убедительно. Однако в финальных сценах, рисующих скитания Саши Лонг, внутреннее оцепенение героини после гибели мужа, проглядывает неопытность автора. Сами по себе эти эпизоды достоверны, как и другие, но они оказываются излишними с точки зрения композиции произведения, остаются пусть точными, но все же частными бытовыми зарисовками, общезначимый смысл которых не высвечен.

Может быть, здесь заключена основная трудность для начинающего автора, решающий момент творчества — выход из сферы частного опыта в мир общенародных проблем и забот. Осознать свой личный опыт как часть «нравственного опыта эпохи» (выражение Ольги Берггольц) — не в этом ли тайна превращения житейского материала, банального даже, в произведение искусства, раскрывающее в заурядном случае глубинный смысл, суть своего времени?

Но не слишком ли высоко мы «ставим планку» для авторов первых повестей? Думаю, нет. Именно достоинства повести Аллы Фаворской позволяют вести серьезный разговор, предъявлять такие критерии. Ведь основной замысел произведения осуществлен автором все-таки успешно.

Самый обычный, непосредственный опыт вступающего в литературу, очевидно, может стать общезначимым, если он осмыслен исторически, как необходимое звено в духовном развитии современника. И тут же заметим: все, что выпадает из этой связи с общим, остается частным эпизодом личной жизни, как бы ярко он ни был написан. Здесь вступает в силу привилегия таланта, способного и обыденное делать достоянием высокого искусства.

Различием личного опыта пришедших сегодня в литературу объясняется в значительной мере и многообразие их стилистических поисков. Типажи, сюжеты, языковая структура очень различны. Замкнутая в себе, лаконичная «деловая» проза Святослава Рыбаса и рядом — открытое, эмоциональное повествование Аллы Фаворской; добротно реалистическая новелла Василия Павлова «Цыган и Соловей» — и многослойная притча Анатолия Кима «Месть». Особенно показательна словесная стихия последнего рассказа, выдержанного в стиле современного художественного мифа с его концентрическими смысловыми кругами, уходящими в глубь изображаемой картины.

Таковы нынче новые авторы. Многие из них не очень молоды по возрасту. Что делать: серьезная литература сегодня — занятие не для двадцатилетних, хотя они и есть среди дебютантов в прозе и поэзии. Занятие прозой сегодня требует понимания сложных социальных связей в обществе, глубокого осмысления духовного мира героя. Как мы убедились, драматизм прозаического сюжета постепенно перемещается из круга индивидуального сознания («я и мир») в область объективных связей человека («мир и я»).

Поэтому все большее значение приобретают социальная весомость личного опыта в молодой литературе, гражданская наполненность художественных поисков, способность вступающих в прозу, поэзию, драматургию ощутить, осознать свою жизнь частью народной судьбы. Иначе говоря, все то, что заключено в короткой формуле «писатель и время», остается решающим в творческом развитии авторов, начинающих свой путь в середине 70-х годов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

М. А. АНДРИАСОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Михаила Андреевича Андриасова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«По случаю Вашего 60-летия шлем Вам наши сердечные поздравления и пожелания доброго здоровья, творческих успехов. Мы высоко ценим Вашу неустанную работу в жанре документальной и очерковой прозы и художественной публицистики. Вы обладаете умением откликаться горячо и взволнованно на события дня, видеть дела наших современников крупно и масштабно. Всесоюзный читатель тепло принял Ваши литературно-критические очерки и эссе о Михаиле Александровиче Шолохове. Немало сделано Вами для популяризации творчества ряда писателей Дона.

Желаем Вам и впредь быть на переднем крае, сохранять боевую форму, живой контакт с читателем».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника А. Ушина к книге стихов Юрия Воронова «Блокада». Издательство «Молодая гвардия».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«...В НЕУСТАННОЙ И БОЛЬШОЙ РАБОТЕ»

НЕЛЕГКИМ, непростым был его путь в страну поэзии. А может быть, в этом и заключается истина: призвание требует проверки временем и делами, мерилом которых является та полная самоотдача творческих сил, душевной энергии, на какие только способен человек. Для солдата Заки Нури такой проверкой стала Великая Отечественная война, заставшая его, двадцатилетнего артиллериста-наводчика, на западных рубежах страны, где он вместе с тысячами других принял на себя первые удары гитлеровской армии. Вместе с другими пережил горечь отступления, боль невосполнимых утрат.

И уже тогда не расставался он с карандашом и блокнотом — ни на границе, ни позже, в партизанском соединении Константина Заслонова, где был сначала подрывником, а потом начальником разведки. Жизнь торопила, опасность подстерегала всюду, и росло непреодолимое желание сказать обо всем, что увидено и пережито, сказать во имя памяти о тех, кто уже никогда не сможет радоваться утру победы, солнцу, весне. Стихи Заки Нури о неоплатном долге перед павшими — это одновременно и напоминание тем, кто остался: трудно, конечно, дать готовый рецепт, как именно жить дальше, но ясно, что жизнь эта без остатка должна быть посвящена людям, Отчизне, созиданию.

Невосполнима утрата, которую переживают бойцы, склонившие головы над погибшим в бою товарищем («Здесь останется память солдата»). И трудно выразить печаль, переполнявшую сердца. В ней слились и горестная благодарность тех, кого заслонил от смерти павший, и скорбь его близких и родных, скорбь всей страны, оплакивающей гибель каждого своего сына. Вот почему итогом глубоких раздумий о жизни, смерти и бессмертии ложатся на бумагу выстраданные слова: «Мне пришлось на веку за родную Россию сражаться, самых верных друзей в белорусских лесах хоронить».

Позже Заки Нури напишет еще немало проникновенных строк о путях-дорогах военных, на которых навек сроднился с боевыми товарищами — русскими, белорусами, узбеками, туркменами, киргизами, с которыми делил в трудную годину хлеб-соль, тепло партизанского костра. И не будет конца этой нерушимой дружбе, скрепленной кровью в борьбе за родную Отчизну, как нет конца и края у необозримых просторов земли советской, которой бесконечно предан поэт фронтового поколения Заки Нури.

Он и в «мирных» своих стихах, спустя много лет после того, как отгремели залпы войны, будет славить это священное чувство. Хорошая песня, уверен поэт, преодолевает границы и расстояния, помогает «садам поэзии цвести, нас побратав по всей планете». Наверное, поэтому так много времени и сил отдает Заки Нури переводческой работе — благодаря ей «стихами по стране.., шагает и Казань и Куба». Одиннадцать сборников серии «Букет дружбы», составителем и переводчиком которых является Заки Нури, интересная книга пословиц и поговорок «Золотое сокровище», любовно собранных поэтом, — плод многолетнего кропотливого труда.

«Чувство семьи единой» пронизывает все творчество татарского поэта. Он ощущает и себя, и своих земляков частицей великого союза равных, имя которому — Советская Отчизна. А начинается она для поэта с его родной Татарии, где любящему сердцу мило все:

> И чистота твоих снегов,
> И рек целительная свежесть,
> Святая сила родников,
> Лесов неслыханная щедрость.
> (Перевел В. КУЗНЕЦОВ)

Неповторимы утренние зори на Волге, звенящая «тишина просторов луговых», «русые березы», шумящие на ветру, и для поэта, влюбленного в жизнь «навеки и без меры», самое большое счастье — быть голосом родного народа, который, отстояв свободу в жестокой, кровопролитной войне, сеет хлеб, возводит города, своим беззаветным трудом приближая будущее.

Беспокойные думы о месте поэта в «рабочем строю», о роли искусства в общественной жизни мы встречаем во многих стихах Заки Нури. Именно это беспокойство движет его поисками, ведет к новым творческим прозрениям и находкам. Опасение прожить жизнь, не оставив заметного следа на земле, не доставив людям радости, волнует поэта, и сомнения эти выливаются порой в тревожные строки: «Только б не впустую, только б вырасти — хоть былинкой малой у дороги». Вот почему и главным своим богатством Заки Нури считает песни, которые ему «в росных садах над Волгой соловьи подарили», и стихи, «что не ради славы собирал по родным полям». И стихи эти поэт щедро дарит землякам: его главная песня — о них и для них («Мое богатство»).

Немало у Заки Нури поэтических строк, которые с теплотой и любовью запечатлели замечательных земляков поэта. Словами простыми, добрыми говорит он о людях, на которых земля держится, трудом и терпением которых созидается благо родного края. И как пестр, многолик калейдоскоп этих зарисовок, как восхищается поэт умелыми и ловкими руками человеческими, неутомимыми, созидающими... Вот «парень-огонь» электромонтер Муса, нынче первый человек на деревне, у которого все горит в руках. А рядом — молодой крановщик, работающий на строительстве, озорно ведущий свой диалог с древней казанской красавицей — башней Сююмбике. Мы слышим и стук топоров, и напевы пил, и гул моторов: это бесстрашные плотогоны отправляются в путь, им «день и ночь по Вятке плыть». Хлебороб и каменщик, геодезист и плотник, шофер и почтальон, пограничник и биолог — живые герои живых поэтических зарисовок, которые мы находим во многих сборниках поэта.

Читая стихи Заки Нури, поражаешься прежде всего нравственному здоровью, жизнелюбию и трудовой сноровке его героев. В сущности, таков и сам поэт. Это главная черта его характера, воспитанная в нем университетами жизни. И в ранней молодости, когда он, по окончании лесного техникума, работал на сооружении морского порта в Николаевске-на-Амуре. И в более поздние годы — на строительстве Сталинградской гидроэлектростанции, Нижнекамского нефтехимического комбината, в большом и сложном лесопромышленном хозяйстве Татарии, где он директорствовал несколько лет...

Каждая крупная веха в жизни рождала новую поэтическую книгу. Наблюдения и размышления о своем времени, о тех, кто строил, поднимал и защищал страну, он с особой истовостью, не спеша выстраивал в стихотворные строки. Его всегда волновал вопрос: «Смогу ли донести до людей свою особую песню, заденет ли она, пока не набравшая сил и высоты, людские сердца?»

> Не надо фраз —
> ни сладких, ни покорных,
> Ни шумных, словно сбруя
> в бубенцах.
> Слова ищи такие,
> чтобы корни
> Они пускали в
> дружеских сердцах.
> (Перевел Вл. САВЕЛЬЕВ)

Заки Нури, солдат и партизан, не раз «показавший свою смелость перед лицом смерти, все еще робел перед входом в Страну поэзии — настолько любил ее. А любящий всегда робок», — говорит друг татарского поэта Давид Кугультинов в стихах, посвященных Заки Нури. Кропотливый труд и высокая требовательность к слову помогли ему стать поэтом.

«Не послала мне жизнь от щедрот своих легкой удачи», — признается Заки Нури в одном из своих стихотворений. Да и не искал он этой легкой удачи никогда — можно уверенно добавить к этому признанию. «Мир без песен — как парус без ветра», — говорит поэт. Его песня рождена в труде, в дороге, но не в тиши кабинета, далекого от треволнений, забот и дум человеческих:

> Пусть мчатся поезда,
> пусть самолеты
> Меня уносят в дальние
> края,
> Пусть в неустанной
> и большой работе
> Свое созвучье ищет
> песня моя.
> (Перевел А. АНДРЕЕВ)

Поэтические раздумья Заки Нури пронизаны обостренным чувством художника-гражданина, взявшегося за перо, чтобы поведать читателю о сокровенном. Поэтические слова никогда не расходятся с делами поэта. В нем и по сей день, в этом высоком могучем человеке с посеребренной головой, узнается «товарищ Андрей» (так его звали в партизанском отряде) — собранный, всегда готовый прийти на помощь, откликнуться на веселую, острую шутку, подтянуть задушевную песню. Имя Заки Нури известно сегодня не только в Татарии, но тысячам любителей поэзии и за пределами республики: на просторах России, в Узбекистане, Грузии и Белоруссии, которую по праву можно называть второй его родиной (ведь именно здесь, в партизанских лесах, он родился как поэт). Более тридцати поэтических сборников — таков итог творчества татарского поэта. С годами его поэзия приобретает все большую глубину, и помогает ему в этом добрая вера в жизнь, в человека.

> Увижу каплю — верю,
> будет море,
> Увижу слезы — верю,
> будет смех,
> Я в счастье верю,
> если вижу горе,
> Я верю в май, когда
> ложится снег.
> Я верю в жизнь —
> навеки и без меры,
> Пускай твердят
> насмешливо — чудак!
> Я верю в жизнь — нет
> выше этой веры!
> Я так живу. Да будет
> вечно так.
> (Перевел В. КУЗНЕЦОВ)

В. ТУРБИНА

ПОЭЗИЯ

Иллюстрация художника К. Юодикайтиса к поэме Витаутиса Монтвилы «Огни». Издательство «Вага», Вильнюс

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

Имя Инны Кашежевой хорошо известно любителям поэзии. О сборнике ее стихов «Кавказ надо мною», выпущенном в Нальчике издательством «Эльбруса», ведут разговор два молодых критика — ростовчанин Сергей Чупринин и ленинградец Владимир Веселов.

ЧТО ПРИОБРЕТЕНО?

«У СУДЕБ, как у звезд, есть величины...» Литературная судьба Инны Кашежевой восходила удивительно ярко, стремительно, звездно. Еще школьницей — стихи в «Юности», в восемнадцать лет — книга «Вольный аул» (Нальчик, 1962), которая у строгого Кайсына Кулиева, автора предисловия, вызвала ощущение «родниковой свежести», а рецензента «Литературной газеты» Ал. Горловского поразила «естественностью и богатством поэтической интонации... безотчетным чувством соразмерности, что определяет поэтический талант и позволяет свести в один солнечный образ совершенно далекие, казалось бы, друг от друга слова...»

С тех пор прошло немногим более десяти лет. Для Кашежевой они прошли вроде бы вполне благополучно. Появляются все новые и новые сборники. Хранит верность поэтессе ее читательская аудитория. Рецензенты редко забывают помянуть при случае все ту же «родниковую свежесть», все то же «безотчетное чувство соразмерности»...

Благополучно? Да. Но счастливо ли? И, поставив вопрос таким образом, обнаруживаешь оборотную сторону медали. Критика добрым словом поминает стихи Кашежевой, но исключительно «при случае». Сборники выходят ровно, но никогда не встречают того разноречья оценок и суждений, которое так мило бывает автору и так очевидно свидетельствует о нащупывании поэтом новых путей и средств.

И дело здесь не в злокозненности или нерадивости критики. Дело в том печальном факте, что стихи Инны Кашежевой, насыщенные «злобой дня», оснащенные всеми возможными приметами современности, не воспринимаются как стихи современные — в высшем смысле этого слова.

Ощущение «неактуальности» собственного творчества всегда мучительно для поэта, если он истинен. А в истинности дарования Инны Кашежевой вряд ли кто сомневается. Поэтому, видимо, и падает такой драматический отсвет горечи и душевного смятения на целый ряд стихов, составивших последнюю книгу поэтессы: «Мой вексель и поныне не оплачен...», «Еще так мало сделано...», «...довольствуясь даром, какой мне отпущен. Так мало поэзии дал он...», «Осень в Болдине еще не состоялась...». И как своеобразный итог горьких переживаний и раздумий:

> Что-то в дороге утрачено,
> кто-то потерян в пути...

Может быть, и правда — корень зла в том, что «что-то» утрачено, потеряно в пути, который длится вот уже более десяти лет? Но нет. Все (на самый худой конец — почти все) осталось, сохранилось и окрепло в стихах Кашежевой. И молодая непринужденность интонации. И постоянная готовность к сопряжению гражданских и лирических эмоций. И верность Кавказу — центральной теме творчества, лейтмотиву мироощущения. И привычка к афористической крылатости, так радовавшая еще самых первых читателей:

> И я — Кавказ. И я оттуда,
> в нем до конца растворена,
> а он во мне... Мы два
> сосуда,
> в которых кровь течет
> одна.

Сборник «Кавказ надо мною» лишний раз удостоверяет: Инна Кашежева умеет многое. Едва ли не каждое стихотворение книжки выказывает зоркий глаз поэтессы, легкость и гармоническое изящество лирического рисунка, свободу владения стиховым материалом.

Качества драгоценные и встречающиеся вовсе не так уж часто, как это принято иной раз считать. Но достаточные ли? Для восемнадцатилетнего новобранца поэзии, может быть, и достаточные. В разговоре же о творчестве зрелого поэта, автора многих книг, как-то невольно вспоминается, что все это — и верность интонации, и точность наблюдений, и четкость рисунка, и ясность почерка — не более чем средства, не более чем инструментарий, через посредство которого душа, или, если угодно, лирический характер, являет себя миру. Необходим определяющий все и вся стержень, нравственный каркас стиха. Иначе любые, самые эффектные образы, сравнения, метафоры, характеристики в конечном счете предстанут не чем иным, как завитушками вокруг пустоты.

Вот этого стержня, или, пользуясь известными словами Льва Толстого, единства нравственной позиции, и недостает в поэзии Кашежевой современному читателю.

Мне кажется, что новый сборник И. Кашежевой есть собрание отдельных стихотворений. Ведь как ни бейся, а полнозначного, нерасторжимого в своей цельности лирического характера не сложишь из кубиков, на одном из которых с наивной претенциозностью написано: «Я продолженье той легенды, какой не может быть конца» или «Я эмблема — котангенсы гор, незажженные свечи березок», на другом с уверенностью, достойной лучшего употребления, начертано про любовь: «И стороной пройдут глаза, сулившие немало горя, как неопасная гроза для моего высокогорья».

Пытаясь обрести нравственную опору, Кашежева вновь и вновь обращается к теме Кавказа, рисует картины прошлого и настоящего Кабардино-Балкарии, воссоздает в стихах образы близких себе по крови и духу людей. И надо сказать, в большинстве случаев Кашежевой не изменяют ни привычная зоркость, ни умение живописать словом. Картины родной природы выходят, как правило, многокрасочными и зримыми, дыхание истории явственно, образы «товарищей по родине», родичей и свойственников, набрасываются точными и благородно-скупыми мазками.

Но как только поэтесса пробует вписать в эти картины свою лирическую героиню, так начинается неутомимо-однообразный, барабанный бой: «Иду я, безымянная, жить, драться, побеждать. И этот пропуск, данный мне, так нужно оправдать!». Или: «Так иди, человек, шаг твой скор и размашист, по Вселенной иди, всех и все одолей... Но, вернувшись, опять поребячьи в ромашках заблудись и от запаха их одурей!».

И еще одно неизбежное следствие все того же главного зла: из стихотворения в стихотворение кочуют одни и те же мало варьируемые эмоции, состояния души, чувства. И никаким разнообразием ритмики, интонаций не собьешь этого вялого однообразия лирических переживаний, однообразия, порожденного той же самой неразвитостью поэтического характера, о которой уже говорилось.

...Давняя рецензия Ал. Горловского в «Литературной газете», уже поминавшаяся мной, носила чрезвычайно характерное название: «Перед открытием». За годы, прошедшие с той поры, Инна Кашежева как поэтесса ничего не утратила и почти ничего не приобрела...

Сергей ЧУПРИНИН
РОСТОВ

«...ИЩУ Я НЕ НА МИГ — НА ЖИЗНЬ»

ЗАМЕТКАМ С. Чупринина не откажешь ни в интересных наблюдениях, ни в мастерстве анализа стихов. Уверен, что большинство читателей согласятся с оценкой тех цитат, которые приводит критик. Больше того, почти со всеми из этих оценок я тоже согласен.

О чем же тогда спор? — спросит читатель. Спор с Чуприниным мне придется вести, так сказать, методологически. Ибо, на мой взгляд, справедливо критикуя частности, Чупринин вовсе не попытался вникнуть в суть того явления, которое он сам же и обозначил как открытие.

Конечно, если наличие слабых строк, строф, отдельных стихотворений означает, что поэта нет, то, разумеется, нет и открытия. Но разве сами по себе слабые строки или строфы достаточное доказательство того, что нет поэта? В самом деле, мало ли известно случаев, когда один и тот же поэт может написать вещи и похуже, и получше?

Нет, уж коли зашла речь об открытии, попытаемся понять сущность поэзии И. Кашежевой, сущность лирического характера ее героини. Проследим за развитием этого характера. Вот первый раздел книги — «Начало». Начало биографии героини стало отправной точкой в формировании мировоззрения. Она мечтает научиться творить, «превращая эскизы в картины, а эмблемы в единственный герб». Речь идет о советском гербе, о немеркнущих символах трудовой доблести советских людей — о серпе и молоте.

Вот он, нравственный каркас, который составляет существо поэзии.

А ведь С. Чупринин, как помнит читатель, искал его. Он писал: «Необходим определяющий все и вся стержень, нравственный каркас стиха. Иначе любые, самые эффектные образы, сравнения, метафоры, характеристики в конечном счете предстанут не чем иным, как завитушками вокруг пустоты».

И опять — слова правильные, а выводы — нет. Ума не приложу, как это критик не разглядел то, что, как говорится, само бросается в глаза.

Ведь как начинала Инна Кашежева? Сборники ее стихов, вплоть до последнего, довольно четко обозначили нам путь ее героини — от «первых детских слез», «первых недетских печалей», «первых в жизни разлук...».

И что же мы видим? Проходя через испытания юности, наша героиня не забывает о главном — о том, какому предназначению служит ее жизнь. И радуясь и восторгаясь, печалясь и отвергая, уходя в гул шумного города или убегая в родные свои горы, она все время возвращается к одной и той же мысли: «еще так мало сделано» — и признается:

> Тревожась от ночных
> предчувствий,
> ищу я не на миг —
> на жизнь.
> Ты поиски мои почувствуй,
> сама, звезда моя, найдись!

Уже в этом стихотворении речь — о неуспокоенности поэтессы, ее стремлении к поиску, к глубокому раздумью при постоянной приверженности раз и навсегда выбранным идеалам.

Здесь-то в самую пору напомнить С. Чупринину о том, что нравственный каркас — это мировоззрение поэта, и если уж оно отсутствует, если автор не задает себе вечного вопроса — зачем? — то о какой творческой личности может идти речь, о каком художественном произведении мы будем рассуждать?

Что касается мировоззрения поэтессы, то оно в книге выражено с достаточной определенностью. Вот, пожалуйста:

> Век двадцатый!
> Ты не наложил
> никаких печатей злых
> на детство.
> Ты мне просто передал
> в наследство
> дело тех, кто голову
> сложил.

Сборник И. Кашежевой — это книга с развитым сюжетом, с героиней, скрепляющей фабулу этого произведения противоречивой, но интересной биографией нашего современника, столь остро ощущающего свою ответственность перед эпохой:

> Настоящее —
> зрелость будущего.
> Для нас оно будничное.
> Для кого-то станет
> историей.
> Для детей наших. Будем же
> неизбывным истоком ей.

К тому же отмечу, что при всей тенденциозности в лучшем, партийном смысле этого слова (еще А. В. Луначарский писал, что искусство социализма не может не быть тенденциозным, то есть зараженным одной определенной мыслью), при ярко выраженной активной позиции борца Кашежева умеет быть и тонким лириком, нежно и трепетно ощущающим большую радость любви. Перечитайте стихи из раздела «Ритмы ожидания». Это словно взгляд в зеркало, взгляд на саму себя и внутрь самой себя. Здесь достигается та гармония чувства и слова, которая рождает поэзию в ее прекрасном, возвышенном смысле.

> Эльбруса ледяной каркас
> как раз над самой головою.
> Сегодня наградит Кавказ
> меня высокою любовью.
> С вершины первозданных
> чувств
> все станет лучше, чище,
> дальше...

Хороши ли эти стихи? Мне кажется, да. И таких строк в новой книге И. Кашежевой немало. Больше, кстати, чем тех, которые приводит в своей статье С. Чупринин.

Как видим, злую шутку может сыграть с критиком односторонний взгляд на вещи. Сосредоточась только на неудачах, С. Чупринин не сумел даже себе самому уяснить целостный образ поэта. А ведь главная особенность творчества поэтессы, самая сильная сторона ее дарования — это умение сочетать в своем творчестве тонкий лиризм со страстной гражданственностью:

> Мой любимый цвет —
> красный!
> Цвет борьбы и побед.
> Мой любимый цвет —
> красный!
> Самый правильный цвет!

Ведь это полное доверие к читателю, полная раскрытость!

> И года, и столетья пройдут,
> как созвездья добра,
> освещая планету,
> и потомки в грядущем,
> как мы,
> присягнут
> пролетарскому,
> красному,
> нашему цвету.

Не могу не сопоставить эти строки с теми, которые цитировал выше о двадцатом веке: «Ты мне просто передал в наследство дело тех, кто голову сложил». Как видим, поэтесса говорит и в них о той же вечной притягательности наших идеалов.

Мне думается, что о силе воздействия стихов поэта можно судить по тому, насколько глубоко поверю я его лирическому герою, насколько близко приму я его «высоким разумом души». Лирическому герою Инны Кашежевой я вверяюсь полностью. Современность авторской позиции, непосредственность восприятия, искренний и глубоко заинтересованный поиск героя — вот черты, позволяющие книге И. Кашежевой стать довольно заметным явлением среди поэтических книг последнего времени.

Владимир ВЕСЕЛОВ
ЛЕНИНГРАД

РЕПЛИКА

ЗАКАЧАЕШЬСЯ ОТ ГУЛКОЙ СИНИ...

В одной волжской частушке есть лирические строчки:

> Твои глазки голубые
> Я еще подголублю.

По-видимому, они пленили Николая Филиппова, автора книжки стихов «Фронтовая тетрадь» (Волго-Вятское книжное издательство, Горький, 1974): в этой 40-страничной книжке самые разнообразные предметы и явления нашей жизни если не голубые, то синие.

Чтобы не показаться голословным, процитирую по строчкам:

Голубые:

стр. 5. Подо мною
голубоватый,
Весь в промоинах
выбитый лед.
стр. 8. Весенний полдень
голубой...
стр. 13. Когда луне лучом
голубоватым...
стр. 14. Все мечты голубые
в клочья.
стр. 18. ...Этой вешней ночной
голубой.

Синие:

стр. 12. Стоит подснежник,
как разведчик,
Прищурив синие глаза.
стр. 16. ...Куда-то манит
синь дорог.
стр. 22. Деревья
на пронзительном
ветру,
Как стая синих птиц...
стр. 23. ...На макушке
синь-берет.
стр. 24. ...В клетку синяя
тетрадь.
стр. 25. ...У ладожской
синь-волны.

У автора не только «радость голубая», но и «в кармане пальто голубеет тетрадка». Можно открыть «все окна настежь — в сад, в голубизну...», где «голубоватые березок тени», «и потому в июне голубом», «громыхает небо голубое». Тут и город Зеленогорск встает перед нами «картиной в голубой сосновой раме». Голубое у Н. Филиппова не только настоящее, но и прошлое — «ведь и тогда все было голубым...».

Есть тут и «тихий синь-денек», и вечером «лохматым» (?!) «по окнам плеснет синевой...», и «печальная неба северного просинь...». Автор уверяет нас, что «есть много деревень в моей России у края леса в тысячу дворов (неужели обязательно — если у края леса, то в тысячу дворов, не меньше? — К. А.), где закачаешься от гулкой сини...»

Чтобы «закачаться» от «гулкой сини», не надо искать деревень «у края леса», да еще «в тысячу дворов»... Достаточно взяться за чтение сборника Н. Филиппова.

К. АЛТАЙСКИЙ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрация Л. Пришича к книге стихов Андрея Волощака «С верха на верх». Издательство «Каменяр», Львов.

Иллюстрации художника М. Палаткина к сборнику стихов Бердаха «Напевы Аму-Дарьи». Издательство «Жазуши».

ДОБРОГО ПУТИ!

Недавно мы отмечали сорокалетие Литературного института имени А. М. Горького. Говорили добрые слова. Вспоминали наших однокурсников — нынешних лауреатов Ленинской и Государственных премий, секретарей союза писателей, авторов прославленных романов, поэм, пьес и песен.

Мне дорого, что довелось работать в Литинституте с такими интересными людьми, как начинавшие со стихов, а потом ставшие прозаиками Анатолий Приставкин, Василий Белов, Мукан Джумагулов, как широко известные сейчас в своих республиках эстонец Матс Траат, лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана Фикрет Годжа, горноалтайцы Паслей Самык и Бронтой Бедюров, монгольский писатель Вагзийн Ялуухулан... Больше половины выпускников моего семинара — 27 человек — уже члены союзов писателей.

Верю я и в моих сегодняшних третьекурсников. Многие из них мыслят ярко и образно, интересно ищут. У многих из них вырисовываются первые книги. Одна из участниц моего семинара — молодая молдаванка Нина Жосу.

Стихи Нины Жосу останавливают внимание сразу. Хотя сама она еще молода, в них порой поражает зрелая поэтическая мудрость. За три года работы в творческом семинаре от обсуждения к обсуждению Жосу пишет все интереснее и ярче. Конечно, нельзя считать, что она окончательно определилась. Еще предстоит много поисков и сомнений. Но то, что она делает сейчас, уже дает ей право на внимание читателей.

На последнем обсуждении Жосу прочла написанную на основе молдавской легенды одноактную трагедию «Анна». В ней создается глубокий и сложный образ мастера Маноле. Мастер строит удивительное и прекрасное сооружение, и вот в его стену Маноле вынужден замуровать свою бесконечно любимую жену, к тому же несущую будущего ребенка. Другими словами, молодой поэт берется за шекспировскую ситуацию и решает ее поэтически интересно и убедительно.

Надеемся, что несколько стихотворений, публикуемых нами сегодня, вызовут интерес к молодому поэту.

Лев ОШАНИН

Нина ЖОСУ

■

Тень моя добрая, будь со мною,
ласково гладь мне лицо под луною,
с лаской гляди мне в глаза в темноте,
дай мне предаться твоей доброте.
Тень моя, создана из дуновенья,
в пальцах моих задержись
на мгновенье,
тень моя легкая, песни созданье,
тень, от суровых ветров заклинанье,
тень моя, твердая словно камень,
ищи же, ищи свой очаг и пламень,
не расставайся с миром, любовью,
расти вместе с деревом, колосом,
новью.
Тень моя добрая, будь со мною,
каплями пены над волною,
тень моя, будь и болью, и гневом,
семенем, яростью, песни напевом!
Тень моя добрая, будь со мною,
сделай глаза мои светлой луною!

Люблю я лицо земли

Люблю я лицо земли,
ведь только непевчие могут
скользить над землей, не видя.
Звуки земли сплетены
в покров тончайшего шелка.
Люди, как муравьи,
с лика земли сметают
слой пыли.
И даже корни деревьев
видны
над жесткою почвой.
И птицы, летя над землею,
полны к ней
любви глубокой.

Слушает землю трава

Слушает землю трава:
где-то глубоко
стукнулась рыба о дно моря.
Слушает землю трава:
где-то высоко
треснула шишка в зубах белки.
Слушает землю трава:
где-то
ковш погрузился гулко
на самое дно неба.

Перевела с молдавского Инна ТЫНЯНОВА

Евг. ЕВТУШЕНКО

Свидание с Победой

Уважаемый Петр Евгеньич,
с чистой, прибранной головой
ты Девятого Мая наденешь
самый лучший костюмчик твой.

И, у зеркала малость помедлив,
чуть покалываемые дождем,
мы пойдем на свиданье с Победой,
мы к Большому театру пойдем.

В шелестенье раскрывшихся почек
ты послушай, не балуясь там,
как нам снова про «Синий платочек»
чуть нашептывает фонтан.

Петр Евгеньич, мы столько видели.
Хоть и в радость обняться бойцам,
тяжело ударяют медали
по уже постаревшим сердцам.

Ищут близких танкисты, связисты,
и, случается, до темноты.
На ветвях повисают записки —
вопросительные цветы.

Вот присела старуха с устатку,
а в руке бумажонка видна:
«Кто из Керченского десанта?»
Никого. Разве только она.

И такое бывает нередко —
в резвых джинсиках голубых
вдруг заплачет какая-то шведка,
аппаратиком щелкать забыв.

Я тебя, шестилетний мой кореш,
Петр Евгеньич, не обману.
Ты порою меня беспокоишь
тем, что любишь кино про войну.

Войны тяжкою поступью ходят
по совсем неповинным телам.
Я, узнавший и голод, и холод,
тоже этой войны ветеран.

Но война, не убив ненароком,
не навесив на грудь ордена,
подарила мне чувство народа
и Победу, как маму, дала.

Нет, не стала победа усталой —
стала наша Победа седой,
но не сделалась все-таки старой
и осталась навек молодой.

Петр Евгеньич, ты прошлый
не бывший.
Ты, [illegible]
[illegible] — нашу Победу.
Будь мужчиной. Расти. Побеждай.

Стрела

На свой родимый русский берег
под сень серебряных берез
[illegible] аист в перьях
стрелу из Африки принес.

Стрелы обломок деревянный
и с наконечником стальным
извлек из крыльев конюх пьяный,
затылок почесав над ним.

А я не аист и не лебедь, —
обыкновенный журавель,
но остаюсь я русским в небе,
летя за тридевять земель.

И как бы ветры ни носили
меня в теплынные края,
в моих крылах — стрела России,
моя любовь и боль моя...

■

Когда я в сень веков сойду,
я отдохнул бы на природе
не в райском радужном саду —
в обыкновенном огороде.

И чтобы около лица
жизнь зеленела виновато
пупырышками огурца
с пушком, чуть-чуть голубоватым.

И чтобы на зубах моих
скрипела, в губы впрыгнув ловко,
с землей в морщинах молодых
такая тонкая морковка.

И чтобы нагленький росток,
тревожно многообещающ,
меня кольнул нескромно в бок:
«Вставай! Ты мне расти мешаешь!»,
а я спросил его:
«Товарищ,
ты кто —
ты лук или чеснок?»

■

В продуманности строки —
тончайшая тяжеловесность.
Ей это приносит известность,
и ценят ее знатоки.

В нечаянности строки
есть слишком завидная легкость,
и хочешь кусать себе локоть,
но именно это — стихи.

Метаморфозы

Детство — это село Краснощеково,
Несмышленово, Всеизлазово,
Скок-Поскоково, чуть Жестоково,
но Беззлобнино, но Чистоглазово.

Юность — это село Надеждино,
Нараспашкино, Обольщаньино,
ну а если немножко Невеждино,
все равно оно Обещаньино.

Зрелость — это село Разделово:
либо Схваткино, либо Пряткино,
либо Трусово, либо Смелово,
либо Криадино, либо Правдино.

Старость — это село Усталово,
Понимаево, Неупреково,
Забывалово, Зарасталово
и — не дай нам бог — Одиноково.

Александр РОГАЧЕВ

■

Николасу ГИЛЬЕНУ

Мне виделась Куба лазоревым раем...
Я ночью туда улетал, засыпая.
Я говорил зачарованно:
— Куба,
Родина сахарного тростника!
И сладкими вдруг становились губы.
Но Куба так была далека!

А позже услышал я ваши напевы:
Перешагнув на другой континент,
Явились вы с песнею боли и гнева
На русский
Книжный базар, Гильен.
Вы пели душевно,
Вы пели без страха
О матери вашей, страдавшей века.
И горьким тогда показался мне сахар,
Добытый из сахарного тростника.

Вы пели —
И раскрывались все грани
Неслыханных ритмов.
Их сложный язык
Донес до меня
И боль заклинаний,
И взвихренность танца,
И страстный призыв.
И сердце мое устремилось властно
К бойцам революции,
К Фиделю Кастро...

■

Взгляни:
Убранство падает с дерев.
И не к ветру, как мы когда-то в детстве,
Толпятся у рябины, присмирев,
Осинки, чтоб немного отогреться.
Но но тепло сегодня у рябин —
Большая песня августом допета,
А у меня в глазах еще рябит
От пестроты, от буйства красок лета.
И, возвращаясь чувствами к нему,
В пустом лесу я слышу внятно
Птичье,
Разметанное в синь разноязычье,
Безудержную листьев кутерьму.
Ты не смотри украдкою назад.
Не верь, что песня августом допета,
Она во мне.
И у меня в глазах —
Твое лицо
И буйство красок лета.

Последний мазок

В. МЕШКОВУ

Он знал, что он умрет
Здесь, в мастерской, старик
белобородый,
Чей гордый лоб избороздили годы
И бросили теперь в холодный пот.
И жесткой кажется ему тахта,
С которой слился он бессильным
телом.
Ему в лицо глядит осиротело
Березка белоногая с холста.
Задумчивая лирика лесов...
В ней что-то есть,
Что душу сладко ранит.
Она пред ним возникла на поляне,
Как бы из чащи выбежав на зов.
И он уже хотел дать волю кисти,
Но непривычно дрогнула рука:
Разочарованно поникли листья
И отвернулись от старика.
А он смущенно лирику лесную
Разглядывал, не чувствуя вины,
А он, растерянный,
Чтоб дать ей жизнь вторую,
Зашел с другой, с обратной стороны.
Но тотчас то же повторилось снова.
Она сказала, ветви наклоня:
«Не надо... Вы, художник, не готовы
Писать меня...»

Ушел в себя.
Как за семью дверями,
Жил ею, не впуская никого,
И ощутил однажды, что корнями
Она вросла не в землю, а в него.
И он вернулся подарить ей вечность.
И, той минуты ждавшая давно,
Она руками тонкими навстречу
Рванулась
И... взошла на полотно.
Исполненная кроткой доброты,
Она одна сегодня у постели:
Давно по белу свету разлетелись
Его земные мудрые холсты.
Холсты, холсты...
Хотя б на миг, на миг
Они слетелися к нему, как птицы,
Чтобы в последний раз взглянуть на
них,
Потрогать пальцами
И навсегда проститься.
Но не ему принадлежат они —
Какое дело им до этой смерти!
И лишь березка, голову склонив,
Задумалась печально на мольберте.
И он заметил:
На одном листе
Недостает ей солнечного света.
Еще мазок —
И листьям шелестеть.
И песня лебединая допета.
И встал он, встал!..
Держась рукою вялой
За стул,
Кладет последний свой мазок,
Что ей для полной жизни не
хватало...
«Ну вот и все», — сказал.
И кисть упала...

Но слышал он:
В березке бродит сок!

РОСТОВ-на-ДОНУ

Мих. МАТУСОВСКИЙ

«ПЕСНЯ О БЕРЕЗОВОМ СОКЕ»

(Из новой книги стихов)

Поиски

В длящемся вечно споре
поиски правоты.
В скалах почти отвесных
поиски высоты.
В срезанных ветром крыльях
поиски быстроты.
В чьем-то суровом взгляде
поиски доброты.
В трудном рожденье слова
поиски простоты.
В смешанных наспех красках
поиски чистоты.
В мачтовой чаще сосен
поиски прямоты.
В гранях клинка стального
поиски остроты.
Под ледяной корою
поиски теплоты.
В самых обычных лицах
поиски красоты.

■

Все сразу понять и запомнить
И все воедино связать
При помощи яростных молний
Пыталась ночная гроза.

То вся устремлялась к антеннам,
Сплошной образуя зигзаг.
То как бы стоп-кадром мгновенным
Вставала у нас на глазах.

То шла по открытым балконам,
По палубам мокрых террас,
То вдруг переплетом оконным
Крестила испуганно нас.

И схваткой любуясь ночною,
Себя я ловил на одном,
Что больше не связан с войною
В моем представлении гром.

Пусть молнии тратит без счета,
Пусть в тент барабанит тугой, —
Мне б только увидеть хоть что-то
Меж вспышкой одной и другой.

■

Есть сила в немощи самой:
Лорд Байрон грозен и хромой;
Гомер был слеп, но ход времен
Ясней, чем зрячий, видел он;
Есть даже глухота — и та
Бетховенская глухота.

На Северо-Западном фронте

А память готова взорваться опять,
Лишь только ее вы затроньте.
Вы знаете, где нам пришлось воевать?
На Северо-Западном фронте.

Над нами обугленный тлел небосвод
То в красном, то в белом накале.
Всю сырость псковских и демянских
болот
С собой мы в подсумках таскали.

Здесь леший беседовать с нами привык,
Качаясь на елочных лапах.
Из нас ни один еще санпропускник
Болотный не вытравил запах.

Нам в грязь приходилось деревья валить,
Тащить по грязи волокуши.
Тогда еще бог не успел отделить
Как следует землю от суши.

Мы жили в промозглых, сырых погребах,
В сырые шинели одеты,
Курили сырой филичевский табак
И грызли сырые галеты.

Ни вешки какой, ни столба со звездой
Нельзя водрузить на могиле.
В траншеях, заполненных ржавой водой,
Мы мертвых своих хоронили.

Три дня самолета с продуктами нет.
Покрепче ремень засупоньте.
Мы знаем теперь, где кончается свет —
На Северо-Западном фронте.

Сквозь серенький морок и вечный туман
Тащились обозные клячи.
У «эмок», засевших по самый кардан,
Летели к чертям передачи.

Автобусы юзом ползли под откос,
Обратно вскарабкаться силясь.
Имея две пары ведущих колес,
Вовсю пробуксовывал «виллис».

По этой лежневке прошлепав хоть раз,
Трехтонки нуждались в ремонте.
Нелегкое дело разыскивать нас
На Северо-Западном фронте.

Кому приднепровские степи сродни,
Кто верен снегам Ленинграда.
Но эти замшелые кочки да пни
Кому-то отстаивать надо.

В фашистской протянутой к нам
пятерне
Торчали мы вместо занозы.
И если поэзия есть на войне,
Мы были страницею прозы.

Мы, встав здесь однажды, не двигались
вспять,
Решив не сдаваться на милость.
Наверно, поэтому нас убивать
По нескольку раз приходилось...

Окопы уходят в траву без следа,
До дна высыхают болотца,
Быстрей, чем мгновенья,
мелькают года —
Но это со мной остается.

И вижу я вновь, как при сильной грозе,
И лес, и высотку напротив, —
И снова, и снова теряю друзей
На Северо-Западном фронте.

■

Поздравляю тебя с утра
С дробной россыпью топора,
Ударяющего по слегам.
С первым, робким еще дождем,
Редко сеющим за окном
Вперемешку с последним снегом.

Со скворечником на сосне,
С расколовшейся в тишине
Хрупкой лужицей ледяною.
С птичьим хором во всей красе,
Что аукнется на шоссе,
А откликнется за Десною.

С электричкой до Снегирей.
С флотом, снявшимся с якорей,
Так, что только волна вдоль борта.
С новой свежестью старых слов
И с побелкою всех стволов
Мельбы, штрейфлинга и апорта.

С запрещеньем ходить по льду,
С разгребаньем листвы в саду
До того, что зудит ключица.
С распечаткой сырых террас,
С ощущением, что сейчас
С нами что-то должно случиться.

Поздравляю тебя с утра
С горьковатым дымком костра,
Что любых ароматов слаще.
С той березой, дающей сок.
С солнцем, бьющим наискосок
В пропилеях сосновой чащи.

И, конечно, с весенней той
Первозданною чистотой,
С той прозрачностью акварели.
С ветром, дующим в ивняке,
С быстрым паводком на реке,
С днем тринадцатого апреля.

■

Сверчки в тени чертополоха
Ведут беседу.
Когда мне станет очень плохо, —
В Донбасс уеду.

Туда, где ястребы степные
Спят на кургане.
Где чуть дрожат огни ночные
В моей Лугани.

Где поезда в смятенье сами,
Летя сквозь полночь,
Пронзительными голосами
Зовут на помощь.

Где в темноте стоит свеченье,
Как в небе дальнем.
Где все слова звучат в значенье
Первоначальном.

Где я собрал на косогоре
Букет полыни,
И на губах осталась горечь
Еще поныне.

Сверчки в тени чертополоха
Ведут беседу.
Когда мне станет очень плохо, —
В Донбасс уеду.

Там под земной слышны корою
Глухие сдвиги.
Так возвращаются порою
К прочтенной книге.

Так всех ушедших видят лица
Во сне глубоком.
Так речка хочет возвратиться
К своим истокам...

■

Разрывы ближе, все сильней обстрел,
Все хуже сон ночами грозовыми.
И я, как видно, сильно постарел,
Раз мертвые мне кажутся живыми.

Так мы, свою предугадав судьбу,
Внезапно холодеем на мгновенье.
Так среди ночи чувствуем на лбу
Мы чьей-нибудь руки прикосновенье.

Еще в ушах походка их слышна,
Не все оборвались меж нами нити.
И горько мне читать их имена
Не на обложках книг, а на граните.

ЧИТАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИРУЕТ

ВЕСОМОЕ СЛОВО ВЕТЕРАНА

К 70-летию старейшего поэта-горьковчанина В. Е. Пильника Волго-Вятское книжное издательство выпустило сборник избранных стихов. Первое стихотворение Борис Пильник написал еще в 1928 году, а ряд стихов книжки помечен 1971 годом. Дистанция между ними больше сорока лет!

О чем же стихи этого сборника? О героике гражданской войны и Красной Армии, в которой некогда служил поэт, об Отечественной войне с фашизмом, о буднях нашего индустриального города, его крупнейших заводах — автомобильном и Сормовском, о людях, с которыми постоянно общается поэт.

В сборнике есть большое стихотворение «Батько мой», о котором хочется сказать особо. Оно — автобиографическое, в нем повествуется об отце, украинце-землемере, выходце из села на Черниговщине. Молодой Ефрем Пильник переехал на постоянное жительство в Нижний Новгород. Здесь, на берегу великой русской реки, нашел счастье украинский хлопец, здесь он обрел вторую родную землю: появились друзья, интересная работа, дружная семья.

Рассказывая о своем отце, поэт достигает социального обобщения, когда повествование перерастает в сказ о дружбе двух народов нашей Родины, о силе их единства:

...Молодость и мощь
моей земли.
Волгари, сибиряки,
поморы —
Подняли ее и понесли,
Подхватив многоголосым
хором.
Подпеваю, как могу, и я...

...Дело вовсе не в словах
красивых.
Песен много,
но судьба одна
У сынов
Украины и России.

Меня, читателя, особенно привлекают лирические произведения В. Пильника о природе. Человек острого глаза и большой чуткости к тому, что происходит вокруг, поэт нашел меткие образные характеристики, неожиданные сравнения и образы.

Обидно, что в эту в целом удачную книжку вошли и слабые стихи. Среди них встречаются и «облака из белой ваты», и «зеленые спины у волн говорливых, зеленые спины, да белые гривы», и «седой рассвет над краешком земли» и т. д.

Любят и ценят в нашем городе поэта-коммуниста, ветерана писательской организации. Его квартира — место встреч литераторов, споров и дискуссий по злободневным творческим вопросам. Особенно охотно сюда приходят молодые, они несут на суд мастера свои первые стихи. Многим из них помог В. Е. Пильник советом.

Г. ЦИРУЛЬНИКОВ

гор. ГОРЬКИЙ

Борис Пильник. «Суровый закон движения». Волго-Вятское книжное издательство. Горький, 1973.

ОБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО

Недавно в книжном магазине среди новых поступлений я увидел тоненькую книжечку стихов с незнакомым именем на обложке — Татьяна Бек. Я прочитал одно, другое, пятое стихотворения. Было в их строчках что-то непривычное, что-то притягательное...

Словом, книжку Т. Бек «Скворешники» (серия «Молодые голоса») я купил. И пока ехал в метро домой, а путь был неблизкий, прочитал. Дома, уже в более спокойной обстановке, стал не спеша, более обстоятельно, что ли, перечитывать с подспудной мыслью: а может, понравились мне эти стихи при поверхностном прочтении, при невнимательности к деталям?

В темном детстве,
от старших в сторонке,
Я читала, светлея лицом,
Эту сказку о гадком утенке
С торжествующе лживым
концом.

Да, могу поручиться, слова здесь найдены удивительно точные и потому действенные — «темное» детство с близким от него и контрастным по смыслу «светлея» лицом — от чтения сказки о гадком утенке. А завершающая строка говорит и о поэтической дерзости автора — сказать о произведении гениального Андерсена, что у него «торжествующе-лживый конец», значит, обладать смелостью, которая дается не каждому! Но прочитаем дальше:

Я считала,
что я некрасива...
Только лучше сказать —
неточна:
Ведь прекрасна
и грубая грива,
Если выразит лет скакуна!
Ненавижу свою оболочку!
Понимаю, что,
как ни смотри,
Видно черную
зимнюю почку,
А не слабую
зелень внутри.

Эта последняя строфа меня поразила открытостью душевной и емким образным смыслом. И, кстати, теперь стали понятны до конца слова о «торжествующе-лживом конце» сказки — лирический герой на своем жизненном опыте видит неправду волшебного превращения гадкого утенка в красавца лебедя, — ибо в жизни все куда печальнее и сложней... Как часто внутренняя — «лебединая» — суть остается скрытой от ленивых глаз неказистой — «утиной» внешностью!

Мне импонирует и то, что молодая поэтесса не «сочиняет» в стихах некий туманно-радужный мир, не изощряется в фантазиях, не придумывает сентиментальных героев, а умеет поэтически воссоздать реальную жизнь, реальные ощущения и чувства.

Хорошо, без ложного пафоса, с предельной искренностью и конкретностью сумела сказать Т. Бек о любви и Родине в стихотворении «Напев»:

О родине — шелесты лип,
и ржавой уключины скрип,
и темного озера всхлип.
О родине — паданцев стук,
и дальнего выстрела звук,
и плеск бесконечных
излук.
И звон быстротечных
проток,
и баржи хрипящий гудок,
и ломко хрустящий ледок.
О родине — крик журавлей,
о родине — стон тополей...
И нету
напева
смелей!

Наверное, строгие критики-профессионалы найдут в этой первой книжке молодой поэтессы и слабые, неудавшиеся стихи. Мне, скажем, показались неточными строки: «Радио пургу передает», «Небеса черны, простоволосы», «Носом в небо заглянул...».

Хочется верить, что промахи эти не характерны для Т. Бек. Они не от небрежности, а от отсутствия опыта, от неискушенности, от молодости. Вера эта не от читательского прекраснодушия — ею вооружает сама поэтесса, убежденно и по-своему сказавшая:

...Когда я стихи пишу,
как мостовую мощу,
Где каждый из тысяч
булыжников
Надо поднять самой.

Очень верные слова!

З. ВЛАДИСЛАВЛЕВ

ЛЕНИНГРАД

Татьяна Бек. «Скворешники». Стихи. Издательство «Молодая гвардия». М. 1974.

МАСТЕРА И МАСТЕРСТВО

КИНО

Алексей КАПЛЕР

ЯСНЫЕ ДАЛИ ТАЛАНТА

ЖАЛЬ, не было тогда со мной магнитофона — записать надо бы от слова до слова весь разговор в нашем купе.

При посадке в Симферополе в вагон шумно ввалилась ватага возвращавшихся в Москву студентов.

Они, смеясь, проталкивали по коридору свои огромные, распухшие рюкзаки, к которым были приторочены покрытые копотью, заслуженные котелки и сковородки.

Долговязая пара в ярко-голубых тренировочных костюмах втиснулась в наше купе, держа за ручки небольшую бельевую корзину.

В ней лежало нечто курносое, с глазами цвета маминого и папиного тренировочных костюмов и улыбалось во весь беззубый рот — отдыхать, так всей семьей!

До нашествия студентов в нашем купе было занято два места — на одном из верхних устроился я, на другом — нижнем — какой-то малоприятный, угрюмый человек в роговых очках, сразу уткнувшийся в журнал.

Теперь у нас образовался полный комплект и даже с перевыполнением на жителя бельевой корзины.

Между тем в наше купе набивался народ. Видимо, голубые папа и мама были чем-то вроде духовного центра студенческой компании.

Ребята продолжали разговор, начатый, видимо, еще по дороге на вокзал.

Речь шла о только что тогда вышедшем на экран фильме «Калина красная». И я стал прислушиваться к разговору — он меня заинтересовал.

Но тут неожиданно прозвучал снизу голос соседа. Не отрываясь от своего журнала, он безапелляционно произнес:

— Безобразный фильм. Рецидивиста воспели.

Сказал — как отрезал и продолжал читать.

На миг в купе повисла недоуменная тишина.

Затем сидевшая на рюкзаке, подобрав ноги в джинсах, рыженькая девчушка взволнованно сказала:

— Это прекрасная, прекрасная, чудесная картина!

А парень, которого называли не по имени, а Мурашковским, добавил:

— ...для тех, кто способен ее понять.

Сосед воинственно поднял голову.

— Оценил ваш сарказм, товарищ... Фильм для интеллектуальной элиты? Куда нам, непосвященным...

— Какая элита? — свесила сверху голову голубая мама. — Народ валом валит.

А кто-то из-за двери сказал охрипшим голосом:

— Я в очереди три часа отстоял. И еще пойду...

— Ну, хорошо, хорошо... — сосед ввязывался в спор уже всерьез и даже отложил журнал, — примем ваш критерий — посещаемость. Хорошо, ну, а как вы полагаете — если выпустить на экраны порнографию? Сколько вам тогда придется отстоять в очереди, юный товарищ?

— Ну, при чем тут порнография? — свесилась с верхней полки голубая мама. У нее был низкий голос, и говорила она с такой сердитой энергией, что я подумал: ну, ну, голубому папе, кажется, непросто живется...

— При чем тут порнография, — еще резче повторила мама, — мы говорим о чистейшей картине. А то, что герой бывший вор...

— Позвольте, позвольте, этого мало, что вор, рецидивист, но — главное — как относится к нему автор? Ведь с глубочайшей симпатией! Вы согласны, что автор ему симпатизирует?

— Да, да! Мы согласны! Симпатизирует! И мы тоже симпатизируем, больше — мы любим его! — кричала, вскочив на рюкзак, рыжая девчушка. — Но любим не вора, а человека, у которого хватило душевной силы порвать с прошлым...

— Это человек, — кричал Мурашковский, — который казнит себя...

— ...который ищет смысл жизни, ищет правду, — басила сверху голубая мама, — какая разница, кем он был раньше?

— Разница! Разница! Сколько в нашей стране совершается героических дел каждый день, сколько настоящих героев — пожалуйста, бери, пиши о них пьесы, сценарии, стихи, наконец. Но нет, обязательно подай закоренелого преступника. А молодежь? Воспитание молодежи? На примере вора, да? На примере блатного?

— Это жизнь, правда, доброта...

— Я бы лично эту картину запретил.

— Какое счастье, что это не от вас зависело.

Эта перепалка оказалась лишь вежливым обменом любезностями по сравнению с тем взрывом, что последовал за какой-то пренебрежительной репликой соседа в адрес самого Шукшина.

Что тут поднялось!

ОКАЗЫВАЕТСЯ, пока критики вели бесконечные споры о творчестве Шукшина, пока одни посылали ему упреки во всех смертных грехах, а другие восхищались художнической щедростью Шукшина, его сложной простотой, его юмором, его любовью к людям, к родной земле, пока писались и публиковались все эти суждения, в это самое время в библиотеках молодежь зачитывалась рассказами Шукшина, зрители смотрели его фильмы, и из всего, взятого вместе, — из прозы, фильмов, облика самого Шукшина и его поразительного артистического дарования — составилось представление об этой своеобразной личности. Этого Шукшина полюбили и в обиду не дают.

Вот что произошло. Немыслим этот художник вне нашей жизни, в отрыве от русских советских характеров, вне социальных процессов, происходящих в нашем обществе.

Творчество Шукшина принимается не всеми, есть у него противники и серьезные, не такие, как мой сосед по купе.

Я же принадлежу к решительным сторонникам талантливого его творчества. Работа Василия Шукшина примечательна своей целенаправленностью, единством. За любым его рассказом, за каждым фильмом стоит убежденный художник, знающий, почему, зачем он работает, за что вступается, против чего восстает.

Конечно же, у него есть и более и менее сильные вещи и в прозе, и в кино.

Однако же, когда складываешь все сделанное им вместе, то оказывается, что и те рассказы, что — отдельно взятые — кажутся как бы написанными просто так, без глубинки, просто наблюдение, — оказывается, и они необходимы, как яркие пятнышки на большом полотне о нашей жизни, о человеке, о поисках правды, о странных милых людях, о любимой автором алтайской земле.

Все нужно, все. И глубокая философская новелла, и веселая байка — все это Шукшин.

ПОМНЮ, как впервые лет 15 назад в «Двух Федорах» — талантливой картине М. Хуциева, снятой по сценарию В. Савченко, я вдруг увидел человека, совершенно непохожего на актера, как если бы настоящий, вернувшийся с войны солдат, прорвав полотно, шагнул из жизни на экран.

Это был студент режиссерского факультета ВГИКа Василий Шукшин.

С тех пор я больше не смотрел этого фильма, но и теперь вижу пронзительно несчастливого, осиротевшего человека у разрушенного родного дома, вижу его с усыновленным им мальчиком, таким же бездомным бедолагой, вспоминаю их трогательную, жесткую мужскую дружбу и заботу друг о друге.

До чего же нет в облике Шукшина ничего актерского (ни в дурном, ни даже в хорошем значении этого слова)... До чего «опасен» Шукшин для некоторых партнеров!

Шукшин играл — и очень хорошо — у разных режиссеров: в тех же «Двух Федорах», и в «Простой истории», и в «Какое оно, море?». Особенно интересен он был у С. Герасимова в фильме «У озера».

Но кто-то верно заметил, что как ни хорош Шукшин у других режиссеров, но самый шукшинский Шукшин проявляется у себя «дома», в своих собственных картинах. Тут он перед нами во всем своеобразии, во всей силе своего удивительного таланта.

Много справедливых, хороших слов написано о последней картине Шукшина «Калина красная», той самой, что вызвала гнев у моего соседа по купе, что, по-моему, объясняется формальным по чисто внешним признакам подходом к произведению искусства.

Есть, впрочем, и в «Калине» некоторые неточности. Кроме отмеченной критиками художественной приблизительности сцен воровской малины, неточно, на мой вкус, решена сцена общения героя с березками («заждались, невестушки»).

Такой герой такого Шукшина ни в жизнь не стал бы произносить в данных обстоятельствах какие-либо слова. Остановил бы машину, подошел бы к березке и даже не погладил, а тронул бы ее только. Да так, чтобы никто не заметил этого.

А что чувствует этот человек, с изломанной им самим судьбой, увидев березку и прикоснувшись к ней, — то зритель додумал бы сам, и сцена стала бы, по-моему, эмоционально неизмеримо сильнее, а главное — правдивее. Шукшин в одном из интервью пишет, что Егор поглаживает березку и говорит «всякие необязательные слова» потому, что это помогает ему думать. Я понимаю замысел, но, по-моему, он не реализовался, не «читается» то, чего хотел автор, и слова Егора просто режут слух.

Шукшин всегда находит ходы сложные и точные, слова неожиданные и единственно верные.

Роль Егора в «Калине красной» неимоверно сложна, что только не намешано в этом человеке — какое причудливое сочетание зла и добра, вранья, шутовства и душевной муки, лихости и отчаяния, любви и балагурства и черт те чего еще.

А сквозь все — и приговор себе, и все же мучительные поиски пути возвращения к жизни, поиски смысла ее, радости ее...

И все это и еще многое, многое Шукшин сыграл. Все состоялось. Все.

Как-то я стал подсчитывать — что сделано Василием Шукшиным?

Может быть оттого что он всегда работал скромно, без шума, без расчета на сенсацию, мы как-то не представляли себе, как велик его художнический труд.

В книгах Шукшина «Земляки», «Характеры» каждая новелла — это открытие новых характеров, тонкие наблюдения жизни, языковые неожиданности, а за всем этим — умный художник, размышляющий о времени и о людях, сочувствующий им, любящий их.

Читая про неудавшуюся, погубленную жизнь, написанную Шукшиным, будто слышишь его негромкий голос — как могла бы совсем иначе, счастливо сложиться судьба героя рассказа, незаурядного человека, какого-нибудь Спирьки Расторгуева из «Сураза» или Егора Прокудина. Как жалеет их автор, как больно ему за них!

И в драматических судьбах, и в каком-нибудь Веньке Зблицком, взбунтовавшемся против семейной тирании и заколотившем тещу в деревянной уборной, Шукшин находит материал для размышлений о самых важных вопросах жизни человеческой.

Шукшин работает много, не останавливаясь. Сейчас он снимается у С. Бондарчука в фильме «Они сражались за Родину» по М. А. Шолохову. В последнем, июльском номере журнала «Искусство кино» опубликован новый сценарий Шукшина «Брат мой...». В Ленинграде в Большом драматическом Г. Товстоногов только что поставил пьесу Шукшина «Энергичные люди»...

Я ПРОЧЕЛ несколько выступлений Шукшина и подумал — какая же у него благодарная память. Как он говорит о своем учителе — Михаиле Ильиче Ромме, с каким уважением вспоминает, что дал ему Ромм, как руководил его образованием, какие давал советы.

А встреча с Пырьевым!.. Шукшин как-то рассказал о ней на газетных страницах.

Исколесив всю страну, однажды очутился совсем еще юный Василий Шукшин в Москве.

Пристроился ночевать на набережной, на скамейке.

Видит, что какой-то человек вышел, видимо, покурить, и подошел этот человек к Шукшину, остановился, заговорил с ним. Разговорились. Оказались они земляками — оба сибиряки.

«Он узнал, что я с утра не ел, повел меня к себе. Допоздна мы с ним чай гоняли и говорили, говорили...

Это был режиссер Иван Александрович Пырьев. Что-то у него тогда не ладилось, и вот выложился он перед незнакомым парнишкой. Когда мы встретились лет через 10, он меня и не узнал, а я этот разговор навсегда запомнил».

Года два тому назад мы беседовали с Василием Макаровичем под магнитофон — предполагалось, что наш разговор будет опубликован.

Это был разговор, в котором Шукшин, совсем забыв, что, кроме нас, есть еще кто-то рядом, что всякое слово пишется на магнитную пленку, говорил в самом своем художнически-сокровенном. Он рассказал тогда о любимом замысле — о фильме про Степана Разина. Рассказать так еще раз, а тем более мне передать тот рассказ — невозможно.

Не буду и пытаться.

Давно уже задуман у Шукшина этот фильм о Разине, в котором он будет сам играть Степана.

Написан сценарий, написан им роман о Разине.

У меня нет даже и тени сомнения, что сочетание образа вольного вождя крестьянского восстания — Степана Разина, который оставил навечно след в памяти нации, в котором соединились удивительнейшие сложные и противоречивые черты сильного характера, сочетание этого разинского образа с личностью Шукшина, несомненно, даст фильм огромного звучания.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ еще одна подробность той встречи в поезде со студентами.

После спора, про который я написал, сосед в роговых очках поднялся, бросил колючий взгляд на ребят, протиснулся в коридор и, спросив у проводницы, с какой стороны ресторан, ушел.

— Профурсетка... — глядя ему вслед, сказал голубой папа, — вы заметили, ребята, на кого он похож?

Мурашковский хлопнул себя по лбу:

— Точно! Как две капли воды!

Тут и я вдруг понял, кого мне все время мучительно напоминал этот сосед — ну, конечно же, того воинственного мещанина, что в «Печках-лавочках» Шукшина высокомерно поучает «деревенщину», как себя вести, и вызывает милицию... Того, кому герой Шукшина бросает такое неожиданное и такое меткое слово:

— Профурсетка!

В редакционном примечании к очень интересной дискуссии о «Калине красной», проведенной недавно журналом «Вопросы литературы», поставлен вопрос: не ограничивает ли свои возможности Шукшин тем, что исследует чаще всего один только социальный тип? Может быть, это и так. Но, мне кажется, и в этих рамках он находит столько неожиданного, нового, важного, о чем сказать необходимо, о чем читать бесконечно интересно — что и тут у него еще скрыты возможности необозримые.

О будущем своем, о своей программе Василий Шукшин сказал в «Правде»: «Теперь надо выходить на дорогу более широких размышлений, требуется новая сила и смелость, требуется мужество открывать новую глубину и сложность жизни».

Из деревни Сростки Бийского района Алтайского края пришел в советскую литературу и в искусство кино большой художник.

Строитель, грузчик, маляр, слесарь, матрос, радист, сельский учитель — кем только не был Василий Шукшин и как чудесно обернулся высоким искусством его жизненный опыт!

Эти заметки ни в коей мере не претендуют даже и на наикратчайший анализ творчества Шукшина — просто захотелось сказать несколько слов о художнике, которого я глубоко уважаю и люблю.

Фото Я. НИСНЕВИЧА

ТЕАТР

ГАСТРОЛИ-74

ПОИСКИ, УДАЧИ, СПОРЫ

Ин. ПОПОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ академический Малый театр оперы и балета привез на свои гастроли в Москву 13 спектаклей. Почти все они заслуживают обстоятельного разговора, поскольку это либо «первоэкранные» работы, либо оригинальные редакции, либо, наконец, произведения, давно не шедшие на сценах. Попробую проанализировать четыре, которые, на мой взгляд, представляют наибольший интерес.

«Ифигения» Глюка... Строго говоря, такого произведения у великого оперного реформатора XVIII века нет. У него, как известно, есть две оперы, посвященные героине трагедий Еврипида.

«Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде» — каждая из них сокращена до одного акта. Между ними расположен балет «Клитемнестра», который тоже отсутствует в перечне произведений Глюка. Перед нами, таким образом, необычный оперно-балетный триптих.

Оперные партитуры в процессе сценического воплощения часто подвергаются тем или иным изменениям. В них делают купюры, их переинструментовывают. Почему так происходит — вопрос сложный, и лучше не углубляться в него, а, констатировав факт, отметить, что древнеримское выражение «победителей не судят» здесь очень уместно. Если получился яркий, интересный спектакль, глубже, чем в предыдущих постановках, раскрывающий замысел, то все отступления от текста его партитуры оказываются оправданными.

Постановщик ленинградской «Ифигении» главный режиссер театра Э. Пасынков одержал, мне думается, здесь творческую победу. Спектакль ярко раскрывает главное в музыке Глюка — ее высокий этос, благородство идей и чувств. Верным союзником и другом постановщика явился главный дирижер А. Дмитриев. Именно от него идет тот эмоциональный нерв, который пронизывает звучание оркестра, воодушевляет певцов (из них следует выделить исполнительницу заглавной партии Л. Сиренко, сурового Калхаса — М. Калиновского и пылкого, импульсивного Ореста — Ю. Марусина). Ничего лишнего, во всем строгий вкус. В то же время перед нами не холодный, застывший мрамор, а живая, трепетная музыкальная ткань.

Слабее оказался балетный акт. Хореография Н. Долгушина в принципе верна. Но все же танцевальный язык «Клитемнестры» получился не очень ярким. Его благородство бесспорно. Однако динамичности, эмоционального накала ему недостает. Нет в «Клитемнестре» и волнующих исполнительских свершений.

Победителей не судят. Но не слишком ли далеко ушли Э. Пасынков и А. Дмитриев от первоисточника? Из девяти актов двух глюковских партитур, посвященных Ифигении, осталось два. Музыка «Клитемнестры» скомпонована из фрагментов партитур «Орфея», «Альцесты», «Париса и Елены» и двух «Ифигений». Допустимо ли подобное отношение к музыке великого мастера?

Споры об этом возникли сразу же после ленинградской премьеры. Затем они улеглись, и большинство специалистов по Глюку признало эксперимент оправданным. Дело в том, что монументальные композиции Глюка сейчас выглядели бы на сцене, судя по всему, несколько статуарными. Элемент спорности в данном эксперименте, конечно, остается. Эта «музыкальная драма в трех действиях», как она обозначена на афише, в сущности, весьма вольный «монтаж» глюковских партитур. Но постановщики работали вдумчиво, стилистика Глюка бережно сохранена.

Спектакль «Порги и Бесс» Д. Гершвина поставлен также Э. Пасынковым. Поставлен, как и «Ифигения», с весьма активным отношением к авторскому материалу. Здесь его коллегой по прочтению партитуры оказался Ю. Темирканов — дирижер темпераментный, хорошо чувствующий своеобразную стилистику Гершвина. Купюры постановщиками сделаны в партитуре значительные. Как всегда в подобных случаях, возникли споры. Противники купюр соотносят постановку Малого оперного со спектаклем американской труппы «Эвримен опера». Я склонен, однако, с ними не согласиться. Купированы в основном сцены грубо жестокие, натуралистичные, а также эпизоды сугубо джазовые по характеру.

Бесспорная победа дирижера и режиссера в том, что они добились от солистов и естественного интонирования непривычной для них музыки Гершвина (которая, будучи одним из ярчайших образцов так называемого симфоджаза, очень далека от привычной оперной лексики), и правдивой, выразительной актерской игры.

НАПОЕННАЯ ароматом современной русской народной песни, музыка оперы Р. Щедрина «Не только любовь» не сразу нашла убедительное сценическое воплощение. Зрительское признание опера «Не только любовь» получила начиная с прекрасной постановки Б. Покровского в учебном театре ГИТИСа. Э. Пасынков, активно сотрудничая с композитором, нашел новый интересный постановочный вариант. (Р. Щедрин одобрил купюры и перестановки, кое-что дописал и перередактировал.) Теперь это, в сущности, нечто вроде цикла зарисовок «на сельские темы» с минимальной сюжетной нагрузкой. Если Б. Покровский всячески акцентировал лирическое начало оперы, то Э. Пасынкова более всего привлек юмор, улыбчатость музыки Щедрина. Иногда режиссер даже переходит к шутке злой, и сатире, вступающей в область гротеска.

Среди исполнителей особенно выделяется в спектакле трио главных героев — Варвара Васильевна (Е. Гороховская), Володя Гаврилов (Ю. Марусин) и Наташа (Т. Новикова).

«Не только любовь» идет в один вечер с «Кармен-сюитой». Замысел очень хорош. Ставший популярным, балет Р. Щедрина поможет слушателям полюбить замечательную музыку его оперы. «Не только любовь», как и «Кармен-сюита», принимается аудиторией очень тепло. Но, к сожалению, последняя поставлена слабее. На хореографии Г. Замуэля лежит отпечаток «испанистости», внешней аффектности.

И, НАКОНЕЦ, балет «Ярославна» Б. Тищенко. Премьера его состоялась лишь несколько недель назад, вызвав наибольшие споры.

Композитор Б. Тищенко, автор либретто и балетмейстер О. Виноградов, режиссер Ю. Любимов были подчеркнуто полемичны. Полемичны во всем — в принципах трактовки героев «Слова о полку Игореве» (балет написан по его мотивам), в характере музыки, в стилистике танцев. Ничего похожего на «Князя Игоря» Бородина! Все диаметрально противоположно!

В «Ярославне» многое впечатляет: талантливость хореографической лексики, содержащей немало отдельных ярких находок, высокий профессионализм композитора, создавшего богатую по краскам партитуру. Горячо волнует трагедийность кульминационных эпизодов постановки. Исполнители во главе с талантливыми Н. Долгушиным (Игорь) и Т. Фесенко (Ярославна) танцуют ярко-эмоционально и темпераментно. Дирижер А. Дмитриев умело объединяет в единое целое сложную, многосоставную партитуру. Но задиристо-настойчивая полемичность авторов, желание сделать нечто не похожее на «Князя Игоря» Бородина приводят и к изрядным издержкам поиска.

Опираясь только на сугубо симфонические средства музыкального развития, композитор вообще отошел от хореографической образности. В сущности, перед нами не балет в привычном понимании, а некая симфонически-хоровая пластическая поэма. Иначе, пожалуй, это произведение и не назовешь, поскольку О. Виноградов, отказываясь от всего, сколько-нибудь похожего на классический танец, обедняет, хочет он того или не хочет, хореографию спектакля. Не соглашаясь с героической эпичностью Бородина, избрав в качестве основной тональности трагедийность, О. Виноградов, Ю. Любимов, Б. Тищенко пришли к безысходному мраку, к трактовке Игоря как героя отрицательного. Основания для этого известные были. Но постановщики пришли к дегероизации персонажей и событий «Слова», с чем уж никак нельзя согласиться.

Огорчительная неудача! Огорчительная тем более, что талантливость постановочного коллектива несомненна.

Четыре спектакля из тринадцати... Спектакля, разных по почерку, по творческим устремлениям, неодинаковых по достигнутым результатам, но равных по активности творческой мысли, по напряженности поиска новых решений.

«Ифигения» Глюка.

Сцена из оперы «Не только любовь» Фото С. ХЕНКИНА

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Римма КАЗАКОВА

ОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ

Телеспектакль «Вот такие истории». А. Дмитриева в роли Ручкиной

Фото В. ВДОВЕНКО

КОГДА я смотрела трехсерийный телевизионный спектакль «Вот такие истории», поставленный режиссером В. Бровкиным по сценарию Е. Каплинской на Центральной студии телевидения, меня не покидало ощущение: есть что-то особенно привлекательное в событиях, неторопливо разворачивающихся на экране, в том, что говорят и делают влюбленные и невлюбленные персонажи повести.

Ну, работают, ну, любят, решают бытовые и рабочие проблемы... Схема, очевидно, кончается там, где возникает интерес не к тому, главным образом, что делают люди, а к тому, как, во имя чего, зачем они это делают. Авторы повести поставили перед собой нелегкую и увлекательную задачу: рассказать о современном рабочем. Какой он — человек, простаивающий смену у машины, проводящий большую часть жизни там, где, казалось бы, нет места лирическим движениям души и так вроде бы мало значат настроение, индивидуальность, свое, личное?

Сюжеты всех трех серий, на первый взгляд, весьма просты. В первой, «Встрече», журналист ищет замечательного рабочего Александра Потапова, дядю Сашу, который во время войны выполнял особый фронтовой заказ и, по имеющимся сведениям, умер в прифронтовом госпитале. Потом выясняется, что дядя Саша выжил и что его, инвалида, кормил-поил рабочий этого же завода, скромный Гаврилыч (артист Б. Новиков), брат дяди Саши, пенсионер. Велик ли подвиг? Но авторы спектакля переносят акцент в финале серии именно на то, о чем Гаврилыч, часто моргая, говорит: «...что вы... дело обычное». Да и может ли Гаврилыч вести себя иначе среди тех, с кем жизнь проработал на заводе?

Речь идет о безнаградности подвига человеческого сердца и о высшей награде, которой человек может быть увенчан: уважение соседей по жизни, по труду, чувство чистой совести, сознание выполненного долга. Строгость и доброта — вот атмосфера жизни этих обычных заводских рабочих.

Вторая серия, «Иллюзорный факт», повествует о взрыве нового насоса, в чем поначалу обвиняли Гаврилыча, последним уходившего из цеха. Конфликт, втянувший в свою орбиту и дирекцию завода, и рабочих, позволяет показать некоторые очень важные особенности современной заводской жизни. Директор Блинников (А. Джигарханян), который отнюдь не строит из себя этакого сусального демократа, главный механик Тавров (Е. Лазарев) и секретарь парткома Анюта Тимофеевна (ее роль обаятельно и глубоко играет В. Васильева) разговаривают с Гаврилычем резко, кое-кто даже грубо именно потому, что они — на равных. И все же существует незримый водораздел между руководством и рабочим. Этот водораздел — уважение к образованности, к самому опыту управления заводской махиной, к большей мере ответственности. Но есть еще и особая гордость человека, работающего у станка, знающего поименно все винты и гайки своего агрегата.

В третьей серии телеповести «Не с первого взгляда» рассказано о введении в эксплуатацию опытного агрегата, работать на котором поручили Настасье Петровне Ручкиной, роль которой блестяще играет артистка А. Дмитриева. Ничего как будто особенного: освоить новый станок, дающий возможность намного повысить выработку продукции... Но не нравится он Ручкиной. И чувствует она его скрытые огромные возможности. А все не ладится...

И постепенно из смешной коллизии взаимоотношений человека и машины становится серьезной и глубокой.

С героями «историй» не хочется расставаться. «Личность должна быть счастливой», — говорит сын Ручкиной, слесарь Яша. Эти слова могли бы стать эпиграфом ко всем трем сериям. «Вот такие истории» — спектакль о человеческом счастье, о гармоническом духовном мире тех, кто создает материальные ценности и, создавая их, творит подлинные ценности жизни вообще.

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

ЕДИНСТВЕННО РАЗУМНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

С дистанции длиной в неделю, неверное, видно и понятно несколько больше, чем вплотную к событию. Перемены, потрясшие Америку и вызвавшие столь острый интерес повсюду в мире, сегодня уже принадлежат истории. За драматическими мгновеньями потекли часы размышлений, анализа, прогнозов. И вот уже часы эти сложились в дни. Семь дней в августе...

Американцам судить о том, что произошло в их доме: явилась ли отставка Ричарда Никсона, как это утверждают некоторые обозреватели, «триумфом американской демократии»? Или «реваншем демократов» за поражение на президентских выборах 1972 года? Если да, то какого крыла демократов? Того, что тогда шло за сенатором Мекговерном? Или того, от имени которого ныне пытается выступать с правоэкстремистских позиций сенатор Джексон? Вынужденный уход президента — это результат конвульсивной защитной реакции американского политического организма? Или симптом его врожденного недуга?.. Пусть сами американцы отвечают себе на эти вопросы.

Но их, как и всю международную общественность, судя по подавляющему большинству откликов на смену президента в США, сегодня прежде всего интересует, как это отразится на ситуации в мире. Каков будет в дальнейшем внешнеполитический курс США?

Первые высказывания нового американского президента позволяют утверждать, что Вашингтон не намерен менять этот курс. Вице-президент Джеральд Форд неизменно поддерживал развитие отношений с Советским Союзом. Президент Джеральд Форд подтверждает свою верность этой позиции. Судя по всему, преемственность в международной политике является главной заботой новой администрации, лейтмотивом ее программы. И это крайне важно. Это признак реализма, проявление которого мы могли наблюдать в недавнем прошлом и в ФРГ, и во Франции, где к власти пришли новые люди.

Мыслить реалистически в наше время — это значит объективно оценивать сложившиеся в мире условия. Это значит отдавать себе отчет в том, что теперь разрядка уже не утопия, но действительность, и что произошло это в результате изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, под воздействием советской Программы мира. Мыслить реалистически — значит выступать за то, чтобы не допустить возврата к временам «холодной войны».

Есть в США привычная формула, в которую заложена не столь уж неневная мысль о доминирующем положении этой страны на международной арене: «Что хорошо для Америки, хорошо для всего мира». Наверное, и сегодня многие американцы полагают, что так оно и есть. Хотя они могли убедиться в том, что «благо» Америки, во имя которого она, скажем, вела «грязную войну» во Вьетнаме или главенствовала в войне «холодной», не было благом для нее самой и обернулось страданиями, жертвами, лишениями для других народов, взрывоопасной напряженностью в мире. Но на смену убеждению в предопределенной всевышним «мессианской роли» Америки все более властно приходит трезвая мысль о том, что для американского народа хорошо именно то, что хорошо и для всех других народов.

Осознанием этого объясняется поддержка курса на разрядку, на дальнейшее углубление и расширение сотрудничества с Советским Союзом обеими ведущими политическими партиями, деловыми кругами США, подавляющим большинством американского народа. От того, насколько последовательной и полной будет эта поддержка, зависит многое в самом ближайшем и исторически более далеком будущем. Поддержка эта будет эффективной лишь в том случае, если она позволит умерить неуемный пыл противников разрядки, готовых перечеркнуть и ликвидировать все весомое и положительное, что было достигнуто за последние годы.

Люди эти по сей день пользуются немалым влиянием. Стремясь использовать сугубо внутриполитическое событие, каким явился уход Р. Никсона, чтобы отбросить США далеко назад и спровоцировать новую напряженность в мире, военно-промышленный комплекс, его эмиссары в конгрессе, реакционная верхушка профсоюзного объединения АФТ-КПП, сионисты сейчас блокируются, объединяют усилия, пытаются контратаковать. Конечно, не за ними будущее. Но не замечать их нельзя, если искренне стремиться к окончательному преодолению военной угрозы.

Главным и наиболее действенным средством предотвращения этой угрозы являются и должны являться и впредь те поистине исторические соглашения, которые были подписаны в итоге советско-американских встреч на высшем уровне. Скрупулезное и последовательное осуществление на практике всех положений этих документов, и в первую очередь Соглашения о предотвращении ядерной войны,— главная гарантия жизненно важных интересов советского и американского народов, всего человечества.

Помешать такому развитию не могут, не должны никакие преходящие конъюнктурные обстоятельства.

Минувшие семь дней августа принесли немало доказательств того, что в Соединенных Штатах преобладают силы, которые считают единственно приемлемой только перспективу разрядки и развития плодотворных отношений с Советским Союзом.

Виктор ЦОППИ

Джеральд Рудольф Форд стал 38-м президентом Соединенных Штатов Америки. На посту вице-президента он находился менее года.

СПРАВКА «ЛГ»

Дж. ФОРД — 38-й ПРЕЗИДЕНТ США

Дж. Форд родился 14 июля 1913 года в городе Омаха (штат Небраска). Он окончил Мичиганский и Йельский университеты. Вот что писал о начале его политической карьеры американский журнал «Форчун»: «Форд некоторое время занимался юридической практикой в Гранд-Рапидсе до и после службы в морской авиации во время второй мировой войны. Но еще до поступления во флот у него возникла склонность к политической деятельности. В 1948 году Форд выставил свою кандидатуру в конгресс. Он легко одержал победу. В последующие годы стал популярным деятелем в Гранд-Рапидсе и регулярно побеждал на выборах с внушительным перевесом».

После убийства президента Кеннеди Дж. Форд был включен в комиссию Уоррена. Благодаря участию в работе этой комиссии он приобрел широкую известность.

В марте 1965 года Дж. Форда избирают лидером республиканского меньшинства в палате представителей.

Джеральд Форд выступал в поддержку политики правительства Ричарда Никсона по нормализации отношений с Советским Союзом, не раз заявляя, что это одно из выдающихся достижений нынешнего республиканского правительства.

Летом 1973 года, приветствуя визит Л. И. Брежнева в США, Джеральд Форд дал интервью «Литературной газете». Он выразил уверенность в том, что улучшение советско-американских отношений «пойдет на благо советскому народу, американскому народу и всему миру в целом».

С МЕСТА СОБЫТИЯ

АМЕРИКАНЦЫ — ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ КУРСА НА РАЗРЯДКУ

Все началось в ночь на 17 июня 1972 года, когда сторож-негр в вашингтонской гостинице «Уотергейт» обнаружил в помещении Национального комитета демократической партии взломщиков, которые, как позже выяснилось, устанавливали там подслушивающие устройства в телефонные аппараты. Расследование показало, что следы преступления вели в комитет по переизбранию Никсона президентом. Длительное разбирательство выявило затем в общем-то привычную для американцев картину коррупции в политической жизни страны с ее недозволенными методами борьбы с противником. В «уотергейтском деле» оказались замешанными люди из ближайшего окружения президента, за что немедленно ухватились его политические соперники, которые играли, в частности, на недовольстве американцев ухудшающимся экономическим положением страны.

...Развязка «уотергейтского дела» наступила спустя два с небольшим года. В августа Никсон пригласил к себе вице-президента Джеральда Форда. В маленькой душной комнатке в левом крыле Белого дома, отведенной для прессы, давка. В полдень к журналистам вышел пресс-секретарь Никсона Рональд Зиглер. «Он объявил о том, что президент выступит с обращением к американскому народу в девять часов вечера». Теперь уже окончательно ясно, что судьба Ричарда Никсона решена.

Телевидение прекращает обычные передачи. За столик перед камерами садится прервавший свой отпуск ведущий телекомментатор Уолтер Кронкайт. К Белому дому подтягиваются наряды полиции — на случай возможных беспорядков. Президент Никсон зачитывает речь, в которой объявляет о своем уходе в отставку, объясняя решение тем, что он больше не может рассчитывать на поддержку конгресса, необходимую для выполнения обязанностей президента.

Что касается нового президента, то у Дж. Форда хорошие отношения с конгрессом, который за час до принесения новым президентом присяги в единодушно принятой резолюции выразил ему свою полную поддержку. Как считают, эти хорошие взаимоотношения помогут Дж. Форду более эффективно проводить в жизнь свои решения.

Дж. Форд стал президентом в нелегкое время. В тот день, когда он приносил присягу в Белом доме, было опубликовано сообщение о новом скачке цен на продовольственные и промышленные товары. Борьба с инфляцией, безработицей, замедлением промышленного производства остается первостепенной и трудноразрешимой проблемой. Другая, нелегкая для нового президента проблема — это сплочение рядов республиканской партии, которой предсказывают серьезные потери на предстоящих в ноябре выборах в конгресс и местные законодательные органы страны. Нерешенными остаются и многие вопросы, вызывающие разногласия между Соединенными Штатами и их атлантическими союзниками. Каких-либо радикальных перемен во внутреннем и внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов, как здесь считают многие, ожидать в ближайшее время не приходится. Это подтвердило и выступление президента на объединенном заседании палаты представителей и сената.

Сразу же после того, как Дж. Форд принес присягу в Белом доме, я провел своеобразную анкету среди американцев, ожидавших у резиденции президента дальнейшего развития событий. Задавал одни и тот же вопрос: считаете ли вы, что политика нормализации советско-американских отношений должна продолжаться? Вот некоторые ответы.

Стэн Маршалл из Калифорнии:

— Безусловно. Курс на улучшение советско-американских отношений — это одно из наиболее важных достижений. И мы не можем без ущерба для нашей страны, для дела мира отказаться от него.

Джим Карр из Нью-Джерси:

— Нет сомнения, что политика разрядки должна и будет продолжаться. Силы, которые выступают за эту политику, имеют огромный вес. Они действуют, и тут вряд ли кто-нибудь сможет что-то изменить.

Роберт Гоулд Диггер из Джорджии:

— Политика разрядки — очень нужная политика. Мы не хотим ядерной войны. Мы за то, чтобы наши страны жили в мире и работали сообща во имя прогресса.

Уолтер Хоффман из Вашингтона:

— Политика разрядки — в интересах наших народов. Подписанные за последние два года соглашения между нашими странами — это хорошее начало. Нам надо идти дальше по пути разоружения, по пути торговли...

Юрий СОЛТОН,
корреспондент
Всесоюзного телевидения
и радио —
специально для «ЛГ»

ВАШИНГТОН. (По телефону)

КИТАЙ СЕГОДНЯ

НОВАЯ ВОЛНА БЕСПОРЯДКОВ

Английская газета «Дейли мейл» опубликовала статью о последних событиях в Китае. Ниже приводятся выдержки из этой статьи.

Китай снова охвачен смутой, причем в четырех провинциях произошли стычки и многие предприятия не работают.

Поступающие в Лондон в последние 10 дней сообщения о широко распространившихся беспорядках показывают, что председатель Мао Цзэ-дун и его премьер Чжоу Энь-лай усиленно стараются сдержать эту общенациональную волну недовольства.

Полагали, что со стычками, которые произошли в июне, справились, однако о новых беспорядках сообщают из провинций Сычуань, Чжэцзян, Хунань и Синьцзян.

В Чэнду, крупном центре текстильной и чайной промышленности, рабочие не являются на предприятия. Войска, которые были посланы для восстановления порядка, видимо, натолкнулись на сильное сопротивление.

Более 1000 рабочих, вооружившихся металлическими прутьями и дубинками, участвовали, как заявляют, в стычках на улицах Ханчжоу — торгового центра провинции Чжэцзян.

Имеются сообщения о беспорядках в крупном промышленном центре провинции Хунань — городе Чанша.

Борьба между различными группировками вызвала напряженность в некоторых районах провинции Синьцзян.

Хотя кампанию критики в дацзыбао, направленную против «контрреволюционных сил», пытаются держать под строгим контролем, полагают, что борьба в стране усиливается.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

УБИВАЮТ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Фашистская хунта в Чили ведет яростное преследование прогрессивных деятелей науки и искусства, насаждая казарменный дух во все сферы культурной жизни страны.

Сразу же после переворота был арестован и сослан на остров Досон ректор Государственного технического университета Энрике Кирберг. Вместе с ним в качестве «военнопленных» схвачены 600 преподавателей и студентов. Репрессии обрушились и на остальные университеты страны. Из 40 преподавателей истории в университете Вальпараисо 39 были уволены. В университете Чили из 35 450 студентов 19 523 — исключены, многие арестованы, некоторые — расстреляны. Факультет искусств в университете Чили упразднен. Там же на факультете социальных наук из 2 224 студентов осталось лишь 70. Тем временем Пиночет заверяет: «Хунта, которую я возглавляю, уважает университетскую автономию». А его министр внутренних дел генерал Бонилья утверждает: «Никого не преследуют за идеи...»

Хунта сняла с работы всех университетских ректоров, даже тех, кто был далек от симпатий к правительству Народного единства, назначив на эти посты «ректоров-делегатов» из офицеров. В составе совета ректоров не осталось ни одного ученого, ни одного преподавателя. «Новые хозяева, — пишет Бернар Кассэн в статье во французской газете «Монд», озаглавленной «В Чили умерла цивилизация», — ведут себя, как в оккупированной стране: они забирают для себя все должности. Генералы и адмиралы в отставке становятся ректорами, президентами национальных обществ, послами...».

В высших учебных заведениях официально введен институт «фискалов-соглядатаев» из числа студентов. Многие из них — члены фашистской организации «Патриа и либертад». Только в университете Чили «ректор-делегат» генерал Сесар Руис назначил 36 доносчиков... И посыпались доносы на профессоров, ученых, обвиняемых прежде всего в «дружбе с коммунистами».

Пиночет стремится превратить каждого студента в солдата. У входа в один из университетов красуется лозунг: «В каждом чилийце — солдат, в каждом солдате — чилиец».

В своем походе против культуры хунта с особенной яростью расправляется с деятелями литературы и искусства. Все зло, считает военщина, в книгах. И, следуя идеалам нацистов, она уничтожает лучшие творения человеческой мысли, сжигает труды Маркса, Энгельса, Ленина.

В книжных магазинах и издательствах, библиотеках и редакциях — повсюду фашисты выискивают «крамолу». В кострах горят книги Александра Пушкина и Томаса Манна, Джека Лондона и Максима Горького, Эрнеста Хемингуэя и Михаила Шолохова и многих других писателей, известных всему человечеству.

Не пощадила хунта и книги крупнейших писателей Латинской Америки. Она сочла «вредными» произведения видного современного писателя Мексики Хуана Рульфо. В список «подрывных авторов» включены и чилийский классик, мастер короткого рассказа Балдомеро Лильо, писавший в начале XX века. Запрещены цензурой популярная серия детских книг «Кункуна» и рассказ Эрнесто Монтенегро «За одну дюжину яиц», известный с детских лет каждому чилийцу...

Разгромлен Национальный музей изящных искусств, его экспонаты изрешечены пулями.

Растет мартиролог жертв фашизма — писателей, художников, артистов. Пабло Неруда, Виктор Хара, Хорхе Пенья... Пенья был расстрелян только за то, что с детским симфоническим оркестром гастролировал на Кубе. Готовится расправа и над Луисом Адвисом, автором популярной кантаты «Святая Мария из Икике». Ничего не известно о судьбе новеллиста и композитора Петрисио Манса.

Ночь фашизма опустилась над Чили...

Юрий ГВОЗДЕВ

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ...

РЕПЛИКА

ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ ИЛИ НЕВЕЖЕСТВО?

Визит делегации Организации освобождения Палестины во главе с председателем исполкома ООП Ясиром Арафатом в Москву вызвал широкий резонанс в арабском мире. Процитируем некоторые из откликов на это событие:

«Итоги визита еще раз подтвердили, что палестинский народ и все арабские народы пользуются крепкой и эффективной поддержкой СССР в их усилиях отразить наступление империалистов, сионистов и реакции».

«Ан-Нида» (ЛИВАН)

«Палестинский народ дает высокую оценку усилиям СССР по упрочению мира, а также принципиальной и твердой позиции КПСС и Советского правительства в поддержку борьбы народов и национально-освободительных движений во всем мире».

Палестинское информационное агентство (ВАФА)

«Капитуляции некоторых арабских сил перед империализмом и отходу этих сил от антиимпериалистического курса была противопоставлена решительная и принципиальная позиция СССР».

«Фалестын ас-Саура» (ОРГАН ИСПОЛКОМА ООП)

Но есть, хотя их и немного, и другого рода мнения. На одном из них следует остановиться особо, поскольку принадлежит оно руководителю Народного фронта освобождения Палестины, официально входящего в ООП, Жоржу Хабашу. В интервью журналу «Аль-Хадаф», издающемуся в Бейруте, он заявил: «Борьба Советского Союза за мирное урегулирование на Ближнем Востоке ослабила социалистическое движение в арабском мире». Хабаш, правда, не удосужился как-то доказать это свое обвинение или привести какие-либо факты. И сделал это намеренно, ибо фактов таких просто не существует.

Советский Союз неизменно словом и делом подтверждал свою поддержку борьбы арабских народов за полное освобождение оккупированных Израилем в 1967 году территорий, за обеспечение арабскому народу Палестины его законных прав в соответствии с Уставом и резолюциями ООН. Он считал и считает, что установление справедливого, прочного мира в этом районе отвечает интересам всех государств и народов, интересам борьбы за национальное и социальное освобождение.

Следуя же логике Хабаша, явно позаимствованной в Пекине, мир и социализм несовместимы. Именно поэтому он, впрочем так же, как и руководители Тель-Авива, выступает против участия Организации освобождения Палестины в Женевской мирной конференции.

Здесь уместно напомнить высказывание члена руководства «Фатх» — крупнейшей палестинской организации сопротивления — генерала Абу Салеха. «Один близко стоящий к империалистам человек, — сказал генерал, — все время убеждал нас, что палестинцы не должны ехать на Женевскую конференцию. Расчет был на предубеждения и невежество. Однако эти люди просчитались».

Да, просчитались, ибо вопрос об участии ООП в этой конференции был положительно решен на 12-й сессии Национального совета Палестины.

Как известно, в последнее время арабская и международная реакция заметно активизировалась. Именно сейчас, когда наметился путь к мирному решению ближневосточного конфликта, она прилагает максимум усилий, чтобы не дать палестинскому движению сплотиться воедино и помешать ему развивать сотрудничество с социалистическими странами.

Мы не знаем, кого имел в виду генерал Салах, когда говорил о «человеке, близко стоящем к империалистам». Но знаем другое: безответственные поступки Жоржа Хабаша, его экстремизм и псевдореволюционность, сдобренная маоистской демагогией, на руку лишь врагам арабского народа Палестины.

М. МАКСИМОВ

Баден Сачтьяго

Фото из газеты «Паэза сера» (ИТАЛИЯ)

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

ИТАЛИЯ: ЭСКАЛАЦИЯ ТЕРРОРА

Как уже сообщалось, в ночь с 3 на 4 августа было подорвано взрывное устройство большой силы в пассажирском экспрессе Рим — Мюнхен. В момент взрыва состав находился у выходе из железнодорожного тоннеля Флоренция—Болонья. Силой инерции поезд, объятый пламенем, с искореженными вагонами, вынесло на ближайшую железнодорожную станцию Сан Бенедетто Валь ди Самбро. Погибли 12 человек, 48 пассажиров получили тяжелые ранения.

Трагический итог нового террористического акта мог быть еще ужаснее, если бы бомба взорвалась несколькими минутами раньше, внутри тоннеля, который тянется на протяжении 16 километров. Тоннель в таком случае превратился бы в гигантскую газовую камеру с неминуемой гибелью всех пассажиров экспресса, которых было около тысячи. Видимо, на это и рассчитывали террористы. Их чудовищный замысел не был реализован целиком только по чистой случайности. Экспресс после Флоренции выбился из расписания, и бандиты не смогли правильно определить время его прохождения через тоннель.

Политическое лицо преступников известно. Это неофашисты. Их новое кровавое злодеяние точно повторяет неудавшийся террористический акт, который планировалось осуществить в апреле прошлого года в пассажирском экспрессе Турин — Рим. Тогда фашисты тоже собирались взорвать адскую машину именно в момент прохождения поезда через тоннель. Однако террорист, закладывавший бомбу, в результате неумелого обращения с детонатором, подорвался сам, был ранен, после чего его арестовали и предали суду вместе с сообщниками. Преступником оказался 23-летний Нико Адзи, активист неофашистской партии «Итальянское социальное движение», член террористической организации «Феникс», фанатичный последователь Гитлера и Муссолини. При аресте Адзи объявил, что «его идеалом являются доблестные эсэсовцы», а в ходе допроса откровенно признал, что готовившееся им покушение имело далеко идущие политические цели. «Главное, — говорил он, — это создать состояние напряжения и страха, чтобы подготовить государственный переворот. Нужна кровь, чтобы вызвать реакцию...»

Признания Адзи, который недавно был приговорен к 20 годам тюремного заключения, уже сами по себе давали ключ к расшифровке новой кровавой акции черных банд. Последние, впрочем, не замедлили и сами подписаться открыто под диверсией на станции Сан Бенедетто Валь ди Самбро. В редакцию одной из газет было подброшено письмо, в котором подпольная террористическая организация «Черный порядок» объявляла, что взрыв поезда Рим—Мюнхен ее рук дело и что он должен рассматриваться как акт мести итальянскому правительству, преследующему эту откровенно фашистскую банду. В письме провозглашалось: «Нацистское знамя не сгорело в Берлине в далеком 1945 году, оно продолжает существовать для блага фашистской и нацистской Италии. Нацизм возродится ради спасения Италии!»

На днях следственные органы города Болоньи арестовали группу неофашистов, у которых был найден черновик цитировавшегося выше письма и которые, судя по всему, являются непосредственными участниками преступления в Сан Бенедетто Валь ди Самбро. Арестованные тесно связаны с официальной неофашистской партией «Итальянское социальное движение», депутаты которой заседают в парламенте, а лидеры на словах всячески открещиваются от террористов, пытаясь выдать их за «красных».

Эти маневры легальной партии последышей дуче теперь уже никого не могут ввести в заблуждение. Всем ясно, что новая волна террора представляет собой очередной этап реализации пресловутой «стратегии напряженности», разработанной и проводимой в жизнь подрывными силами с целью захвата власти в стране и насильственного изменения ее нынешних республиканских институтов. История «стратегии напряженности» насчитывает уже пять лет. Тысячи террористических актов с десятками убитых и сотнями раненых — вот ее результат.

В руки следствия попали улики, говорящие о том, что неофашистские организации связаны единой нитью, что их действия координируются из единого центра, располагающего значительными финансовыми возможностями.

Большинство арестованных террористов, обвиняемых в совершении последнего взрыва, — это деклассированные юнцы, действовавшие за плату. Кто им давал деньги, кто оплачивал оружие и динамит, дорогостоящие транспортные средства? И, главное, кто те «респектабельные лица», которые до поры до времени предпочитают оставаться в тени, но готовы всплыть на поверхность, когда сочтут, что террор подготовил для них почву?

Эти вопросы глубоко волнуют всех итальянских демократов и антифашистов. А их в стране — абсолютное большинство.

Кровопролитие в Брешии в конце мая этого года и нынешнее преступление несут на себе открытую печать неофашизма. В ответ на усилившееся и окрепшее антифашистское единство итальянского народа чернорубашечники и апологеты «сильного режима» решили идти напролом, стремясь деморализовать народ, сломить его волю к сопротивлению.

Но «фашизм не пройдет!» — говорят миллионы итальянцев, которые в эти дни вновь вышли на улицы, чтобы выразить свой гнев и возмущение новой волной фашистского террора и заявить о своей непреклонной воле к борьбе в защиту демократических завоеваний.

Иван БОЧАРОВ,
собственный
корреспондент АПН —
специально для «ЛГ»

РИМ. (По телефону)

ВЫСОКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ

ЭТО САМЫЙ МОЛОДОЙ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА ВСЮ ЕЕ ИСТОРИЮ. ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ ОН БЫЛ ИЗБРАН В ТРИДЦАТЬ, АКАДЕМИКОМ — В ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ...

ПРИ ПЕРВОЙ встрече мы не могли избавиться от ощущения, что где-то уже видели этого человека. Знакомыми были лицо, жесты, даже манера говорить... И только когда он подошел к доске, начертил схему, а потом, сжав кулак, начал пояснение, мы поняли, на кого он так поразительно похож. Чеканное лицо, высокий лоб, резкие жесты, внушительный разворот плеч. Известная фотография Маяковского на выставке «20 лет работы».

Лишь позднее мы узнали, что не нам одним и не впервые тогда открылось это удивительное сходство. В пятидесятые годы большой популярностью в Москве пользовался студенческий театр МГУ. Когда там собрались поставить спектакль «Они знали Маяковского», студенту второго курса Юрию Овчинникову предложили сыграть главную роль. Он перечитывал произведения поэта, встречался с его близкими, старался найти и сыграть «своего» Маяковского. Роль удалась.

Примерно в то же время ту же самую пьесу решил поставить Академический театр имени А. С. Пушкина в Ленинграде. Здесь Маяковского должен был играть Николай Черкасов. Прославленный актер узнал о постановке театра МГУ и о своем «коллеге» — студенте-второкурснике. Черкасов приехал в Москву, встретился со студенческой труппой, принял участие в репетициях. А после очередного представления неожиданно предложил Овчинникову «поменяться» театрами: он, Черкасов, выступит в студенческом спектакле, а Юрий — в Ленинграде...

О выступлении московского студента на сцене «Александринки» много говорили в то время. Юрию предлагали стать профессиональным актером. Он отказался, потому что выбор был сделан, когда он пришел на химфак. Огромную сцену прославленного театра Овчинников променял на неказистую лабораторную комнатенку с примитивным оборудованием на одной из кафедр факультета, где работал профессор Юрий Александрович Арбузов.

Арбузов был типичным университетским ученым, человеком другой научной эпохи, когда еще можно было «запереться в башню» и творить. И все же именно он, словно легким штрихом, наметил начальный этап пути, по которому предстояло пойти одной из отраслей органической химии. Правда, сам Арбузов был далек от практического применения своих идей. Ученик же непременно искал выход в практику и предложил новый путь в решении проблемы. Будь на месте Арбузова другой человек, неизвестно, как повернулись бы события. Но он понял, оценил и поддержал Юрия.

Так началась «тропинка» Овчинникова в большую науку. Он сумел увлечь своей идеей товарищей с факультета. Образовалась группа. Маленькая лаборатория с ее несовершенным оборудованием уже стала тесной. Группа примкнула к тем исследованиям, которые только начинались тогда в институте у академика М. М. Шемякина. Ученик и товарищ Овчинникова, ныне его заместитель на посту директора Института биоорганической химии имени М. М. Шемякина АН СССР, Вадим Тихонович Иванов вспоминает о том времени:

«Мы были все очень юными и, наверное, поэтому выдержали сумасшедшее напряжение, с каким работали тогда. Раньше 9—10 вечера никто из лаборатории не уходил. Овчинников работал сам, как зверь, и нас заставлял... Увлекал... Трудно сказать, что было для нас движущей силой в то время. Желание доказать другим, что и мы, мальчишки, не лыком шиты? Пожалуй, и это тоже. Но главным все-таки было другое — тема работы, ее сущность, сознание того, что мы первыми ведем подобные исследования».

...Кандидатская диссертация была уже закончена, когда Овчинникова вызвал «шеф» — академик Михаил Михайлович Шемякин — и сказал: «Будете заниматься синтезом белковых веществ — короткими пептидами. (Заметьте, не «попробуйте», не «попытайтесь», а «будете».) Возьмите, если надо, еще двух студентов. Подумайте недели две, а потом поговорим. Защититься успеете. Главное сейчас — пептиды...»

Кое-кто и поныне говорит, что Овчинников «вышел на орбиту» в тот самый день, когда Шемякин поручил ему работу с пептидами. В самом деле, в институте ведь было немало способных научных сотрудников, уже известных и заслуженных, которым можно было доверить столь перспективную тему. Академик же предпочел двадцатипятилетнего аспиранта. Почему?

Причина крылась, очевидно, не только в фантастической работоспособности Овчинникова. Но и в той особой одаренности организатора, которую Шемякин распознал в молодом ученом и без которой нельзя двигать ныне ни одно по-настоящему серьезное и крупное научное дело.

Только теперь, занимаясь пептидами, Овчинников понял, как много у него было раньше свободного времени. Театр, спорт — все это осталось где-то позади, в юности. Засиживаясь в лаборатории до глубокой ночи, молодой ученый ловил себя на том, что жалеет о тех давних днях, часах, потраченных, как ему казалось, бесполезно...

В двадцать восемь лет, еще кандидатом наук, он был назначен заместителем директора института. Затем защитил докторскую.

Под руководством Овчинникова были продолжены работы М. М. Шемякина по созданию химии нового класса биологически активных соединений, так называемых депсипептидов, к которым относятся разнообразные антибиотики, гормоны, яды, противоядия...

Эта работа принесла ему широкую известность. В тридцать лет он был избран членом-корреспондентом Академии наук. В 1970 году Овчинников стал директором института, затем — академиком, был избран в президиум Академии наук и возглавил секцию химико-технологических и биологических наук.

Говоря о нем, некоторые отмечают лишь стремительную «карьеру» ученого. Еще бы: в 36 лет — академик. Другие заявляют, что в деле он деспот: себя не жалеет, но и других тоже, работать с ним трудно. Молодые сотрудники института многозначительно восклицают: «Наш Ю. А. — сила!»

А известный ученый старшего поколения, один из тех, кто оценивал еще дипломную работу нынешнего вице-президента, сказал: «Овчинников — ученый новой формации: крупный организатор науки и серьезный исследователь... Я много слышал рассуждений, что он «бешено удачлив». Но наука не преферанс. Здесь одной фортуны мало. По-моему, Юрий — боец, и этим все сказано».

Он быстр в решениях. Согласовывать, увязывать, «зондировать почву» по мелочам — не в его характере. Он не терпит пустопорожних разговоров и требует четких деловых предложений.

При всем том Юрий Анатольевич не сторонник келейных решений. Овчинников считает, что по ключевым, серьезным вопросам надо говорить в открытую. И чем больше людей будет участвовать в таком разговоре, тем лучше.

Он не любит свой директорский кабинет. Ему неуютно за огромным полированным столом в просторной и пустой комнате. Здесь он лишь принимает посетителей. Работает же в комнате на четвертом этаже — свидетельнице его круглосуточных бдений, споров с сотрудниками, стремительных успехов.

...Первобытный косматый человек, одетый в звериные шкуры, замахнулся высеченной из камня палицей на хрупкую молекулу... Этот плакат, нарисованный кем-то из младших научных сотрудников, висит в лаборатории Овчинникова. Ученый не случайно изображен здесь в облике отдаленного предка. По мнению исследователей, работа с белком достигла в своем развитии уровня охоты пещерных жителей на мамонта. Только первобытным людям для этого понадобились века, а здесь «эволюция» произошла за каких-нибудь десять лет.

Из работы Овчинникова с пептидами выкристаллизовались постепенно два направления.

Первое — химия сложных белков. Сначала о ней. Не так давно ученые предприняли попытку «прочесть» главную книгу жизни, зашифрованную в белке, перевести нюансы его бытия на строгий и понятный язык химических формул. Белков известно многие тысячи. Расшифровано же сегодня только около 500. До недавнего времени работу эту делали по частям. «Отстригали» от длинной цепи короткие звенья и исследовали их.

Наверное, так продолжалось бы и по сей день, не выйди химики за порог своего «дома» и не позови на помощь физиков с их высокосовершенной техникой.

Принцип ускорителя сегодня известен каждому. Чтобы постичь тайну вещества, физики подвергают его бомбардировке, разрушая внутриатомные связи. А если взять молекулу белка и разбить ее ударом электронов «на куски»? Если приспособить принцип ускорителя для нужд биологии? Так в Институте биоорганической химии был применен метод масс-спектрометрии.

Совместно с академиком А. Е. Браунштейном Ю. А. Овчинников расшифровал первичную структуру «трансаминазы» — ключевого фермента азотистого обмена в живых организмах. Сегодня в лаборатории Овчинникова широким фронтом изучают структуру и механизм действия белков, например, в зрительном процессе, в биосинтезе нуклеиновых кислот...

Второе направление химии пептидов связано с изучением биологических мембран. Овчинников и его сотрудники исследовали структуру и функции этих мембран применительно к своей науке. Были созданы мощные инструменты, с помощью которых можно регулировать такие фундаментальные процессы, как фотосинтез, дыхание, передача нервного импульса, действие антибиотиков. Сейчас найденные механизмы и принципы применяются в биологии, в медицине...

...Успехи Института биоорганической химии — результат труда большого коллектива, от академика до лаборанта. Но они несут на себе и печать личности самого Овчинникова. Есть такое понятие — валентность. Как утверждает школьный учебник, это свойство атомов элемента присоединять определенное число атомов других элементов. Иными словами, речь идет об активности элемента, способности его проявлять себя в действии. Если применить это понятие к человеку, то «валентность» Овчинникова огромна.

Как-то, захватив детей, Овчинников с товарищем поехал в отпуск на Кавказ. «Сбежав от цивилизации», они обосновались в двух палатках на берегу. Что еще надо человеку? Море рядом, солнца вдоволь. Одно плохо — к глубокой воде не подойдешь. Товарищ предложил перенести стоянку. Чтобы разбить лагерь из двух туристских палаток, места на побережье достаточно. «Да, это выход, — согласился Овчинников. Но потом, помолчав, добавил: — Только самый простой. Есть другая идея...»

«Идея» заключалась в том, чтобы самим оборудовать пляж. Для этого пришлось перетаскать в воду немало каменных глыб, которые в изобилии были раскиданы по прибрежной полосе. Камни надо было перекатить до воды и выложить из них мол, который узким жалом врезался в море, вызывая удивление у проходящих туристов. Работу они начали на второй день отпуска, закончили — перед самым отъездом в Москву. Оглядывая под конец дело рук своих, Овчинников заметил удовлетворенно: «Отлично провели время, главное — поработали всласть...»

Ему необходимо активное действие, оно свойственно его натуре, без него этот человек не может существовать даже на отдыхе.

...Три дня из рабочей пятидневки Овчинников проводит в президиуме Академии наук. Обязанности вице-президента обширны и разнообразны. Контакты с различными организациями, предприятиями, прием зарубежных ученых, координация исследований в научных центрах страны... Для работы в институте у него остается лишь два дня. Но академик прихватывает еще и субботу. «Это мой день», — любит повторять Овчинников.

Он не требует, чтобы в субботу «маячили» сотрудники. Те охотно приходят сами. В субботу никто не помешает поговорить с Овчинниковым, обсудить результаты эксперимента, поспорить. В разгар спора в этот день не войдет референт, не скажет извиняющимся тоном: «Юрий Анатольевич, вам звонят...»

Суббота — это день «горения» в лаборатории. Допоздна светятся окна на четвертом этаже, на плитке, не затихая, посапывает чайник, и сотрудники иногда с ходу пытаются проверить «очередную идею» академика.

Субботой Овчинников жертвует только ради научных коллоквиумов и школы по биоорганической химии. Эти своеобразные семинары молодых ученых из разных институтов страны собираются каждый год в Пущино. Приезжают научные сотрудники из Риги, из Ташкента, из Минска, из Академгородка в Новосибирске...

После занятий, если дело происходит зимой, академик может уйти кататься вместе с «семинаристами» на лыжах. Или принять участие в каком-нибудь субботнике. Работа непременно сопровождается разговором о некоей научной проблеме. И в понедельник в президиуме, решив очередной срочный вопрос, Овчинников шутливо скажет собеседнику: «Вы думаете, то, чем мы занимались с вами, — это наука? Нет, скорее организация науки. Вот вчера я действительно занимался наукой. Такой был интересный разговор...»

Вера ДОРОФЕЕВА, Виль ДОРОФЕЕВ

Фото Л. НИСНЕВИЧА

Н. АИТОВ,
профессор, доктор философских наук

БЕЗ ЗЕЛЕНЫХ ОЧКОВ!

Полемические заметки о «скучной работе»

Самочувствие человека в процессе труда, содержание его работы всегда были и остаются предметом пристального внимания со стороны писателей, «инженеров человеческих душ». По мере развития научно-технической революции труд выдвигает немало новых проблем. Прежде, например, принималось без доказательств, что скука — синоним ничегонеделания и антипод работы. Однако же в разговорной речи все чаще можно услышать выражение «скучная работа». Поначалу оно режет слух своей противоестественностью, но живет, продолжает жить и требует осмыслить стоящее за ним явление.

Этому и посвятил свою новую статью знакомый уже читателям «ЛГ» ученый из Башкирии, доктор философских наук, профессор Н. А. Аитов.

— НУ, ЧЕГО ты подхватился? Квартиру дали тебе... Зарабатываешь мало, начальство обидело?..

— Да нет, какие обиды... Скучно, Василий Петрович, тоска зеленая... День-деньской — клапана, клапана, аж в глазах рябит. Обрыдло, подпиши заявление. Найду чего повеселей...

Бывая по социологическим делам на заводах, все чаще я слышу разговоры вроде этого в отделах кадров. Скучно! Новая какая-то жалоба и звучит с непривычки как легкомысленный каприз, до которого серьезному человеку — хозяйственнику, экономисту, кажется, и дела не должно быть. «Скучно ему, видите ли... А что тебе работа — забава?..»

Между тем, как показывают наши исследования, почти половина увольнений молодых рабочих со средним образованием мотивируется или открыто, или скрыто «скучной работой». Иногда люди уходят по этой причине, еще не осмыслив ее, не умея сформулировать.

В прошлом году у меня была долгая беседа с одним видным руководителем нефтяной промышленности. Он слушал меня внимательно, а когда дошли до этого, удивился:

— Текучесть от скуки?.. И вы серьезно об этом? Я понимаю — тяжелый труд. А то — скучно...

Действительно, когда-то на заре индустриализации (когда, кстати, и начался путь моего собеседника) тяжесть физического труда была первым его бременем, это бремя мы по справедливости признали главной «мишенью обстрела», с ним боролись, его стремились преодолеть в первую очередь. Эта установка прочно укоренилась, глубоко вошла в практику. И сейчас на любом заводе вы сразу же получите данные по снижению тяжести и вредности труда: за это спрашивают и сверху, и снизу. А сколько здесь же скучного, монотонного труда? В точности никто не знает.

Вот парадокс: та самая техника, которая разгружает мускулы, снимает тяжесть физического труда,— она-то зачастую и делает работу скучной, бессодержательной, выдвигая на место старой проблемы новую. Плохо, что было трудно. Но лучше ли, что стало скучно?

Эта проблема появилась у нас, когда выпускник средней школы косяком пошел «к станку». Сейчас в промышленности таких рабочих, по нашим расчетам, — около 25—30 процентов; к 1980 году они будут составлять не меньше половины рабочего класса. А образованного рабочего не может удовлетворять любой, хотя бы и легкий труд — ему нужен интересный, разнообразный, требующий не только рук, но и головы. Состав рабочего класса меняется — и меняются проблемы, которыми мы должны заниматься.

Вы скажете: такова логика технического прогресса — появляются машины, работать на которых все легче; может быть, при этом и поскучнее, зато они производительнее — вот главное!

XXIV съезд КПСС выдвинул исторический лозунг — научиться органически соединять достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. И частенько единственной целью этого соединения считают получение максимального экономического результата, высшей производительности труда. Безусловно, это главная задача, но для социализма — не исчерпывающая. Наша общая цель — благо человека. И научно-технический прогресс только тогда имеет смысл, когда он ни для кого в частности не является регрессом.

Технический прогресс должен поднимать производительность труда, уровень заработков и уменьшать не только тяжесть, но и скуку, монотонность труда. Иначе как добиться превращения его в жизненную потребность? И это диктуется не только заботой о благе человека, но и интересами самого производства. Землекоп, конечно, может нанести ущерб производству своим прогулом, но это и сравнить нельзя с прогулом машиниста шагающего экскаватора, работающего за тысячи землекопов. Невнимательный токарь может «запороть» деталь, партию деталей, а невнимательность оператора нефтехимического завода может стоить куда дороже. Чем новее, совершеннее техника, тем более она требует от работника заинтересованности, привязанности, чуткости — вот что мы должны понять.

Готов согласиться, что в наших условиях, при действующих системах охраны труда и достигнутом уровне механизации, проблема «скучной работы» еще не так остра. Я убежден, однако, что со всякой неблагоприятной тенденцией борьбу надо начинать загодя. У нашего, социалистического общества есть все возможности, чтобы не допустить тех отрицательных последствий, к которым привела так называемая «логика технического прогресса» промышленно развитые страны Запада.

По некоторым данным, монотонным, неинтересным трудом занято в промышленности США более 60 процентов, во Франции — до 50 процентов, в ФРГ — более 60 процентов рабочих. Отсюда и весьма нешуточная озабоченность скукой на производстве, и попытки, самые различные, разогнать ее и развеять, дабы усилить интенсивность труда и увеличить прибыль.

Так, текстильная фирма «Кентаун корпорейшн» в Бернардсвилле (США) пригласила к швеям специального «затейника», который развлекал их «до жути сладкими комплиментами». Производительность поднялась. Руководство другой американской фирмы «Флик-Риди корпорейшн» позволяет рабочим, стоящим у конвейера, в рабочее время делать паузы для посещения кинотеатра на территории фирмы — «с тех пор ребята стараются...». «Сошиал секьюрити администрэйшн» в Балтиморе транслирует по радио для рабочих музыку, новости, сводку погоды и даже сплетни. На мадфилдском заводе компании «Корнинг гласс уоркс» прекратили конвей-

СОЦИОЛОГИЯ

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ НОМЕР НОВОГО ОБЩЕСОЮЗНОГО ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ». ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ИНТЕРВЬЮ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА А. Г. ХАРЧЕВЫМ И — В СОКРАЩЕННОМ ВИДЕ — ДВЕ СТАТЬИ ИЗ ПЕРВОГО НОМЕРА.

А. ХАРЧЕВ,
доктор философских наук, профессор

НЕ БЫТЬ СТОРОННИМ НАБЛЮДАТЕЛЕМ!

БЫЛЫЕ споры утихли: социологическая служба стала необходимой и привычной. Без нее теперь кажется невозможным решать многие практические задачи. Да это и понятно. По мере прогресса социалистического общества, развертывания научно-технической революции повышается динамичность социальных процессов. Это требует понимания причин, сути и направленности общественных изменений. Социология может помочь человеку быстро и правильно ориентироваться в современном мире, а задача журнала, представляющего эту науку, — объединить социологов страны, направить их усилия на изучение кардинальных проблем периода развитого социализма.

В центре нашего внимания такие проблемы, как окончательное преодоление социальных различий между рабочими, колхозниками и служащими; изучение быта людей, исследование процессов, происходящих в современной семье, и их влияния на развитие личности; формирование общественного мнения; эффективность различных средств идеологического воспитания и т. д.

Социолог-марксист не должен ограничиваться ролью наблюдателя, фиксирующего те или иные явления, происходящие в обществе. Его цель — вскрывать жизненные противоречия современного этапа нашего развития и находить в нем ростки нового, прогрессивного.

Важно повысить надежность и эффективность исследований. Накоплены горы эмпирического материала, но собирался он часто не по единой методике, не всегда соблюдался единый принцип его группировки, не во всех случаях выработаны универсальные критерии оценки данных.

У социологов должна быть уверенность в том, что анкетирование, проведенное, например, в ряде вузов, дает обобщенные знания о советском студенчестве в целом, а данные о социальных факторах разводов, полученные ленинградскими социологами, можно сопоставить с результатами подобных исследований в других городах. Иначе невозможно сделать общие выводы. Субъективная интерпретация получаемых результатов подрывает доверие к науке и дезориентирует практиков.

Не принесут удовлетворения даже абсолютно «чистые» эксперименты и самые достоверные выводы, если они либо не обогатят конкретными фактами марксистско-ленинскую теоретическую базу социологии, либо не найдут места в практической деятельности нашего общества.

Основной ареной идеологической борьбы становятся сейчас проблемы образа жизни. Здесь сталкиваются две противоположные платформы — социалистическая и капиталистическая. Капитализм якобы активно ратует «за всеобщее благосостояние», но под этим подразумевается общество потребления. Для нас благосостояние — не самоцель, а материальная основа духовного расцвета личности. Подлинная культура не произрастает сама по себе на ниве широких материальных возможностей, ее обладателем становится лишь тот, кто правильно понимает закономерности общественного развития, предназначение человека. Мы намерены широко освещать на страницах журнала различные аспекты социологических исследований образа жизни в социалистическом обществе.

Это, так сказать, магистральные задачи. Вместе с тем большое место в журнале будет отводиться критике таких «исследований», которые не идут дальше регистрации фактов, общих пожеланий и [illegible] предположений. [illegible] и [illegible], неквалифицированное [illegible], недооценка [illegible] методов, с чем нередко приходится сталкиваться, — снижают общий уровень науки и ее престиж. На страницах журнала будут широко освещаться достижения социологов братских стран, взгляды социологов-марксистов и прогрессивных ученых из капиталистических стран.

Создание журнала «Социологические исследования» — свидетельство возросшей потребности общества в социологических знаниях для решения важных задач коммунистического строительства.

М. ИОВЧУК,
член-корреспондент Академии наук СССР,

А. КОГАН,
доктор философских наук, профессор

У СТАНКА — С АТТЕСТАТОМ ЗРЕЛОСТИ

ВЫСОКИЙ уровень образования — одна из главных характеристик нового типа человека труда, и прежде всего рабочего, в условиях зрелого социализма. Если в 1939 году рабочих, имеющих как минимум неполное среднее образование, было в 6,4 раза меньше, чем инженеров и техников, то сегодня этот разрыв сократился до 1,4.

Правда, столь быстрый рост образования в целом не говорит еще о том, что этот процесс происходит равномерно и охватывает все слои рабочего класса. До сих пор на предприятиях трудятся молодые люди (не говоря уже о рабочих старших возрастов), которые не получили даже неполного среднего образования, и процент их не так уж мал. В Челябинской области, например, на их долю пришлось 27,2 процента общего числа рабочей молодежи. Весьма неодинаков уровень образования молодых производственников различных отраслей народного хозяйства. Так, среди молодежи, работающей в машиностроительной промышленности той же Челябинской области, только 10 процентов не имеют полного среднего образования, а в лесной — 53,7 процента.

Все меньше становится подростков, поступающих на предприятия сразу же после окончания восьмого класса (в Свердловске они составляют ныне всего два процента общего числа выпускников). Но путь и этих сравнительно немногих молодых людей к аттестату зрелости надо упростить. Как? Постепенно превращая обычные профессионально-технические училища в средние учебные заведения, дающие объем знаний не меньший, чем общеобразовательная школа. В Свердловске к концу 1975 года половина профессионально-технических училищ получит «статус» среднего учебного заведения.

Молодой рабочий, который поступает сегодня на предприятие, будет трудиться на нем и в начале XXI века. Мы считаем бесплодными до сих пор не прекращающиеся в литературе дискуссии о том, нужно ли полное среднее образование каждому рабочему социалистического предприятия. Неубедительными представляются нам и расчеты количества рабочих с полным средним образованием, необходимых данному предприятию в связи с уровнем его технической оснащенности. В таких расчетах не учитываются социальные требования к уровню образования в развитом социалистическом обществе.

Образование нужно рабочему не только для успешного выполнения трудовых операций, но и для реализации его гражданских функций, для осуществления ведущей роли рабочего класса в нашем обществе. Поэтому узкопроизводственный подход к определению «минимума» образования рабочего может принести только вред. Полное среднее образование уже сегодня стало общественно необходимым «минимумом» для каждого советского молодого человека: завтра оно станет и производственно необходимым «минимумом».

Наступает время, когда мы можем и должны в плановом порядке более последовательно регулировать способы получения полного среднего образования. В Свердловске, например, в 9—10-е классы общеобразовательной школы шло в последние годы больше половины выпускников восьмых классов, в профтехучилища — примерно каждый четвертый, в техникумы и другие средние специальные учебные заведения — около 14 процентов. Такое распределение, на наш взгляд, нельзя считать оптимальным. Оно приводит к трудностям в комплектовании тех учебных заведений, которые готовят кадры будущих рабочих, задерживает вступление молодежи в трудовую жизнь. Мы полагаем, что долю выпускников неполных средних школ (особенно в крупных индустриальных центрах), идущих в профтехучилища и техникумы, в ближайшие годы нужно существенно увеличить. Этого можно достигнуть на основе проведения идейно-воспитательной работы с учащимися средних школ и их родителями, с тем чтобы убедить их в преимуществе именно такой формы образования. Тогда предприятия будут обеспечены подготовленной и квалифицированной сменой.

Необходимо более широко развивать сеть технических училищ на базе десятилетки. Сейчас таких училищ явно недостаточно (в одном из крупнейших индустриальных центров — Нижнем Тагиле — всего одно!), а бригадно-индивидуальный метод обучения, как правило, не выходит за рамки узкопроизводственных задач и не дает рабочему необходимых теоретических знаний. В эпоху бурно развивающейся научно-технической революции этот метод оказывается уже явно недостаточным.

Между тем, как показывают проведенные на Урале исследования, престиж техникумов у молодежи пока еще невысок. Мы полагаем, что в виде эксперимента следовало бы рекомендовать Министерству высшего и среднего специального образования СССР перевести несколько техникумов на такую программу, где преподавание дисциплин общетеоретического цикла по своему содержанию и уровню соответствовало бы полному объему программы двух первых курсов высших учебных заведений того же профиля. Это позволило бы вузам принимать выпускников техникума (после работы в течение определенного срока) сразу на третий курс. Такая мера значительно подняла бы престиж техникумов, дала бы институтам контингент студентов, действительно (а не формально!) прошедших хорошую школу производства, могла бы удешевить подготовку специалистов.

Получение полного среднего образования всей вступающей в жизнь молодежью предполагает обучение и тех молодых людей, которые пошли работать, не закончив школы. Решить эту задачу не так просто, как может показаться. Многие молодые рабочие приобрели высокие тарифно-квалификационные разряды, хорошо зарабатывают и порой не имеют достаточных стимулов для продолжения учебы. Так, среди обследованных уральскими социологами молодых рабочих сорока четырех предприятий Челябинской области, имеющих высшие тарифно-квалификационные разряды, 13,5 процента не окончили даже восьми классов. В то же время среди молодых рабочих низкой квалификации этих предприятий 31,1 процента имеют полное среднее образование. Разве это нормально?

Квалификация рабочего должна основываться ныне не только на практических навыках, но в значительной мере на общих и специальных знаниях. Очевидно, настало время подумать об установлении нового порядка, согласно которому высокие тарифно-квалификационные разряды будут присваиваться лишь рабочим с аттестатами о полном среднем образовании. Органическая связь между квалификацией и образованием создала бы, на наш взгляд, действенный материальный стимул, побуждающий молодого рабочего взяться за учебники. Этот вывод подтверждается и мнением самих рабочих: 31,5 процента опрошенных связывают обучение с перспективой повышения зарплаты; 21,5 процента — с возможностями продвижения на работе, 28,6 процента — с повышением разряда.

Надо сказать, что проблема получения среднего образования основной массой молодежи — лишь часть проблемы. Очень часто после получения документа об окончании учебного заведения молодой рабочий вообще перестает учиться, хотя среднее образование — не рента, которая дается на всю жизнь. Лавинообразные темпы социального и научно-технического прогресса в развитом социалистическом обществе ведут к чрезвычайно быстрому «моральному старению» полученных в школе знаний. Обследования, проведенные среди молодых рабочих, окончивших полные средние школы, средние профтехучилища и техникумы, показали, что самообразованием сравнительно регулярно занимается примерно лишь каждый десятый из них. К тому же чаще всего занятия эти лишены какой-либо системы и последовательности. Нам представляется, что «обновлением» общего образования рабочих должна заниматься в будущем вечерняя (сменная) школа. Сегодня эта школа является основным каналом получения полного среднего образования теми людьми, которые по каким-либо причинам не смогли закончить дневные школы. Однако расчеты показывают, что в 80-х годах число этих учеников постепенно сократится до минимума, а вечерняя школа сможет постепенно перестроиться на выполнение новых функций — переподготовку трудящихся, закончивших ранее средние и средние специальные учебные заведения.

Мы полагаем, что в будущем вечерняя общеобразовательная школа — назовем ее, скажем, школой науки и культуры — примерно с двухгодичным сроком обучения могла бы (наряду с высшей школой — дневной, вечерней, заочной) давать учащимся знания о новых открытиях в науке и технике, о достижениях и проблемах культуры и искусства. В процессе обучения учащиеся могли бы изучать предметы, которых в программах средних школ и техникумов либо нет вовсе, либо они изучаются предельно кратко (основы экономических знаний, вопросы советского права и законодательства, психологии, марксистско-ленинской этики и эстетики, теории и истории искусства и т. д.).

Думается, что Министерству просвещения СССР вместе с профсоюзными органами стоило бы в виде эксперимента открыть такие школы в ряде крупных индустриальных центров.

Создание единой всеохватывающей государственно-общественной системы общего образования и повышения квалификации могло бы способствовать непрерывности обучения каждого труженика, постоянному росту его культуры.

В. КУДРЯВЦЕВ,
директор Института государства и права АН СССР, доктор юридических наук, профессор

ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ПОЧЕМУ?

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ, опираясь на знание объективных законов общественного развития, определяет основные направления и пути решения актуальных задач не только в области позитивных социальных процессов, но и в сфере борьбы с антиобщественным поведением людей, правонарушениями и преступностью. Как будет изменяться преступность в связи с переживаемой нами научно-технической революцией? Будет ли расти число антиобщественных поступков людей, или оно должно снижаться? Какие в этом процессе произойдут изменения?

В рабочем документе, подготовленном секретариатом ООН для Четвертого конгресса по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Япония, 1970), прямо связывается рост преступности, наблюдаемый в ряде стран, с урбанизацией, индустриализацией, миграцией и техническим прогрессом в целом. При этом проводится мысль, что рост преступности якобы неизбежен, и это относится ко всем развитым и развивающимся странам, независимо от их социального строя.

Историческая практика свидетельствует, однако, о том, что состояние и динамика антиобщественного поведения не находятся в прямой зависимости от научно-технического развития. Скорее, они зависят от тех конкретных социально-экономических и политических условий, в которых это развитие происходит. Позиция марксистской криминологии заключается в том, что в социалистическом обществе вполне могут быть созданы и повседневно создаются такие социальные условия жизни, при которых научно-технический прогресс играет положительную роль в воспитании сознательности и дисциплины, в укреплении правопорядка и нравственности.

Разумеется, это не означает, что научно-техническое развитие не имеет негативных сторон и не возникают новые вопросы и новые задачи, в том числе и в области преодоления антиобщественных явлений. Общая позитивная тенденция не исключает существования различного рода отклонений. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть основные аспекты взаимосвязи научно-технического прогресса с негативными формами поведения людей в социалистическом обществе.

Вообще говоря, тот факт, что социальные изменения оказывают прямое влияние на группу так называемых корыстных преступлений — краж, хищений, — представляется достаточно установленным. Если общество в целом, и прежде всего в лице своего авангарда, формирует и реализует высокие идеалы всестороннего и гармонического развития человека, а не наживы и материального успеха, то это неизбежно (хотя и не так скоро) сказывается на психологии всех слоев общества: меняется структура преступности, уменьшается и доля корыстных преступлений.

В царской России в начале XX века имущественные преступления составляли не менее 83 процентов всех дел, рассматривающихся мировыми судьями.

По статистическим данным США, в 1969 году на их долю приходилось почти 95 процентов всех правонарушений, в Англии (1972 год) — 85 процентов, в ФРГ (1971 год) — 75,7 процента, причем количество преступлений, совершаемых в целях обогащения, как и преступность в целом, продолжает возрастать.

Совсем иная картина в социалистических странах. В Польше, например, правонарушения такого рода составили в 1972 году 52 процента, в Чехословакии (1969 год) — 36,9, в Венгрии (1970 год) — 55,8 процента всех зарегистрированных преступлений. В Советском Союзе они колеблются в последние годы в пределах 40—45 процентов.

Взаимосвязь между социальным и научно-техническим развитием и динамикой так называемых насильственных преступлений (хулиганство, «бытовое» убийство, изнасилование, телесное повреждение) представляется более сложной.

Если корыстные преступления более или менее тесно связаны с общей системой ценностей, господствующей в данном обществе, то для насильственных — важнее другой «механизм»: соотношение личности и жизненной ситуации. Насильственные преступления не относятся к числу «рационалистических» поступков; в подавляющем большинстве случаев они не планируются заблаговременно, а совершаются под влиянием «минутных» переживаний. Их мотивы не имеют прямой связи с системой экономических ценностей; часто они зависят от конкретной жизненной ситуации и в большей мере определяются нравственно-психологическими особенностями личности преступника, чем другие виды преступлений.

При этом следует иметь в виду, что конфликтные ситуации могут возникать при самых различных социально-экономических условиях, а социальный тип личности, сложившийся при жизни одного поколения, требует для своей перестройки не одного десятка лет. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что, несмотря на глубокие изменения социальной структуры общества, доля насильственных преступлений пока еще остается довольно высокой.

Психологическая характеристика того же хулиганства имеет свою специфику. Агрессивное поведение выступает здесь как уродливая попытка проявления своего «я». Если анализ корыстных преступлений тесно связан с выявлением социально-экономических отношений в обществе, представлений о жизненном стандарте и допустимых средствах для его обеспечения, то для изучения агрессивного поведения немаловажное значение имеют такие криминологические категории, как личность, ситуация, конфликт. Чтобы разобраться в них, необходимо более глубоко изучать отношения в малых социальных группах, а также всесторонне исследовать особенности личности преступников.

Это, разумеется, не означает внеклассовой, биологической или иной «естественной» природы подобных преступлений. В своей основе агрессивное поведение есть проявление распущенности, анархизма, отсутствия привычки к дисциплине. Его корни уходят в буржуазный индивидуализм, который порожден эксплуататорским обществом и его антагонистическими противоречиями. Поэтому в социалистических странах мы, во-первых, не встречаем таких диких проявлений индивидуализма, как на Западе; во-вторых, и общее число насильственных преступлений в странах социализма все же заметно меньше. Так, если в США в 1969 году в среднем совершалось 7,2 умышленных убийства в расчете на 100 тысяч жителей, а в ФРГ в 1967 году — 3,2, то в Польше в 1968 году этот коэффициент составлял 1,2, а в ГДР — 0,8 процента.

Как же может повлиять научно-техническая революция на рассматриваемую группу преступлений? Известно, например, что образовательный и культурный уровень хулиганов, насильников чрезвычайно низок. По данным Э. Ф. Побегайло, среди лиц, осужденных за умышленные убийства в Ростовской области, 84,2 процента не получили обязательного восьмилетнего образования.

Не менее показательны нравственно-психологические свойства личности таких преступников. К. Е. Игошев, изучивший более 4000 молодых правонарушителей на Южном и Среднем Урале, отмечает, что им свойственны такие отрицательные черты, как неумение контролировать свои поступки, неуважение к людям, безволие, бедность духовных интересов, склонность к пьянству, моральная распущенность, отсутствие привычки к труду, жадность и т. д.

Социальные изменения, происходящие в социалистическом обществе, естественно, не будут способствовать сохранению подобных взглядов и привычек. Известно, что научно-техническая революция вызывает качественные перемены в технологии производства, энергетике, орудиях и предметах труда, в организации управления, в характере трудовой деятельности людей. Она предъявляет и будет предъявлять все нарастающие требования к образованию, организованности и дисциплине участников общественного производства, а следовательно, и населения в целом.

Вот почему положение той категории лиц, которая является носителем психологии мелкобуржуазной отчужденности, становится все более сложным. Антиобщественное поведение будет приходить во все более резкие противоречия с требованиями социального и технического развития. Профилактику же надо вести в двух направлениях: повышать политическую активность и культуру людей и своевременно устранять конфликтные ситуации в повседневной жизни, создавать благоприятные условия для труда и быта, проявлять заботу о нормальной психологической атмосфере на производстве, в школе, в семье, в быту.

Особое внимание при этом надо обратить на те группы населения, которые часто переезжают из одного города в другой, меняют профессии, порывают прежние социально-психологические связи. В первую очередь это относится к молодежи, подросткам, которые должны быстро адаптироваться к новым требованиям, предъявляемым научно-техническим прогрессом. Так же как и другие нарушения закона, насильственные преступления сами по себе не исчезнут и даже не сократятся. С ними надо бороться, и бороться решительно.

Та работа, которая проводится у нас в целях борьбы с антиобщественным поведением, вопреки утверждениям наших идеологических противников, не является чем-то искусственным, противоречащим «естественному» развитию событий, которые вытекают из хода научно-технической революции. Напротив, для дальнейшего развития науки и техники нужны культурные, образованные, политически развитые и активные люди. Вот почему борьба с антиобщественными явлениями далеко выходит за рамки задач специалистов-криминологов и самым тесным образом касается ученых смежных специальностей — философов, социологов, экономистов, психологов и педагогов.

ерную сборку ламп. Каждой работнице поручили производить все операции самостоятельно и самой испытывать лампы. Работница ставит личное клеймо (не постеснялись у нас позаимствовать!), никакого дополнительного контроля нет. Через полгода после этого объем брака снизился, как пишут, с двадцати трех до одного процента, прогулы — с восьми до одного процента. Выросла и производительность труда.

Что же: если частные предприниматели в своих классовых интересах берут на вооружение наш опыт, разумеется, выхолостив его социалистическое содержание, — почему бы и нам не воспользоваться некоторыми находками, рациональными плодами чужого опыта — только на свой, социалистический лад, хотя, понятно, все эти находки не дают кардинального решения проблемы.

Тут надо сделать весьма существенную оговорку.

Вспоминается анекдот: корова не хотела есть сухую солому; тогда изобретательный хозяин напялил на нее зеленые очки, и та же солома поначалу сошла за свежескошенную траву.

Частный предприниматель так и относится к работающему человеку — как к дойной корове. Руководитель одного американского концерна Ф. Л. Тёрнер откровенно говорит: «Установлено, что в хорошем настроении коровы дают больше молока. Поэтому я утверждаю, что радостно настроенные сотрудники также работают лучше и больше». «Зеленые очки» призваны лишь скрасить безрадостный труд на хозяина.

Цель наиболее изощренных, «самых современных» экспериментов и перестроек управления в капиталистических условиях сводится к попытке поставить на место традиционного обмана самообман трудящихся. Они, дескать, сами определяют скорость конвейера, сами изыскивают резервы, сами, сами...

Нам же нет никакой нужды создавать у работников видимость их власти на производстве — эта власть реальна и давно осуществляется. Поэтому и метод «зеленых очков» нам в принципе не подходит.

Если говорить не о паллиативах и временных, «переходного» типа решениях, то главный в наших условиях путь борьбы со скучной работой — устранение, полное исключение ее из производства. Мы должны научиться так регулировать ход технического прогресса, чтобы скука и не возникала, создавать такую технологию, такие орудия труда, работать с которыми человеку было бы радостно и приятно.

В ответ нередко и слышишь грозное напоминание: а производительность труда, которая есть главное? Ведь полуавтоматы, например, хоть и «скучнее», зато «скорострельнее» обычных станков...

Мне показали в редакции очень интересное письмо читателя М. Ветлугина из Кривого Рога. Он ставит вопрос еще острее, еще резче. Технический прогресс в развитых странах, справедливо замечает он, идет параллельно и примерно с одинаковой скоростью: находки одних быстро становятся достоянием всех. Но... Но капиталистический строй пользуется при этом и плодами сверхинтенсификации, выжимает дополнительные капли производительности. Пусть работа становится скучной, вызывает отвращение — пусть; сливки производительности тем не менее сняты. Для нас же, опять справедливо пишет М. Ветлугин, такие пути ее повышения принципиально закрыты: при социализме нет и не может быть этого дополнительного бесчеловечного «резерва роста»!.. Но как же тогда мы можем догнать и перегнать развитые страны? Как?

Я думаю, бесчеловечные средства роста и развития для того и выбрасываются нами за борт, чтобы дать простор истинно человечным и куда более могучим.

Социалистический строй, общественная форма собственности на орудия и средства производства, плановый характер развития экономики — вот основа наших великих преимуществ. Наш арсенал средств «ускорения роста» очень широк, и на первом месте в нем по праву стоит социалистическое соревнование. Мне крайне удивительно, почему ни один ученый не избрал темой глубокого исследования экономический эффект соревнования, ибо выражается он, несомненно, колоссальными цифрами. Сейчас партия мобилизует нас на то, чтобы очистить соревнование от налета казенщины и формализма, придать ему новое звучание и размах, которые тем более подчеркнут силу этого всенародного движения.

А миллиарды рублей, ежегодно получаемые страной благодаря массовому рационализаторскому и изобретательскому движению? Это уже точно высчитанные данные. И сколько еще к ним прибавилось бы, если бы мы могли строго подсчитать эффект участия трудящихся в управлении производством, в постоянно действующих производственных совещаниях, бюро экономического анализа, общественных конструкторских бюро и лабораториях нормирования и т. д. и т. п.

Некоторые явления нашей жизни было бы даже странно «переводить на деньги», тем не менее в буржуазном обществе ничего подобного им по эффективности не известно. Я говорю, например, об идеологической работе. Маленький пример. Исследования Д. М. Гилязетдинова в Уфе показали, что работники, регулярно бывающие на политинформациях, выполняют нормы на четыре процента выше, чем те, кто бывает от случая к случаю. А ведь это всего лишь один из «подвидов» разнообразной, многоплановой идеологической работы.

Короче говоря, высокая политическая сознательность, хозяйское положение работника на производстве, хозяйское, творческое, коммунистическое отношение к труду — вот главное «орудие прогресса» в наших условиях. И орудие борьбы со «скучной работой». Не человек — для технического прогресса, а технический прогресс — для человека — вот лозунг нашего общества.

Матенадаран — крупнейшее хранилище древних рукописей (Ереван)

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

...Исполнен долг,
завещанный от бога
Мне, грешному.
Недаром многих лет
Свидетелем
господь меня поставил
И книжному искусству
вразумил...

А. С. ПУШКИН. «Борис Годунов»

Лев УСПЕНСКИЙ

СБЕРЕЧЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Немало читательских писем, приходящих в редакцию, посвящено судьбам рукописных воспоминаний бывалых людей. Об этом же писал литературовед Ю. Андреев («ЛГ», № 18, 1974). Тема бережного отношения к истории нашего общества, к духовному и культурному наследию прошлого — одна из постоянных в творчестве писателя Льва Успенского. Сегодня он продолжает разговор, давно волнующий наших читателей.

С КАЖДЫМ годом все чаще задумываюсь я над теми литературными произведениями, которые мы именуем «Воспоминаниями», «Мемуарами», «Записками», «Дневниками»...

Причин для этого, как я понимаю, две.

С одной стороны, чем дальше, тем заметнее читатели (а у нас весь народ — Читатель) тянутся к тому, что создано в этих жанрах.

Не диво, когда мгновенно исчезают с прилавков военные мемуары — воспоминания маршалов и генералов Великой Отечественной войны. Это — Война, а она у миллионов советских людей все еще болит и ноет в душе.

Но вот был издан и быстро разошелся двухтомник «Воспоминаний» П. Д. Боборыкина, а еще раньше еле-еле я достал вовсе не дешевое, объемистое издание — трехтомник «Воспоминаний» С. Ю. Витте. Вот вам первая причина для размышлений.

Вторая — личная. Уже не первое десятилетие я сам ощущаю себя тоже кем-то вроде старца Пимена. Недаром судьба поставила меня свидетелем многих лет и «книжному искусству вразумила». Все сильнее я чувствую как бы своим долгом быть «воспоминателем», «летописцем». Задача сберечь для будущего возможно более подробный и объективный слепок наших дней все больше заботит меня.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!
(Ф. ТЮТЧЕВ)

Но почему — только я? Неисчислимое множество моих соотечественников видели этот мир «в его минуты роковые». Каждый из них вправе пожелать припомнить жизнь, прожитую одновременно и этим Миром, и ими, и, возможно, поведать о ней как современникам, так и потомкам. Подсчитайте, сколько миллионов советских граждан видели, участвовали, живо помнят: одни — Октябрь, гражданскую войну, другие — войну Отечественную, годы между ними. Вторых больше, первых, еще хранящих память о 1917 годе, все меньше и меньше. А ведь каждый из них, если вдуматься, является хранителем уникальных, потому что индивидуальных, воспоминаний, каждый помнит свое, неповторимое. И эти различия в восприятии относятся не только к событиям великим, но и к драгоценному малому. Мне кажется, чем детальнее, чем дотошнее, чем подробнее будет отражен в этих, пока еще не известных нам документах самый обыденный быт нашего времени, самые заурядные массовидные его черты, составляющие тот воздух и тот фон, на котором разыгрываются, разыгрывались и будут всегда разыгрываться гигантские спектакли истории, тем дороже будут потомкам эти моментальные словесные фотографии.

А потомки вправе ожидать от каждого из нас нелицеприятного свидетельства о том, что мы видели и что делали. Потому что безусловно прав А. И. Герцен, сам огромной мощи мемуарист: чтобы писать воспоминания, достаточно быть просто человеком, и то, что ты расскажешь о себе и о своем мире, вызовет интерес и, возможно, принесет большую пользу.

Пользу? Кому? Ну, вероятно, прежде всего будущим Пушкиным и Толстым для будущих «Капитанских дочек» и «Войн и миров»... Сколько достовернейших черт жизни екатерининского, пугачевского времени внес бы Пушкин в свою повесть, если бы, кроме архивных материалов, были у него в руках подлинные дневники какой-нибудь реально жившей Маши Мироновой... Чего ни отдал бы Лев Николаевич Толстой, попади ему в руки настоящие записки человека, собиравшегося, подобно Пьеру Безухову, убить Наполеона в Москве и ускользнувшего из французского плена! А какую невыразимую ценность представили бы такие «человеческие документы» — записи, поденные заметки — для ученых-историков... Они радовались бы им не меньше, а возможно, и больше, чем обнаружив неопубликованное письмо Барклая-де-Толли к Кутузову.

Оно и понятно: по-своему видит мир орел, ширяющий под облаками; по-своему — коростель, «пешком» идущий весной из Африки в родную Псковскую или Костромскую область. И «дневник коростеля» может открыть любознательному уму то, о чем ни слова не найдется в «дневнике орлином». И наоборот, конечно.

А теперь наведем справки в наших издательствах. За последние годы они выпустили в свет десятки томов ценнейших воспоминаний военачальников... Это прекрасно. Но как хотелось бы между ними встретить хотя бы два или три томика «Записок» рядовых бойцов. Само собой, те и другие нельзя будет сравнивать по широте кругозора, по масштабу охвата событий. Но не найдет ли будущий историк или романист в воспоминаниях Солдата того, что не мог не упустить, озирая огромные события и тысячеверстные пространства, Маршал? Найдет!

Впрочем, мемуары мемуарам рознь.

Не так давно попалась мне в одной из наших газет любопытная статья о ведении дневников. Называлась она «Путь к себе». Ее автор рассматривал дневник как орудие самоутверждения, самоанализа, самовыражения, как способ вести внутреннюю беседу и борьбу с самим собой и ради самого себя, сражаясь за совершенствование или самооправдание своего «Я».

Что ж, не буду спорить: нужны и такие дневники, как бывают нужны науке и технике источники света с узконаправленным лучом. И все-таки лично мои симпатии лежат на стороне дневников и воспоминаний другого рода, таких, которые можно определить не как «путь к себе», а как «путь из себя в мир».

Александр Тургенев как личность, думается, известен и привлекателен теперь главным образом ученым — исследователям русского общества начала прошлого века. А вот его дневники, которые, ведя их во Франции, он окрестил «Хроникой русского», представляют и сегодня немалый интерес.

Оглядитесь вокруг себя. Наверняка вам вспомнятся случайные встречи в вагонах поездов, в «общих» номерах гостиниц, там, в глубине страны, и «неожиданные» люди — председатели колхозов, сельские бухгалтеры, районные землемеры, «шабашники» и «так просто», не назвавшие себя граждане, которые молчали пять часов, молчали сутки и вдруг, точно раскрывшись, разматывали перед вами, словно пестрый ковер, такие удивительные, необыкновенные и невыдуманные истории своих неправдоподобно разыгранных жизней, каким позавидовал бы и автор «Очарованного странника».

В 1919 году я, в толпе других «скобарей», ждал витебского поезда на Петроград на станции Новосокольники. Ожидание длилось не то двое, не то трое суток. Один типичный «скобской деммолуцийный мужичок» — желто-розовый полушубок и хорошие валенцы — постарше меня лет на пять или на семь, все как-то жался ко мне и все заговаривал со мной на правильном псковском мужицком языке, но на какие-то «немужицкие» темы. И внезапно среди этой его диалектной речи мне послышалась фамилия «Эйнштейн». Я поправил его: «Какой Эйнштейн! Эпштейн!» — так звали местного заготовителя дров, фигуру, всем в округе известную.

— Да не, не Эпштейн — Эйнштейн! — в свою очередь поправил он меня, не упрекнув в том, что я невнимательно слушаю. — Ученый такой е, може, слыхали?

Я чуть не упал с вокзальной скамьи, где мы сидели. И вдруг торопливо, точно боясь, что я вскочу и убегу, он проговорил:

— Пардон, месье! Не парле ву па франсе? Алер пермете муа...

Что же оказалось?

Оказалось, что «скоберен» этот еще мальчишкой был взят в «казачки» к одному местному помещику. Помещик увез его за границу, привязался к нему, дал ему в Париже «среднее образование», но потом заболел психически и умер, успев, однако, оставить своему воспитаннику такие деньги, которых хватило тому, чтобы стать «джентльменом», инженером, лауреатом «Эколь текник». «Лауреат» в совершенстве знал два языка: французский, на котором он мог изъясняться о любых, самых высоких материях, на котором он говорил «со всеми» и со своим опекуном, не желавшим обучать воспитанника «никому не нужному русскому языку», и то «наречие», на котором говорят «псковичане»: «Псковичане, што англичане, только наречие малость иное». А когда грянула Февральская революция, он испытал «ля ностальжи» и с большим трудом и опасностями, через Скандинавию, пробрался домой, на Псковщину. Ему охотно выделили «норму земли», «юн полёска, ву севе?».

В городе тогда жизнь была нелегкая, а полуиностранцу устроиться там вообще было задачей непосильной. Поразмыслив, он «женился». А теперь, подумав еще и еще, решил все же пробиваться в Петроград. И вот на станции Новосокольники наши пути скрестились.

Удивительный случай? Да, ничего не скажешь... Но... Был девятнадцатый год. У него были свои, у меня свои непростые заботы. И, главное, мне было всего-навсего 19 лет. Очень совестно, но пришел поезд из Витебска, мы с трудом прорвались в переполненную теплушку, я вышел на своей Локне, он помахал мне рукой из приоткрытой двери... И на этом все кончилось. Я не знаю ни его имени, ни фамилии, ни деревни, в которой он «женился». Но я знаю, что он с 14 лет начал вести дневник и довел его до того самого дня. Поэтому я его теперь и вспомнил. Чего бы я ни дал, чтобы полистать сегодня этот «парижско-великолуцкий» дневник! Да где его теперь добудешь?

Так чего же, спрашивается, я хочу? Неужели призывать всех взрослых граждан Союза писать воспоминания и записки, а молодежь и подростков — заводить дневники с намерением и надеждой опубликовать их в печати? Нет у меня таких маниловских мечтаний! На меня за них замахали бы руками: «Куда? Еще? И так уж нас захлестывает селевый поток «воспоминательной литературы». И так сотни страниц отводятся под «повторение пройденного», а то и просто под убогую компиляцию сведений, почерпнутых не из личной памяти, а из подручных, давно уже напечатанных бумаг и материалов». Работай так, я мог бы при желании составить «Записки о штурме Плевны» или о «взятии Эрзерума».

Но почему бы нам при домах культуры, библиотеках, при любых других учреждениях близкого к этому типа не способствовать возникновению «Кружков любителей мемуаров и дневников»? (Разумеется, я имею в виду те дневники, которые я определяю как «путь из себя в мир».) В таких кружках — или при объединениях таких кружков — можно было бы организовать периодическое прочтение и обсуждение работ их членов, и как можно поручиться, что среди множества их авторов не найдется некоторого числа достойных соперников самому Сен-Симону или Сергею Аксакову? А если они обнаружатся, почему бы не дать права кружку ли, объединению ли таких кружков рекомендовать удачный, талантливый, возбуждающий интерес труд для просмотра, ознакомления и отзыва редакциям журналов или издательств?

Мы живем в мире огромном, бесконечном, бурно клокочущем, все время меняющемся. Сберечь его живой облик для будущего непосильно одиночкам. Этого можно достигнуть лишь коллективным трудом. Но этот труд надо начать и организовать. Ради этого и написаны мои строки.

ЛЕНИНГРАД

Елена РЖЕВСКАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«То, чего вы лишились, не в счет; важно то, что у вас осталось». Эти слова принадлежат старому врачу, учредителю Олимпийских игр для инвалидов Людвигу Гуттману.

Важно, что у вас осталось... Эта мысль является, пожалуй, главной в подходе к проблеме трудовой занятости инвалидов — выявлению их способностей, созданию благоприятных условий для труда.

Наше государство не жалеет средств, чтобы облегчить участь попавших в беду людей, сделать их жизнь максимально полезной для общества. Только в РСФСР на строительство домов-интернатов для престарелых и инвалидов за 1971—1973 гг. было ассигновано 132,5 миллиона рублей. В ближайшие годы планируется значительное увеличение ассигнований на эти цели. В Министерстве социального обеспечения РСФСР нам сообщили, что новые дома-интернаты строятся по проектам, предусматривающим приближение условий жизни к их домашним.

Писательница Елена Ржевская, по заданию редакции ознакомившаяся с положением дел в домах-интернатах, поднимает важные, на наш взгляд, вопросы, связанные с приобщением инвалидов к общественно полезной деятельности.

ДЕСЯТЬ дней назад, когда я в первый раз подходила к интернату, меня одолевала робость перед тем, что предстояло увидеть. «Инвалиды детства» — странное, незнакомое мне раньше сочетание слов, а это официально бытующий термин. Детство вдруг встало как бы в один ряд с такими понятиями, как война, несчастный случай, болезнь.

И вот в последний раз я ухожу отсюда. Здесь я узнала людей редкой душевной тонкости, интеллекта, этической взыскательности.

Это было в Воронежском доме-интернате № 1 для престарелых и инвалидов. Я вернусь к нему ниже. Но сначала вот о чем.

Тот, кто перенес в детстве тяжелую болезнь, или травму, или страдает врожденным физическим недостатком, в шестнадцать лет, если к этому времени его не удалось исцелить в специальных детских интернатах и санаториях, становится инвалидом де-юре и возвращается в семью.

Шестнадцатилетние, которые не могут вернуться в семьи, направляются в дома-интернаты для престарелых и инвалидов.

Посетивший любой такой дом, несомненно, ощутит несообразность соседства престарелых людей и тех, кто, страдая серьезным физическим увечьем, проводит здесь молодость, вступает в зрелость, кто стремится найти свое место в жизни и, значит, ищет опору в труде и учебе. Перед администрацией такого интерната, по сути, стоят две разные и во многом противоположные задачи.

Понимание этого отразилось в решении Министерства социального обеспечения РСФСР о создании домов-интернатов для молодежи. Принято оно было в 1968 году, однако не осуществлено, так как в министерстве же возобладала затем другая точка зрения: «Молодежи жить без стариков вредно». Считается, что это установлено на опыте Воронежского дома-интерната № 1, который (так полагают в министерстве) был в свое время предоставлен молодым. Но я там побывала и знаю, что он никогда не был им предоставлен. Теоретические же выкладки, покоящиеся на мифическом опыте, несостоятельны.

На самом деле от такого соседства плохо и тем, и другим. Оживление, шум, музыка, сопутствующие молодежи, тягостны для людей преклонного возраста. Одни нуждаются в покое, для других он невыносим. Но это не все. Старческая немощь и физическая немощь молодых людей, полных энергии, разнообразных стремлений, живых интересов, — очень несхожи. Сосредоточивать престарелых людей и молодых инвалидов под одной крышей, а нередко и в общих палатах на том лишь основании, что те и другие нуждаются в постоянном уходе, на мой взгляд, недопустимо. В этих условиях человеку, и без того обездоленному физическим недугом, легко впасть в отчаяние, подавленность, безразличие, расстаться с надеждой как-то строить тут свою жизнь, свое будущее. «Положение о домах-интернатах» учитывает специфику людей преклонного возраста. И молодые инвалиды вынуждены жить по статуту престарелых.

А это значит, что насущную потребность трудиться, которую испытывают многие из них, они удовлетворить не могут. Здесь нет понятия «производственный труд», лишь — трудотерапия, помощь на кухне, в подсобном хозяйстве. «Обеспечиваемые», как официально называют жителей интерната, иногда плетут «авоськи», вяжут носки, а у кое-кого из расторопных, но душевно глухих и безграмотных администраторов они заняты изготовлением надгробных венков в порядке все той же трудотерапии.

* *

Воронежский дом-интернат № 1 — лучший в области. Он расположен во фруктовом саду, на берегу реки, рядом с лесом — на самом краю большого промышленного города. Молодые инвалиды этого интерната не пожелали прозябать в «богаделке». Им принадлежит интересное начинание, оно-то и привело меня сюда. Пять лет назад они создали здесь производственную мастерскую. Сначала собирали выключатели для Воронежского завода пластмасс. Потом освоили новый, более сложный вид продукции. Мастерская получила положительные отзывы и большие заказы.

Под производственную мастерскую переоборудована угловая палата на первом этаже, где размещаются самые тяжелые больные, старые люди и лежачие инвалиды. Иным работающим без помощи санитарки не одеться, не переместиться с кровати в коляску. Но подкатанные сюда, к рабочему месту, они трудятся с неиссякаемой увлеченностью. Потому что невозможно переоценить все то, что внесла в их жизнь мастерская. И веру в себя, в свои возможности, общность с товарищами, связи с внешним миром, самоуважение человека, сознающего свою полезность обществу и высвободившегося из-под гнета иждивенчества. Теперь на свой заработок можешь приобрести, что хочется. А ведь еще недавно, чтобы отправить почтой в заочный институт выполненное задание, надо было в конторе просить, а то и выпрашивать почтовую марку.

Напротив мастерской — дверь в палату, где живет техноруk, инвалид I группы Геннадий Гуськов. Его редкой энергии, инженерному мышлению, кипучему общественному темпераменту и личному обаянию мастерская в значительной мере обязана своим существованием.

Сын волжского шкипера, он в восемь лет заболел полиомиелитом — ноги и руки его недвижимы, только пальцы левой руки сохранили подвижность. И с тех пор вместо мира реки с ее вечным движением, вместо плавучего дома-баржи первых лет его жизни — застылость больничных и интернатских стен. Но он по-прежнему привержен стихии движения, и его книга, вышедшая в издательстве «Знание», посвящена двигателям.

Природная одаренность и неукротимость духа придали ему такую немыслимую динамичность, что он появляется то на улицах Воронежа, управляя пальцами левой руки сконструированным им маленьким автомобилем, то в Ижевске на заводе, где реализуется его изобретение, то в министерстве — по делам внедрения изобретенного им для инвалидов шагающего по лестнице кресла. А ведь еще не так давно ему, согласно существующему порядку, было отказано в приеме в технический вуз, и только по распоряжению министра он был допущен к экзаменам на общих основаниях.

В последнее время Геннадий приезжает в Москву по делам мастерской, сокрушая своим появлением стереотип представления о лежачем инвалиде. У одних это вызывает энтузиазм, у других — резкое неудовольствие от встречи. Дело в том, что в иных ведомствах, куда вползает Геннадий Гуськов с помощью примитивной тележки, заведомо решено, что от содержащихся в интернатах инвалидов, тем паче лежачих, никакой «отдачи» ждать не приходится. Лежачий да лежит. А не теребит, не шебуршит, не требует.

Но проблема-то существует! Государство отпускает немалые средства на нужды социального обеспечения, и эти средства надо расходовать квалифицированно и эффективно.

Мастерская «Воронежский инвалид» (ВОИН) получила более 300 заявлений от инвалидов, живущих в семьях, с просьбой принять в надомники. И уже есть договоренность с директором интерната, что на время обучения в мастерской сюда будут приниматься на жительство «посторонние» инвалиды. Следовательно, производство будет расширяться. Есть заказы наперед, есть виды на освоение новой продукции.

Я сижу в комнате Геннадия Гуськова, куда по вечерам приходят молодые изобретатели — воронежские студенты — проконсультироваться. Приезжают живущие в городе инвалиды поговорить о делах, сыграть в шахматы, почитать стихи. Сходится после работы актив ВОИНа. Слышно, как за стеной стучат ложкой по стакану, вызывая санитарку... А здесь, в комнате Гуськова, мечтают о том, как крепнущая мастерская будет разрастаться в большое предприятие с пансионатом для инвалидов, с разнообразными мастерскими, где каждый найдет свое место. И тогда Хельви Хяккеля, имея университетское образование, сможет получить работу, соответствующую ее возможностям. А одаренная Катя Смирнова, у которой сломан позвоночник, сможет развить свои способности в области художественных ремесел.

Но... Доказавшая свою жизнеспособность, приносящая немалый доход интернату, мастерская вот-вот может погибнуть. Она и возникла, и существует благодаря таким ее друзьям, как заведующий отделом промышленности Воронежского обкома партии А. В. Чубров, кандидат технических наук А. Л. Колойденко, директор завода С. Н. Богомолов и работники этого завода: начальник производства Л. Ф. Абакумов, конструктор Н. Н. Бирясов. Но, как всякая производственная единица, мастерская не может нормально функционировать, завися от отзывчивости одних, превозмогая глухоту, незаинтересованность, неверие других. Ей нужно выйти из внесоциального существования. Чтобы вступать в деловые отношения с заказчиками, с поставщиками сырья, с конструкторскими бюро, мастерской и ее рабочим-инвалидам необходимо четкое правовое положение.

И тут возникает непреодолимая преграда — «Положение о домах-интернатах», утверждающее, что «обеспечиваемым» надлежит довольствоваться лишь трудотерапией.

* *

Эта статья еще не была окончена, когда из разных городов страны, из безвестных сел стали приходить в редакцию письма на мое имя. «Беспроволочный телеграф» известил заинтересованных о готовящейся статье на традиционную для «Литературной газеты» гуманистическую тему.

Авторы этих писем, как я основная масса инвалидов, живут в семьях или одиноко.

Далеко не всегда семья в состоянии наилучшим образом ухаживать за инвалидом, да и все заняты. Человек в таком положении нередко чувствует себя обузой и находится в конфликтной ситуации в семье, от которой, если он инвалид детства, зависит и материально. По большей части инвалид не обучен никакой посильной профессии, не привлечен к труду, и это обстоятельство усугубляет трагизм его положения. Попасть в дом инвалидов нет возможности, да и перспектива оказаться в таком доме вместе с престарелыми представляется молодому человеку безотрадной. А там, где родители преданно и свято ухаживают за своим искалеченным ребенком, они и он мучимы тревогой за будущее, которое со всей неизбежностью разлучит их, состарив родителей, оборвав их жизнь.

Самый болезненный вопрос для всех нас, пишут инвалиды, — отсутствие возможности приобщиться к общественно полезной деятельности.

Вот строки из полученных писем: «Мы оказались в положении тунеядцев. Это носишь, как клеймо, как позор». «Труд — это мое выздоровление, счастье. Испытываю огромную радость, что я приношу пользу любимой Родине». «Ведь сколько инвалидов от 18 до 45 лет задают вопрос: где мое место в жизни?» «Бездеятельность — большое горе». «А жизнь — одна, и второй не будет. Нужно сделать так, чтобы и для нас было место в строю, а не в повозке для раненых»...

Несмотря на повсеместную нужду в рабочих руках, надомный труд сейчас мало применяется, устроиться инвалиду на работу крайне трудно. Но парадокс в том, что если ты лишился руки или даже обеих, да при этом еще и незрячий, можешь быть уверенным, что находишься под надежной опекой, и работа для тебя отыщется. Всероссийское общество слепых (ВОС), как и Общество глухих (ВОГ), видит свою главную задачу в приобщении человека к труду. В Воронеже успешно работают слепые, не имеющие к тому же одной или обеих рук. Специальный научно-исследовательский институт изыскивает оптимальную методику для их работы. Общество обучает, строит дома для своих членов, поддерживает материально, поощряет тех, кто учится в институтах, выплачивая им стипендию и зарплату чтецу, снабжает магнитофонами и делает многое, многое другое в помощь незрячим. И не только незрячим. В Воронеже, например, ВОС строит на свои средства областную глазную больницу.

Совершенно очевидно, что инвалиды нуждаются в объединении, подобном ВОСу и ВОГу. Одни лишь органы социального обеспечения не в состоянии решить эту задачу. Ведь в жизни инвалида нет ничего второстепенного. Несколько ступенек, ведущих из дома, в котором он живет, могут отрезать его от внешнего мира. А отсутствие бытовых приспособлений или специально сшитого костюма... А рычажная коляска, которой может пользоваться только здоровый...

* *

В прежние времена общество видело свою обязанность перед инвалидом лишь в призрении его. Но уже в 20-е годы в нашей стране родилась прогрессивная гуманистическая идея — возвращения инвалида в общество, восстановления его личностного и социального статуса. Эта идея нашла отклик и развитие за рубежом. Необходимая для ее осуществления система деятельности, включающая множество аспектов, называется на языке специалистов «реабилитацией инвалидов». Сложный круг вопросов, связанных с ней, находится в последние годы в поле зрения передовой общественности многих стран. Ведь, несмотря на то, что отдельные заболевания, например, полиомиелит, медицина научилась предотвращать, научные прогнозы не обещают снижения инвалидности. Сколько искалеченных приносит одна только автомобильно-дорожные происшествия! А растущий производственный травматизм... Во всем мире инвалидность становится одной из острейших проблем.

Ученые считают, что 80 процентов инвалидов может быть возвращено к активной жизни. Для этого должны быть созданы центры, где в процессе восстановительного лечения и протезирования выявляются склонности и дарования больного, изыскиваются возможности приспособления его к труду. Нужно, чтобы в этих же центрах были многоотраслевые мастерские. И не сапожному делу или примитивной бухгалтерии, как это ведется посейчас, должны обучаться инвалиды, а электронике, точной механике, художественному ремеслу. Ведь интеллект вполне сохраняется у физического инвалида, и он может овладеть сложной, передовой профессией, требующей меньше затрат физического труда. Вместе с тем это облегчит и его трудоустройство.

И как нередко бывает, нравственный подход к проблеме оказывается и экономичным. Необходимые затраты многократно окупятся возвращенными в строй людьми.

Одним из первых этапов на пути к осуществлению сложной задачи реабилитации, мне кажется, должно быть создание молодежных домов-интернатов, оснащенных разнообразными мастерскими, и сети производственных пансионатов, оплачиваемых рабочими-инвалидами.

Я пишу эти строки с мыслью о мастерской воронежских инвалидов, которую они уместно назвали «экспериментальной»... В ней в зародыше есть элементы того, что содержится в идее возвращения инвалида в трудовой коллектив.

* *

Мне рассказывали, что воронежские школьники купили инвалиду автомашину на деньги, полученные ими за собранный металлолом. Рассказывали, что в этом деле участвовали сотни ребят... Думается, что они вместе с тем творили благое дело самовоспитания в духе гражданственности, коллективной помощи, личного участия и отзывчивости.

Литература знакомит нас со славными именами тех наделенных талантом, силой духа инвалидов, которые с достойной величайшего уважения стойкостью, вопреки всем невзгодам, смогли стать нужными людям.

Они, несомненно, достойны восхищения. Конечно, не всякий инвалид может рассчитывать на восхищение, но на активную помощь — вправе каждый. Мы должны сказать инвалиду: ты — гражданин нашего общества, и мы обязаны дать тебе профессию и создать условия, которые помогут тебе активно жить и трудиться.

Время летних отпусков.
Фото В. БОГДАНОВА, Е. ВИКТОРОВА и ТАСС

Лариса КУЗНЕЦОВА

«ТЫ МЕНЯ УВАЖАЕШЬ?!»

Материалы, напечатанные в № 26 «Литературной газеты» под общим заголовком «Сильнее всякого закона» и посвященные борьбе с пьянством и алкоголизмом, вызвали большое число откликов читателей.

Письма пришли разные. Многие авторы подчеркивают большую роль постановления правительства, принятого два года назад, и указывают на необходимость точно выполнить все намеченные меры. В других письмах — новые предложения, которые, по мнению авторов, помогут оздоровить наш быт. Встречаются письма, которые трудно читать, — горестные письма людей, в семьях которых есть алкоголики. Большинство таких писем анонимно. Это можно понять: то, о чем в них говорится, стыдно рассказывать. Есть и письма бывших алкоголиков, мужественных людей, которые сумели побороть свой порок и стать полноценными работниками, любящими супругами, достойными отцами.

Сегодня мы печатаем первую подборку писем из числе тех, где говорится о мерах, которые могут способствовать искоренению алкоголизма. Публикуем также статью о некоторых нравственных аспектах пьянства, о беспринципности «маленьких товарищеских» попоек.

НУЖНО ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ

Я полностью согласен с тов. Тимофеевым, который предлагает создать «трезвые поселения» для алкоголиков. Если же это предложение незаконно, то, значит, надо изменить закон. Говорю столь категорично потому, что я-то, к сожалению, знаю существо проблемы...

Судите сами. Моя мать погибла в приступе белой горячки. Когда стал погибать отец, я ничего не смог сделать, чтобы изолировать его. Был он «тихий» алкоголик, во время запоя только пил, не закусывая, и спал. И так неделю-полторы. Затем месяц болеет — и все сначала... Лечиться ему нельзя было — больные печень, сердце и желудок не выдерживают сильных средств против алкоголизма. Результат: самоубийство...

Я сам катился в ту же пропасть, но чудом остановился. Не пью четыре года.

Вношу предложение: организовать Всесоюзное общество трезвости. Думаю, что оно поможет многим из тех, кто хочет покончить с пагубной привычкой, но в одиночку не в состоянии это сделать. Оно могло бы широко пропагандировать естественную радость общения без спиртного. Убежден, что общества трезвости нашло бы активных помощников и среди тех, кто борется со своим пороком, и в семьях, исстрадавшихся от алкоголизма близких.

Ю. ВИТЮЦКИЙ
АЛМА АТА

УЧИТЬ ПИТЬ!

Мне приходилось бывать в некоторых странах, и я видел, что там крепкие спиртные напитки (виски, джин) пьют разбавленными. Даже нашу русскую водку употребляют с различными разбавителями. Удивляются: как это можно пить спиртное крепостью 40 градусов в чистом виде».

Очень распространены коктейли. Предлагаются разнообразные их варианты—на самые изысканные вкусы. Пьют коктейли в больших количествах, но пьяных на улицах мало.

Не стоит ли и нам подумать о том, чтобы «учить пить»? Чтобы люди, употребляя алкоголь, не дурели, не совершали антиобщественных поступков, а лишь развлекались, получали удовольствие.

Я отлично понимаю, что перейти от пропаганды «не пить» к пропаганде «правильно пить» трудно. Чтобы перестроить, в частности, нашу алкогольную и безалкогольную промышленность, начать в нужных масштабах производство разбавителей, потребуются определенные капиталовложения. Но рано или поздно на эти затраты придется пойти.

И еще. Продажа алкогольных напитков производится порой в самых неприглядных местах. Выделяемые для продажи спиртного помещения часто загрязнены, захламлены ящиками из-под вин, витрины плохо оборудованы, а обслуживающий персонал нередко груб и неопрятно одет.

Мне кажется, что и торговле спиртным должно быть самое внимательное отношение со стороны торгующих и общественных организаций. Может быть, стоит пойти и на то, чтобы на первых порах в магазинах установить дежурство общественников. И уж во всяком случае не допускать «распития» в магазинах и расположенных вблизи дворах и подъездах.

Г. САПОЖНИКОВ
МОСКВА

ВЗЫСКИВАТЬ ЗА ЛЕЧЕНИЕ

В течение шести лет я работал медицинским работником в вытрезвителе одного из областных центров (теперь живу в другом городе). Много людей прошло перед моими глазами! Меньше всего было случайных посетителей, которые, не рассчитав свои силы или поддавшись чужому влиянию, выпили лишнего то ли на свадьбе, то ли в какой-либо праздник. Эти люди уходили из вытрезвителя с поникшей головой и сердились только на себя.

Другая категория — вто те, которые попадают в вытрезвитель в дни выдачи зарплаты почти каждый месяц (если они в какой-то месяц не попадут на вытрезвление, то это не значит, что они не пили, — просто выбрали надежное укрытие). Эти люди, уходя из вытрезвителя, сетуют на тяготы жизни (одного не устраивает работа, у другого плохая жена). Если же их спросить, будут ли они еще пить до беспамятства, то услышишь ответ: «Пью на свои», «А вачем же водку продают?». Эти ответы являются дежурными.

И, наконец, третья категория. Это те, которые попадают в вытрезвитель в любой день. У них нет ни праздников, ни будней — сплошные алкогольные сумерки. Для них достать спиртное — главная цель жизни. Они не гнушаются ничем. Пьют одеколон, всевозможные настойки, лаки — все, что хотя бы отдаленно пахнет спиртом, не боясь, что могут отравиться. Они пили даже тормозную жидкость. Некоторые попадали в реанимационное отделение, но не все из них оставались в живых, так как безвозвратно нарушались функции почек и печени.

Кстати, лечение в реанимационном отделении обходится государству очень дорого. Попадают туда чаще всего алкашские пьяницы, те, кто много пьет и мало работает. Вылечившись и не заплатив за лечение ни копейки, они выходят из больницы... искать выпивку.

Наши законы гуманны, медицинская помощь бесплатна и общедоступна. Но почему люди, не приносящие народу никакой пользы, лечатся бесплатно, за его счет? На мой взгляд, с них надо удерживать средства, потраченные на лечение! Правда, у таких часто и удерживать-то не из чего. Тогда надо привлекать их к принудительному труду.

А. СМОЛЕВ,
врач
КОСТРОМА

СДЕЛКА С СОВЕСТЬЮ

Одного моего знакомого остановил на улице милиционер и очень вежливо спросил, нет ли у него свободной минуты. Знакомый поначалу оторопел, но скоро все разъяснилось: его приглашали в районное отделение милиции в качестве понятого, чтобы при свидетелях заактировать вещи пьяного, препровождаемого в вытрезвитель.

На скамейке в отделении полусидела, полулежала обмякшая и что-то бормочущая человеческая фигура. Денег в карманах у фигуры не было, даже копейки. Были табачные крошки, истлевшие трамвайные билеты, гребешок о двух зубцах. Правда, в подкладке брюк нащупывалось что-то продолговатое и твердое, ножик — не ножик. Вынули, а это аккуратно завернутые в бумажку новенькие такие напильнички. Пьяный был не совсем чтобы уж «в стельку». Он что-то соображал и даже был склонен к общению. Вялым, но вельможным жестом указывая на авоську, принадлежащую ему же, он вдруг произнес: «Алебастр... Можете не разворачивать»... Потом его возможности к общению исякли, и в акте записали коротко: денег не было. Знакомый мой упорствовал при подписании акта и требовал включить туда напильнички и алебастр, на что милиционер резонно возразил: «Разве этот алебастр возвращать надо? Да он об нем и думать забудет!» Так алебастр остался вне акта, а мой знакомый обогатился неожиданной фразой «думать забудет».

Мы часто и с полным основанием говорим, как тяжело и губительно влияет водка на человека, быт его, семейные отношения, воспитание детей. Но не только. Там, где не ставят заслонов пьянству, водка начинает вести себя наступательно и хмельная проказа становится серьезной производственной бедой. Похмельная статистика отражает огромные ломти от рабочего времени, от производительности труда. Народному хозяйству очень дорого обходятся дрожащие руки и больная голова работника. А пьяный след ведет еще дальше — к тем самым незадактированным напильничкам или какому-нибудь другому заводскому, фабричному добру, которое порой выносится, а порой и вывозится мимо дремлющей охраны предприятий. Причем главной воровской «отмычкой» здесь опять же служит спиртное.

Ведь не секрет, что все вынесенное в основном идет на пропой. Доходы «несунов», крупных и мелких, как правило, это доходы на водку. Проблема пьянства тесно породнилась с проблемой мелких хищений.

Приведу любопытные, с точки зрения рассматриваемой темы, показания следствию одного «несуна», который обычно таскал со своего предприятия кожаные подметки. «С вечера я выпил, утром голова болела... Весь день промаялся, но знал, что после смены освежусь. Взял прямо с конвейера две пары полуботинок. Перепродал одни какой-то тетке прямо задарма — мне не доход нужен, а освежиться. Сразу меня сильно разобрало, шел, качался, а тут сержант милиции. В участке у меня из-под ремня вторые полуботинки и вывалились... Это я первый раз обувь взял. А так брал все по мелочи: стельки, подметки там... Сапожник есть знакомый, ему для дела. Я его выручал — материалов-то мало. Денег я с него не брал — какие деньги, стакан поставит, и квиты. Разве же это воровство, когда без убытку предприятию; всегда брак стараешься вынести...»

Другое свидетельство, уже касающееся капроновых чулок: «Был у меня парень, дружили мы очень, только он пил. В субботу я обычно его угощала, да и в воскресенье тоже. Там уже написано, что чулки я прятала в прическу, в начес. Брала я всегда мало, с совестью, а когда он в отпуск уезжал, то и вовсе не брала — сама-то я не пью...»

Эти «несуны», как видно, работали в одиночку. А для того чтобы вынести «по-серьезному», «по-крупному», надо с кем-то и как-то договориться. («Я буду через забор подавать — прими с той стороны». Или: «Мы действовали вдвоем. Я спокойно шел к проходной, а напарник в это время делал вид, что у него что-то в брюшине спрятано. Ногой дрыгал особенно. Все внимание было ему, а я спокойно шел. Потом вместе пили...») Значит, сообщники-собутыльники. Или собутыльники-сообщники. Тут неизвестно, какое слово вперед поставить.

При тайном сбыте украденного, особенно каких-нибудь запчастей, твердо бытуют «жидкие цены» — стакан, литр, пол-литра. Задний фонарь к «Москвичу», например, стоит литр, комплект тормозных манжет — пол-литра. Но особой стабильности в этих ценах нет: жидкость, как известно, подчиняется форме того сосуда, в который налита или будет налита. Так что сегодня эта деталь может стоить стакан, а завтра — пол-литра, уж какая сложится хмельная конъюнктура. Ворованные материалы чаще всего сбываются дешевле розничной цены. Схема здесь примерно такая: украл на десятку — отдал за бутылку.

Я не собираюсь глубоко вдаваться в причины мелких хищений, это самостоятельная тема. Но порассуждать о том, почему же все-таки появились на свет «жидкие» цены, стоит.

Всем хорошо известно, что воровать — плохо, покупать ворованное — тоже плохо. Известно и другое: жить припеваючи на доходы от того, что выносится через проходную, довольно-таки трудно, а жить припеваючи — можно.

Роль водки здесь сложна и зловеща. Мало того что воруют для выпивки, так выпивка сама и помогает воровать, ибо расслабляет волю, глушит совесть, создает то состояние немощи гражданской и правовой невесомости, когда руки человеческие способны на дела, которые при ясной, трезвой голове делать куда противнее. Водка недаром отнесена в нашем законодательстве к отягчающим вину обстоятельствам...

Наверное, не так-то уж легко переступить барьер, за которым кончается честность и начинается нечестность. Неловкость, постыдность ситуации, возникающей при купле-продаже напильничков и тормозных манжет, видимо, понимают по обе стороны «прилавка». Не отсюда ли «жидкие» цены, снимающие стыд? И уже получается, что это как бы вовсе не купля-продажа, не срамная сделка, а своего рода обмен любезностями.

Так мы подошли к одному из узловых моментов нашей темы — неофициальным отношениям там, где им надлежит быть официальными. Как бы в подтверждение этого тезиса редакционная почта подарила нам такое письмо.

«Интересно бы знать, кто пьет и на что пьет. Канне, так сказать, чисто внешние факторы способствуют алкоголизму. Из своих наблюдений я сделал вывод, что пьяницами становятся так называемые «деловые» люди, то есть люди, могущие еще на чем-то приработать, лачить, налимить. Из людей, которые на моих глазах были направлены в места принудительного лечения, все были именно из этой категории «деловых». Двое были специалистами, причем хорошими, по ремонту телевизоров. У них и дефицитная деталь всегда была, и время прийти и «вежливо обслужить». Отремонтировал — получи трояк или пятерку. А куда эти деньги? Ведь они не из зарплаты! Пропить. К тому же нередки случаи, когда ремонт телевизора заканчивался прямо на дому владельца угощением водкой.

Скажут, не все же приглашают мастера слева, большинство официально обращается в ателье. Да, но существующие порядки в некоторых наших ремонтных ателье (ждешь — не дождешься, звонишь — не дозвонишься, просишь — не допросишься) дают основания иным владельцам обращаться «налево». И тут уж — пошло-поехало...

Знаю я и одного художника, если можно так его назвать. За поделку разных стендов, плакатов и другой продукции он прирабатывал «по левой» большие деньги. Результат — алкоголик. Или такое: нужна втулка к машине, мотоциклу — где взять? Идешь к леваку, он тебе втулку, ты ему — бутылку. И так без конца. А ведь при нормальных, обществом установленных официальных деловых отношениях такого быть не может»,

— пишет нам Николай Петрович Корчагин из Куйбышевской области.

Но самое-то интересное заключается в том, что все машины, мотоциклы и телевизоры работают — после официальных или неофициальных ремонтов — почти у всех владельцев. Остается заключить, что промышленность все-таки выпускает лампы и втулки разного калибра и назначения в каком-то близком к необходимому количестве.

Значит, дефицит возникает не всегда потому, что что-то недопроизводится, а отчасти и потому, что что-то недопродается. А без дефицита, без перебоев в снабжении «несунам» выпить будет не на что... Дефицит для левака — что мед для мухи, что поллитровка пьянице.

Не будь сторона покупающая столь благодушно и беспринципно настроена, объяви она бойкот «левому», хмельному рынку и его «жидким» ценам, — необходимые втулки и лампы мы, наверное, смогли бы покупать и через магазины. Но мы как-то притерлись, притерпелись к такому характеру этих неофициальных, полуторговых отношений, хотя, покупая ворованное, прежде всего воруем у самих себя одно из основных гражданских качеств — непримиримость к нечестности, к злу, да и в буквальном смысле обворовываем себя, нанося ущерб своему государству.

А теперь мы подошли к еще более существенному, восходящему витку в спирали нашей темы — людским отношениям, замешенным на пьянстве. Ведь если мы, теряя непримиримость, готовы участвовать в сделках с ворованными напильничками или полуботинками, нас обволакивает при этом, даже если мы абсолютно трезвы, символический вопрос всех пьяных: «Ты меня уважаешь?» Обе заинтересованные стороны в момент сделки вступают в не совсем обезличенные, как в магазине (выбил чек — получил), а в некие полуприятельские, хотя и скоротечные контакты. Вопрос насчет «ты меня» задается не вслух, как у какой-нибудь «чайной»: здесь совсем другой уровень дипломатии. Собеседники не держат друг друга невер ными руками за отвороты пиджаков, а выглядят вполне прилично и даже кор ректно, поскольку занимаются не пьянством в чистом виде, а, повторяю, сделкой, к которой пьянство присовокуплено как неотъемлемая часть сделочного ритуала.

Под пьяным «прикрытием» могут совершаться сделки не только материально-снабженческого характера, но и иные, из тех, что называются «сделками с совестью», хотя и при продаже ворованных полуботинок совесть продается тоже...

«СВОЙ» — НЕ «СВОЙ»

В одном южном городе мне довелось вникать в сложный конфликт, связанный с распределением жилья. В ходе разбирательства я услышала такой разговор: «Ты с ним пил? Пил... Так что же ты критиковать его лезешь?» И человек, который с кем-то вместе пил, стушевался, сник и больше в разговоры не вступал: видно, действительно посчитал себя не вправе критиковать.

А критиковать там было за что. Один «деятель» из ворованных материалов построил два дома. Первый вскоре перепродал, а второй года через полтора переписал на имя тестя и, ничуть не смущаясь, стал просить новое жилье, мотивируя тем, что с тестем у него «тяжелое несходство характеров» и что тесть «гонит с квартиры». То, что «деятель» петляет, понимали все, хотя впрямую, наотмашь никто не решался осечь его и сказать: о чем же ты, дружок, думал, когда первый дом продавал? Мешало то, что и в первом доме новоселье гуляли, и во втором гуляли. И каждый раз по три дня пили, «а закусок было столько, что аж глаза становились вразбежку...», как заметил тот, что потом стушевался.

С квартирой, конечно, так ничего и не вышло, не дали ее, но на этом наш сюжет не исчерпался. Дело в том, что был в этой истории еще один участник, который вместе со всеми не застольничал. «Не думайте, что он трезвенник. Он язвенник, хиляк он», — пояснял мне. Может, и вправду было так, может, иначе, но суть от этого не меняется. Вот этот человек, назовем его условно Бузняков, и возмутился отсутствием принципиальности в своем коллективе и «поднял бучу», как осуждающе говорили многие.

Сложность положения заключалась еще и в том, что Бузняков был на людей не очень контактных, нелисковый какой-то, хмурый, резкий, желчный — из тех, что теперь называют некоммуникабельными. Я уже знала, что в пылу ссоры ему однажды крикнули: «Больно тяжелые твои принципы. Смотри — грыжу не наживи!..» — и понимала, что главной бедой Бузнякова была его некомпанейность, если можно такое слово здесь употребить. Но ведь справедливость его позиции от этой некомпанейности не уменьшалась. Однако он был не свой. Те, что вместе пили, гуляли, потом вместе и слово честное стеснялись сказать о хозяине застолья, были «свои в доску», неразливные друзья. А этот был чужак. И все тут.

«Не кажется ли вам, товарищ корреспондент, что человек, если он трезвенник, да к тому же язвенник и, следовательно, общаться умеет лишь «всухую», выпадает, как инородное тело, из товарищеской спайки, потому что «для дела», «для дружбы» надо выпить?» — спросил он строго и сам же ответил: «Не-е-т, я не буду играть в бутылочку. Знаете, собираются парни и девушки, вертят бутылку, а потом целуются. Только мужчины между собой не целуются, а уважением расплачиваются, положительным ответом на вопрос: «Ты меня уважаешь?» С помощью бутылки вопрос этот вентилируют».

Трудно было не согласиться с Бузняковым. Ведь все, что происходит вокруг символического вопроса насчет «ты меня», есть подмена истинно делового и истинно духовного человеческого общения общением суррогатным, хмелем подстегнутым, но все же тесным и якобы дружеским. Человеческие отношения, вроде ворованных деталей, как бы выносятся на какой-то постыдный рынок, где тоже бытуют «жидкие» цены, только здесь уже не бутылка идет за втулку, а происходит обмен более серьезными, хотя и не вещественными ценностями. Дома из ворованных стройматериалов здесь уже не котируются, здесь котируются отношения «ты мне — я тебе».

При товарищеском собутыльничестве страшно не столько опьянение алкоголем (хотя основная масса алкоголиков первое крещение получила в товарищеских «междусобойчиках»), а опьянение сознанием, что тот, кто вместе с тобой пьет, всегда и во всем будет с тобой заодно. Здесь соль — в круговой поруке, обеспеченной водкой.

Не получается ли так, что рюмка выступает в роли надежной смазки в таких людских отношениях, в которых нет уважения истинного? Наверное, недаром те, что пьют «на троих», обычно между собой не дерутся, а дерутся с другими «на троих». Так же и в товарищеском собутыльничестве: люди, объединенные не обязательно поллитровкой, а какой-нибудь другой, более скромной долей спиртного, свершают ритуал некоего делового брудершафта, и отныне они вовсе не собутыльники, а сообщники, собратья и, конечно же, они друг друга «уважают». Скоротечные уважения «своих в доску» парней, что пьют «на троих», простерлись и над деловыми отношениями тех, кто в общем-то не пьет, а пьет только в частности, «ради дела» и совершенно искренне оценивает водку как яд.

Склонные к хмельному люди склеиваются в группы по принципу «вместе пили». Дальше уж никак не отвертишься от непременного хода событий по дороже «ты — мне, я — тебе». Водка принципиальности не товарищ.

Чтобы разгладить складки на лбу читателя, под конец скажу, что история с Бузняковым завершилась трагикомическим штрихом, который, кажется, разоблачил «дружбу», основанную на полупьянстве, больше, чем что-либо другое. В день моего отъезда ко мне в гостиницу один за другим пришли трое, но каждый шел так, чтобы поговорить с глазу на глаз, не зная, что двое других рассчитывали на то же. Поэтому разговор получился лишь с одним. Смысл высказываний моего собеседника был такой: «Вы зря о нас подумали как о непринципиальных. Мы просто не выставляем своих принципов, как этот Бузняков. Малохольный он какой-то. Не пьет, говорит, а мы-то что — пьяницы разве? Я сам первый где надо сказал, что не следует предоставлять квартиру Кондакову (так звали того делягу), но можно ведь тихо все сделать, не орать на собрании, будто с тебя рубашку последнюю снимают... Да и как вы не понимаете, ведь мне у Кондакова сама жена его чай подавала. Зачем же мне его вслух поносить?»

Когда все трое поняли, что тайны из их визита не получилось, самый молодой и находчивый пошутил: «Скинемся, что ли, на троих, а то подумают, что нас перевоспитали, пай-мальчиками сделали». Но веселья из этой шутки не вышло, всем было ясно, что пить сегодня им будет не власть — сделка с совестью на этот раз бередила душу, и к водке обращаться не хотелось. Они покинули гостиницу вместе, постояли у подъезда минуты две, а потом разошлись — каждый в свою сторону. Видимо, в эти минуты они не очень друг друга уважали.

Есть дурацкий обычай идти в гости с бутылкой. Поэтому лишний раз и не пойдешь, ежели нет желания пить. Кажется, собираются друзья, а на самом деле собутыльники: без выпивки им вроде бы и делать вместе нечего.

Вы пишете: «Во многих странах пьют больше натуральные виноградные вина», «при подобном употреблении спиртных напитков человек хотя и находится в состоянии легкого опьянения, но полностью контролирует свое поведение и поступки...». Но где в Чите виноградные вина, часто ли они бывают? Зато водки сколько угодно...

В. ЛОМОВ
ЧИТА

■

Торговля есть во многом перестроилась к лучшему. Теперь надо перестроить производство алкогольных напитков.

Если снижать крепость спиртных напитков хотя бы на два—пять процентов в год, то можно постепенно довести их до пятнадцати—двадцати градусов, не снижая цены.

И. КОНОВАЛОВ
ХАРЬКОВ

■

Тридцать лет я живу в доме, во дворе которого находятся магазин и общежитие медицинского института. Невольно замечаешь перемены. Раньше, когда молодые люди заканчивали учебный год, устраивалась товарищеская вечеринка, которая проходила весело и спокойно. Теперь мы часто слышим пьяные голоса и видим летящие из окон бутылки.

Много лет назад я боролась вместе с общественностью с пьяницами нашего дома. В том числе с пьянством своего мужа. Страдала, лечила его.

С горечью признаюсь: теперь меня больше не интересуют алкоголики. Бороться с ними — попусту тратить время и нервы. Это бьет для государства, и я не согласна с газетой, что эффективные меры — создание резерваций для алкоголиков, предлагаемое мичманом В. Тимофеевым, якобы нарушит права граждан-алкоголиков. Но разве алкоголики граждане?

Они не жалеют сами себя, своих детей, матерей. Им ничего не жаль. Им ничего не нужно. Они добывают деньги на водку любым нечестным путем, воруют у близких, обманывают. Только жадание каких-то суровых законов может остановить пьянство.

Л. КУЗНЕЦОВА
гор. КУПБЫШЕВ

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО БЛОКНОТА

КАК ЛОВЯТ КРАБОВ В САН-ФРАНЦИСКО

НЕДАВНО ИЗ ПОЕЗДКИ В США ВОЗВРАТИЛСЯ НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР КРИВИЦКИЙ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ЕГО ОЧЕРК.

Александр КРИВИЦКИЙ

1.

День этот начался для меня рано. Отель «Уэстбери» спит. Дорого бы я дал за возможность увидеть сны его постояльцев. Что там, в этой путанице кадров, мелькающих на экране дремотного сознания? «Какие страхи и надежды сокрыли трепетные вежды...» Жильцы спят среди зеленых тумбочек, кроваво-красных столиков, болезненно-белых подставок для телевизоров, ядовито-оранжевых занавесей. Почти ярмарочная пестрота *лубка — плод прихоти дизайнера* — режет глаз. Таков «фермерский» стиль в модерне. Прожить здесь две недели подряд — можно взбеситься.

Отель спит. Едва ли кому-нибудь тут снится происходящее сейчас наяву: некто с советским паспортом в кармане бесшумно пробирается в лабиринте полуосвещенных коридоров, озираясь на стеклянный эркер, за которым царит полный мрак. Осторожно выхожу к лифту и спускаюсь вниз в окружении мертвой тишины. Без пяти минут четыре. Лифт падает с двадцатого этажа, словно камень, пущенный из пращи. В вестибюле сонный швейцар, получив доллар, открывает мне выход на улицу, и я, оглянувшись, ловлю его удивленный взгляд.

Черный от дождя тротуар. Из-за угла на крутом повороте вылетает машина. Два желтых янтаря ее фар гаснут у подъезда гостиницы. Тотчас же из распахнутой дверцы автомобиля высовывается рука и втаскивает меня в машину...

Нет, это не похищение, не рука «Коза ностра». Просто мы с шофером генерального консульства Василием Петровичем Кузнецовым едем к заливу ловить крабов. Днем я был в нашем молодом консульстве и после делового разговора, возвращаясь в отель, учуял в машине запах свежесваренных раков или чего-то в этом роде. Водитель, невысокий плотный человек, уже немало ходивший по колкому жнивью жизни, но, видно, сколоченный на долгие времена, приоткрыл кастрюлю с уловом.

Мы быстро сговорились. Я еще не знал, что доброй заботой друзей лягу поздно, что едва усну, как часы, идущие внутри нас, вытолкнут меня из постели, да еще вроде бы наподдадут большой стрелкой. И вот теперь, кляня свою опрометчивость, мчусь в черных пролетах узких улиц ловить крабов, черт бы их побрал. Скажу откровенно, вышел я из гостиницы в желании исполнить уговор, но и в надежде, что о нем забудут другие. Не тут-то было.

Машина несется по холмам и низинам Сан-Франциско, закованным в бетон и асфальт. Спит отель «Уэстбери», и спит город, только где-то в стороне, бессмысленно в этот час, кривляется неоновый зазывала, обращая в немоту опустевших площадей истошный призыв посетить бурлеск «Кондор» с участием Кэррол Дода, да длится ночное бдение в загадочных переулках Китайского квартала.

Показался знаменитый мост «Золотых ворот» — Голден-гэйт бридж — серая громада, уходящая в бесконечность. У пирса нас встретило неожиданное многолюдье. Неужели все они встали еще раньше нас, завели свои «плимуты», «бьюики», даже «кадиллаки» и махнули сюда ловить крабов? Оказывается, они еще не ложились. У причалов покачивались десятки катеров, а их владельцы разъезжались после вечеринок, отшумевших на борту утлых суденышек. Пошатываясь, они усаживались в машины. На полную мощь гремели транзисторы. Какая-то женщина в шортах истерически смеялась. В каютах катеров гасли огни. Последняя пара дотанцовывала на пирсе. Последний автомобиль умчался, обдав нас звуками модной песенки Хампердинка. Наступила тишина. Мы остались одни в предрассветных сумерках на самом урезе берега.

Залив Сан-Франциско огромен. Его свирепые штормы не менее опасны судам, чем буйство открытой воды. Сейчас залив лежал в безветрии, спокойный и туманный. Таинственность нависшей над ним пелены будила воображение. Не здесь ли разыгрывались драмы на браконьерских джонках, так хорошо описанные Джеком Лондоном? Давно прошли времена короля пиратов «Большого Алека», когда рыбачьи патрули возились в Верхней бухте и на впадающих в нее реках с бесчинствующими ловцами креветок, которые чуть что пускали в ход ножи и давали себя арестовать только под дулом револьверов.

По каменным ступеням сходим на доски причала. Василий Петрович достает из рюкзака две большущие чаши весов. К каждой из них прикручены гниющие головы тунцов, источающие невыразимую вонь. Вот на этот запах, понимаете, и идут ошалелые от восторга крабы. Он им милее аромата изысканных духов. Вылей в чашу хоть целый флакон «шанели» — не подойдут, а вот на гниль, пожалуйста, сколько угодно! Чаша весов висит на трех коротких цепях, они сходятся, образуя треугольник, и к его верхней точке привязана веревка.

— Американский самодур, так это называется, — сказал Василий Петрович.

Термин вполне знакомый рыболову. На Черном море с помощью «самодура» ловят бычков, ставридку и прочее. Но там снасть совсем другая. А здесь неужто все ограничивается чашей? Да ведь и она не глубока. Вроде как мелкая тарелка.

— Секрет тут простой, — объясняет Василий Петрович, — только краб заползет на нее, на чашу, надо ее спокойненько так поднимать. Сползти он не успеет — туго соображает, а уж если вы беседуете с кем, зазевались, значит, он уйдет. Веревку, стало быть, нужно держать на весу, чувствовать, что там, под водой, делается.

И с этими словами Василий Петрович спокойненько так вытащил чашу, а в ней, как на блюде, лежал и пошевеливал клешнями большущий серо-зеленый краб.

Тут *я и понял*, что чаша эта не иначе как от весов морской Фемиды и служит не только известным символом правосудия, но еще и средством исполнения приговора. Вот какой казус в юридической практике.

Сырая рассветная мгла пронизывала насквозь. Задул береговой бриз, в отдалении уже поднималось кипение волн. Холод побежал за ворот куртки. И тут я вспомнил один рекламный плакат, впервые увидел его еще в Нью-Йорке в день приезда, а потом он преследовал меня со страниц газет и журналов. На нем красовались три бутылки трех разных фирм и, соответственно, с различными этикетками. Под первой стояла подпись: «Неплоха «смирновская», под второй: «Хороша «эльзасская», под третьей: «Но ничто не сравнится с настоящей «столичной» из СССР». Мистер Кендалл — *крупный бизнесмен*, чьи интересы лежат во многих сферах торговли и промышленности, действовал энергично и в этом случае. И решив поддержать его бизнес, я вытащил из внутреннего кармана куртки некое вместилище с изображением нашей старой гостиницы «Москва». Несколько глотков укрепили наш дух и тело, убедительно подтвердив точку зрения председателя американо-советского торгово-экономического совета.

Между тем, пока я отдавался внутреннему монологу, Василий Петрович, чутко ощущая рукой, как эхолотом, малейшее движение там, под водой, таскал из залива одного краба за другим, переселяя их в ведерко.

Боязливо всходило солнце, и чем выше оно поднималось, тем слабее поддувал береговой бриз. Теперь он налетал слабыми, замирающими порывами. Вдруг совсем недалеко от нас из клочьев тумана показался парусник, как будто всплыл со дна залива. В сознании вдруг начала когда-то запавшая в память фраза и вытянулась — слово за словом — в кильватерном строе: «Переменив галс, он вытравил грота-шкот и пошел фордевинд прямо на абордаж». Парусник исчез в направлении Саусалито.

Четыре часа провели мы на этом причале, четыре часа прямо перед нами возвышался то черный на сером, то серый на синем, то синий на розовом и, наконец, в лучах крепнущего солнца золотистый на розовом — Голден-гэйт бридж — мост «Золотых ворот».

Тридцать крабов барахтались в ведерке, и среди них только два — мои. В девять часов, отстояв одиннадцать минут в очереди к дверям кафе в отеле «Уэстбери», я сидел за завтраком и поглощал найденную мною в меню «яичницу-ранчо», что, как и ожидалось, было нашей глазуньей по-деревенски, то есть с картошкой и помидорами.

В глазах еще стояли темный причал, летящий парус, в ушах мешались гомон на пирсе, звуки разношерстных мелодий из транзисторов, неврастеничный смех женщины, потом глухая тишь, *объявшая огромный мир*, и только шлеп-шлеп *набегающих* волн под деревянными мостками, *будто водяной играет с кем-то в ладошки*.

Нужно расплачиваться за завтрак (два доллара и сорок центов) и ехать на деловую встречу в «Бэнк оф Америка», где, в отличие от моего бумажника, этих самых долларов, хотя и сильно тронутых инфляцией, несметное количество. Но об этом позже, в следующем номере, а сейчас о другом.

2.

Высокие метелки придорожных платанов подметают уже совсем чистое калифорнийское небо. Мы едем в Беркли и Дэвис — университетские городки. До первого — пятнадцать миль от Сан-Франциско, до второго — еще шестьдесят. На выезде из уличной путаницы мелькнул огромный ясень. Двумя нижними ветвями в их узловатом сгибе он склонился к самой земле, словно встал на колени и просит пощады у современной цивилизации. Хорошо бы ему перебраться в Дэвис — здесь тихо, бьют фонтаны среди подстриженных «под полубокс» газонов, чистый воздух современных садов Эпикура. Парами и стайками гнездятся на ухоженных дорожках студенты и студентки со стопками книг под мышками, большими сумками или перекинутыми за плечо гитарами.

Нас встречает толстенький круглолицый человек с добродушной улыбкой на полных губах. Мистер Пиквик признал бы в нем свои черты и... вскоре поплатился бы за ошибку. Пол Зиннер лукав и осторожно язвителен. Его чарующая улыбка легко, в доли мгновенья складывается в ироническую, когда он полагает, будто поставил собеседника в тупик. Но пока он отменно любезен и, поглядывая на часы — время ленча, — приглашает разделить с ним трапезу.

Пол Зиннер — профессор политических наук. Он «советолог», чех по происхождению. Кроме того, Зиннер диететик, и упоминание о чешской сливовице не пробуждает в нем каких-либо эмоций. Разговор идет главным образом вокруг меню, но эта интродукция без всяких нюансировок приводит к развитию генеральной темы.

— Мистер Зиннер, скажите, чем вы объясняете тот факт, что многие деловые люди Штатов поддерживают разрядку и желают развития [illegible] связей с нашей страной, а, так сказать, теоретики, «советологи» — не знаем, как вы лично, — занимают другую позицию?

Зиннер [illegible] и, [illegible]кинув себя [illegible]ла, как на [illegible] к моему [illegible]:

— Наши [illegible] образованны, не [illegible]тории. Их интересует только прибыль. Теоретики же относятся к вашим инициативам скептически.

— Ого, надстройка бунтует против базиса! Но прибыль вы не отрицаете?

— Нет, — помедлив и с досадой соглашается Зиннер.

И мы оба, конечно, в этот момент вспоминаем последнюю речь одного сенатора.

— Значит, ваши финансисты и предприниматели не благодетельствуют нам, как утверждает Джексон, а ведут дела на взаимовыгодной основе?

— При чем здесь Джексон? — вскидывается Зиннер. — Я говорю не от его имени.

— Хорошо, займемся скепсисом теоретиков. Значит, «советологи» настроены заведомо скептически к объекту их изучения. Как это соответствует принципам объективной науки?

— Ну, знаете, — развел руками Зиннер. — Мы добросовестно изучаем вашу политическую историю.

— Надеюсь, вы нашли в ней и ленинский Декрет о мире, и принципы мирного сосуществования, и нашу совместную борьбу с гитлеровским фашизмом, и желание развеять кошмары «холодной войны», наконец, соглашения последнего времени, где стоит также подпись вашего президента.

— Вы очень любите Никсона? — выжидательно прищурился «советолог».

— Мистер Зиннер, хочу заметить следующее: ни один советский человек не участвовал в ваших последних президентских выборах. Не мы голосовали за Никсона, а вы, ваши избиратели послали его в Белый дом подавляющим большинством голосов. Мы уважаем ваш народ, а кто его представляет на международной арене — это ваше дело...

— Я голосовал за Макговерна! — перебивает Зиннер.

— Но ведь и он клятвенно обещал покончить с «холодной войной», расширить экономические и культурные связи с Советским Союзом?

И тут Зиннера прорвало:

— Вы не хотите свободного обмена идеями! Вы боитесь эрозии вашей идеологии!

Он долго и обстоятельно распространялся на эту тему. А я тем временем, глядя на этого сидящего рядом со мной толстенького, румяного, как будто только что вынутого из целлофана «советолога», вспоминал событие, происшедшее однажды в Нью-Йорке.

На реке Гудзон, как и семьдесят миллионов лет назад, появились динозавры. Правда, современные чудовища отличались от своих вымерших предков — их сделали из стали и стекловолокна для Всемирной выставки 1964—1965 гг. Видавшие виды ньюйоркцы остолбенели от изумления. Встречные суда — и даже окованный лайнер — приветствовали гудками динозавров, плывших в нью-йоркское предместье Флашинг-Медоуз. Вскоре, к радости любознательных посетителей выставки, чудовищные ящеры паслись на воссозданном мезозойском лугу. Девять копий исчезнувших с лица земли пресмыкающихся сработал ученый и художник Луис Поль Джонс. После выставки макеты динозавров, не боящихся *ни жары, ни холода*, поставили в школьных дворах. Создатель ископаемых обещал, что его творения просуществуют даже дольше, чем их погибшие пращуры. Не знаю, что там стало с макетами динозавров, но живой сидел со мною рядом.

Когда Зиннер кончил свое бурное выступление, я подвел итог:

— Понятно, в 1976 году вы хотели бы голосовать за Джексона. Но свободный обмен идеями так, как вы его понимаете, — это, с одной стороны, желание широко наладить и узаконить некий «самиздат» и ему подобное в качестве «правды об СССР», а с другой — открытые ворота Советского Союза для всего, что и за пределами нашей страны давно вызывает возмущение миллионов прогрессивно мыслящих людей. Значит, мы вам — подтверждение ваших инсинуаций о Советском государстве, а вы нам — буржуазный прагматизм, нападки на социалистические идеи, расизм, порнографию, проповедь насилия. Какой же это свободный обмен идеями?! Это надувательство с использованием школьного правила арифметики: два пишем — три в уме. Пишете — свободный обмен идеями, а в уме — экспорт контрреволюции. Что же касается эрозии нашей идеологии, то вы и сами прекрасно знаете — ее не будет. Но «холодная война» — ваше поприще и...

— Я против «холодной войны», — скороговоркой произносит Зиннер.

— Так ли? Вот ваш коллега «советолог» Збигнев Бжезинский откровеннее вас. Он — за!

— Дался вам Бжезинский! Вы из него черта сделали, а он тоже против.

— Против? Ну хорошо же, — и я процитировал на память, а теперь в Москве сверил по статье в английском журнале «Энкаунтер» слова Бжезинского: «По мере того, как старшее поколение увядает, а молодое становится зрелым, мы будем все чаще и чаще возвращаться мыслями к «холодной войне» — периоду, отмеченному сравнительным спокойствием, относительной стабильностью и большой степенью ясности. «Холодная война» была определенной формой мышления, которой нам будет все больше и больше недоставать сейчас и в предстоящие годы».

— Так что же, против он «холодной войны» или за? И вы, мистер Зиннер, за нее. Вот вы заказали клубнику, а от сливок отказались — слишком жирно, а в политике диеты не признаете. Хотите задавать лукулловы пиры! Требуете за разрядку идеологических уступок. Не жирно ли?

И тут Зиннер поднял руки. Что уж с ним произошло — не знаю, но только он сначала насупился, потом рассмеялся и, неожиданно, не фигурально, а буквально, *простер* над собой пухлые ручки.

— Фотографа! — воскликнул я, и официант озадаченно оглянулся на шумок за столом. — Фотографа! «Советолог» сдается.

Есть свидетели и участники *всей этой сцены* и разговора — мои отличные спутники в поездке Геннадий Шишкин из ТАСС, Виталий Кобыш из «Известий» и Николай Курдюмов из «Правды».

Я далек от мысли, будто Зиннер изменил свои взгляды за время нашего ленча. Просто аргументация «советологов» однообразна, уныла и, с точки зрения серьезной политики, провинциальна, а сам мистер Зиннер не лишен чувства юмора и, поперхнувшись клубничной ягодой, по-видимому, оценил метафору — всего лишь.

Дело в другом. Профессиональные антикоммунисты сдаются не так просто. Еще бы — они не хотят расставаться со своим профитом и влиянием. Но с тех пор, как в США заговорили о равенстве военных потенциалов СССР и Штатов и необходимости нормализовать отношения двух держав, «советологи» теряют головы. Их паника подтверждает, насколько далека так называемая «советология» от подлинной науки и как близка к военному ведомству и всяким прочим службам. Теперь «советологи» «вышли» на прямую связь с Пентагоном. Они прикрывают его стремление проскочить мимо политической разрядки, чтобы продолжать гонку вооружений.

Говоря о бунте надстройки против базиса, я, конечно, шутил. В определенной сфере раздваивается сам базис, и «советологи», сионисты вместе со всей реакцией уцепились за тот его выступ, что именуется военно-промышленным комплексом.

И все же упреков в защите бастионов «холодной войны» Зиннер боится, тут он вздрагивает. Историю, в отличие от серьезных бизнесменов, знает плохо или изучает ее уроки сквозь дымку наркотических иллюзий. Позиция его рушится при первом приступе, разговаривать с ним нетрудно. Я настолько оценил поднятые руки Зиннера, что простились мы с ним вполне в американском духе — с похлопыванием друг друга по спине, с широкими улыбками и пожеланиями увидеться вновь.

Открыто проповедовать «холодную войну» теперь побаивается даже Бжезинский. Вернувшись в Нью-Йорк, я получил пригласительный билет на его доклад в интернациональном клубе печати. Сухощавый, бледный, с мелкими птичьими чертами лица, Бжезинский ровным голосом, почти без пауз, произнес речь, построенную на принципе детской игры: «Да и нет — не говорите, черного и белого — не называйте». И, однако же, не оставил никаких сомнений в своем страстном желании накинуть удавку на процесс разрядки напряженности, задушить его оговорками, оглушить криками о свободном обмене идеями.

А история... история — плохой помощник Зиннеру и его коллегам. Вот хотя *бы такая ее страничка*. Она напоминает о яростном, *слепом* стремлении буржуазного мира отгородиться от нашей страны еще в дни ее молодости. 10 октября 1919 года государства Антанты и США официально объявили блокаду Советской России, а в постановлении союзных экспертов перечислили «меры, которые должны заключаться, насколько это будет возможным: a) в наложении эмбарго на экспорт товаров для большевистской России; b) в указании почтовым учреждениям не передавать радио- и другие телеграммы из большевистской России или в обратном направлении; c) в указании почтовым властям отказывать в передаче почтовых корреспонденций в большевистскую Россию или из нее; d) в отказе о выдаче паспортов; e) в наложении банками запрещения всяких сделок с большевистской Россией». Вот так!

Мистер Зиннер мог бы ознакомиться с этим документом в библиотеке конгресса, в Вашингтоне, развернув на 724-й странице седьмой том капитального издания «Международные связи США».

Ленин писал тогда: «Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению — даже полудикой, страны!»

Провалилась та блокада с треском, хотя, по совести говоря, империализму не в чем себя упрекнуть — и тогда, и позже он делал все, чтобы сбить нас с ног. А вот не получилось. Захлебнулась интервенция, лопнул «санитарный кордон», прогнил и треснул «железный занавес». Не изменилась природа империализма, но прошло время, и глазам ошеломленного западного мира предстала социалистическая держава в блеске славы, силы и достоинства. Видные лидеры и демократической, и республиканской партий США сходятся в положительной оценке предложенного нами курса на разрядку международной напряженности. Дальновидные капиталисты хотят с нами торговать. Так как же насчет знания истории, мистер Зиннер? Пожалуй, бизнесмены из числа реалистов подучили ее получше, чем «советологи».

Президент «Бэнк оф Америка» Томас Клаузен говорит: «Мы прошли через трудный период конфронтации, и встречи в верхах открыли дорогу к развитию хороших отношений между нашими странами. Но всегда среди людей находятся и такие, которые просто не приемлют каких-либо перемен, изменений, новшеств. Когда предлагаешь им идти другим путем, они не сразу его принимают, для этого нужно время...».

Это справедливо. Но, увы, к «советологам» не относится. Они остаются при головном отряде реакции в роли «теоретиков» или же песельников, тянущих привычное свое, на манер: «Эх, в Таганроге, да, ну, да эх, в Таганроге... В Таганроге са-а-алучилася беда». А беда случилась с ними. Но с тем большим рвением разбрасывают они вокруг себя семена подозрения, недоверия к СССР.

Среда обитания деятелей типа Бжезинского или Зиннера, независимо от их калибра, — преимущественно либеральная интеллигенция, студенчество. Я не говорю здесь о ее наиболее дальнозорких представителях, но среда эта в целом впечатлительна, подчас переменчива, падка на моду. Какая-нибудь политическая бутоньерка может заслонить ей подчас реальный покрой событий. Войны — ни холодной, ни тем более горячей — большинство людей этого круга, разумеется, не хотят и испускают вздох облегчения, когда день [illegible] вытесняет из потайных углов тени опасных конфликтов. Но вслед за тем наступает время иного [illegible] карнавала. И хотя серьезное дело еще только [illegible] и нужен упорный труд, чтобы разрядка окрепла, а необратимость стала ее постоянным спутником, — начинается «бой» [illegible] и серпантина, [illegible] с участием «диссидентов», когда главное уже [illegible], а на сцене кру[illegible]вод безответственных теорий. Капризов и Ужимок, наряженных в [illegible]ные или трагические маски.

И вот в эту среду вместе со всеми врагами мира идут «советологи», идут не с наукой, не с исследованиями, а с готовыми раз и навсегда выводами, со старой злобой, с ненавистью к разрядке, с антисоветской наживкой, напоминающей гниющие головы тунца, [illegible] для ловли крабов. «Советология» источает тление, но этот трупный запах еще дурманит слабых людей, и они лезут, карабкаются на чашу весов с привадой, а опытные ловцы душ, ухмыляясь, таскают их в свое ведерко...

Легковерие и неосведомленность иных американских либералов поражают. Они живут на конвейере инфляции — материальной и духовной. Их страна истерзана стрессами и стала ареной диких преступлений. И они же, подчас ничего толком не зная о СССР, полагают, будто мы нуждаемся в наставлениях извне, с важным видом рассуждают о перспективах «эрозии режима», верят — или хотят верить — тем, кто утверждает, будто мы потерпим вмешательство в наши внутренние дела, стоит только хорошенько надавить. Ну не смешно ли?! И я хочу закончить эти заметки так:

«— Здорово, Америка! Здорово, мои друзья в Америке. Как у вас дела, старые простаки, целый месяц твердившие друг другу, что я заврался насчет России? Ну-с, если последние сообщения о ваших делах верны, то вряд ли вы сможете так говорить? Теперь уже Россия над нами смеется... Мы читали ей лекции с высоты нашего цивилизованного превосходства, а сейчас мы принимаем героические меры, чтобы скрыть нашу краску смущения от России. Мы гордились нашим мастерством в крупных делах и тем, что они имеют под *собой* солидную основу, благодаря нашему знанию человеческой природы, а сейчас мы банкроты. Крики отчаяния наших финансистов отдались эхом во всем мире. Наши дельцы не могут найти работы трем миллионам рабочих, а ваши выбросили на улицу вдвое больше людей. Наши государственные деятели по обе стороны океана не могут сделать ничего другого, как разбивать головы безработным или откупаться от них пособиями и обращениями к благотворительности. Перед лицом всей этой экономической некомпетентности, политической беспомощности и финансовой несостоятельности Россия гордится своим бюджетным активом. Ее население занято до последнего мужчины и женщины. Она блистает своими работающими полным ходом, растущими фабриками, своими способными правителями, своей атмосферой надежды и обеспеченности даже для бедняков, атмосферой, которой не знала еще ни одна цивилизованная страна.

Наше сельское хозяйство разорено, и наша промышленность разваливается под тяжестью своей производительности, потому что мы не додумались, как распределять наши богатства и как производить... Вы даже не можете защитить ваших граждан от простого воровства и убийства, вы не можете помешать вашим бандитам и вымогателям средь бела дня размахивать револьверами на улицах».

С давних пор помнилось мне содержание этой озорной, но и очень серьезной речи Бернарда Шоу. Он произнес ее по английскому радио на Америку, вернувшись из поездки в Советский Союз, в 1932 году. Как давно это было, как далеко мы шагнули с тех пор на земле, в небесах и на море! Сколько раз на нелегком пути в сердце своем и кровью самой запечатлели мы верность старому знамени партии — «взвитому красной ракетою, октябрьскому, руганному и пропетому, пробитому пулями...».

А ловцы слабых душ по-прежнему на атлантических берегах, морщатся на погоду, ладят к снастям наживку. Мутная пена набегает под шаткие мостки — шлеп-шлеп. Водяной играет с кем-то в ладошки...

Бухта Сан-Франциско.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

НОВЬ ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ

В ПЕРУ находилась делегация Союза писателей СССР, в состав которой входили Хамид Гулям, Римма Казакова, переводчица Людмила Синянская и автор этих строк. Цель нашего визита — подписание соглашения между Союзом писателей СССР и Национальной ассоциацией писателей и деятелей искусств Перу. Это соглашение углубит наши контакты с перуанскими коллегами, расширит обмен культурной информацией, оно предусматривает также обмен творческими делегациями.

Перу сегодня — страна демократических преобразований. Политическая позиция, которую занимает Революционное правительство вооруженных сил, возглавляемое генералом Хуаном Веласко Альварадо, дает, в частности, возможность для культурного сближения Перу со странами социалистического содружества. Но не всем по душе такие контакты: реакционеры, представители оппозиции исподтишка, а порой и открыто стремятся помешать прогрессивным начинаниям правительства.

Мы приехали в Перу накануне отъезда Валентины Терешковой, она была здесь гостем супруги президента. Народ встречал ее восторженно: газеты помещали интервью с нею, перуанцы следили за ее маршрутом по стране, а служащий аэродрома в Лиме, узнав, что мы русские, сразу сообщил нам, что Терешкова покидает Перу завтра. Так благодаря Валентине Терешковой мы попали в атмосферу особого дружеского внимания.

Первые дни в Лиме были посвящены консультациям с руководителями ассоциации по поводу предстоящего подписания соглашения. Мы встречались с президентом ассоциации Розой Эрнандо. И вот состоялась торжественная церемония подписания соглашения в присутствии послов, советских и перуанских журналистов. Газета «Экспресо», выходящая в Лиме, писала: «Центральным событием последней недели было подписание соглашения о культурном сотрудничестве между Союзом писателей СССР и ассоциацией. Это соглашение, которое причинит немалые огорчения профессиональным антисоветчикам, — первое соглашение такого рода, подписываемое представителями СССР на латиноамериканском континенте, не считая Кубу. Мы надеемся, что этот факт заставит призадуматься тех, кто делает на антикоммунизме бизнес, извлекает выгоду...»

Перу — страна живописная, таящая в своих джунглях и в заоблачных горах много тайн из истории человечества. Экспедиции, отправляющиеся в ее внутренние районы, открывают удивительные памятники древних цивилизаций. Но умы и сердца народа сейчас волнует не древность, а те социальные перемены, которые осуществляет правительство, влияние этих перемен на судьбы людей. На Амазонке, в городе Икитос, мы познакомились с тридцатилетним Луисом Еплеком, членом ЦК Перуанской компартии, руководителем коммунистов Икитоса. Мы поехали с Луисом вниз по Амазонке, в недавно созданные им индейские коммуны. Я думал все эти часы, которые провел на Амазонке, какой великолепный и драматический материал найдет здесь исследователь, если захочет показать, как рождается новая жизнь индейцев, рождается в ожесточенной борьбе с реакцией!

Среди прибрежной поляны мы неожиданно увидели старенькие школьные парты, выстроившиеся в ряд и защищенные от тропических ливней навесом. Луис объяснил:

— Коммуна приобрела на выручку за древесину эти парты. Вон и дом построили для будущего учителя. Мечтают отцы, чтобы их дети выучились читать и писать...

Парты давно отслужили свой срок, скособочились, но мы, глядя на них, ощущали те перемены, которые вторгаются в жизнь еще недавно бесправных людей.

В Лиме мы посетили мастерские видных перуанских скульпторов и художников. Одно из наиболее значительных впечатлений — скульптурные произведения Марины Нунес дель Прадо. Тема ее творчества — материнство. Ее работы поражают пластичностью, силой лирического чувства, оригинальностью художественного решения.

Мы встречались в Лиме с рядом молодых талантливых писателей, таких, как поэт Орилья, прозаик Викунья, поэт и прозаик Румриль... Мы много говорили с ними о сегодняшних проблемах Перу, о роли художественной интеллигенции в процессе социального развития страны. Лучшие представители молодых творческих сил Перу, убедились мы, живут интересами народа.

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»-74

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»-74

БЕСТСЕЛЛЕРЫ И ПОТРЕБИТЕЛИ

Читатель и книга... Каковы их отношения в современном западном обществе? Что определяет конъюнктуру рыночного спроса? Какие произведения пользуются наибольшей популярностью и какие обречены на безвестность?

На эти вопросы отвечают авторы статей, публикуемых нами с некоторыми сокращениями. Девальвация печатного слова, убогий художественный уровень произведений, дурной вкус потребителя, наконец, стремление художника добиться успеха не плодами своего труда, а эффектной рекламой — вот те черты, которые характеризуют книжный рынок на Западе, подчиненный «массовой культуре» буржуазного общества.

Образчик «книги ужасов».

БЕГСТВО В МИР СУРРОГАТОВ

ПОЛЬЗУЮЩИЙСЯ уважением в американском литературном мире издатель Раймонд Хейгель заявил недавно в беседе с комментатором журнала «Ньюсуик», что в Соединенных Штатах исчезают навыки чтения. «Искусство чтения не имеет ничего общего с увлекательными переживаниями за исход спортивных состязаний, — сказал он. — В нашем обществе, которому все больше прививается зрительное восприятие, в недалеком будущем чтением будут продолжать заниматься только самые усердные». Раймонд Хейгель высказал также и практическое предложение. Он считает, что американские издатели вынуждены готовиться к радикальным переменам в технологии книгопечатания. По его мнению, должна быть осуществлена быстрая печать с микрофильмов единичных экземпляров индивидуально заказываемых произведений.

Однако в Соединенных Штатах продолжает выпускаться огромное количество книг. Широко известны результаты спроса на самую ходкую печатную продукцию, то есть на бестселлеры. Например, «Нью-Йорк ревью ов букс» — наиболее авторитетный среди американских издателей журнал — публикует каждый год список названий книг, которые разошлись тиражом более 900 тысяч экземпляров. Список за прошлый год насчитывает 48 таких произведений, отдельные из них достигли тиража в несколько миллионов. Казалось бы, что тревожные выводы Раймонда Хейгеля не надо понимать буквально.

Чтобы разрешить сомнения, достаточно внимательно просмотреть упомянутый список.

На первом месте красуется имя Ксаверии Холландер. Три ее новые книги — «Ксаверия», «Счастливчик Хокер» и «Письма к счастливчику Хокеру» — проданы тиражом 11 922 000 экземпляров. Прибыль разделили между собой два издательства — «Уорнер» и «Делл». Продукция Ксаверии Холландер вот уже в течение нескольких лет вгоняет в краску всех американских литературных деятелей — критиков и обозревателей, издателей и писателей. Ибо она представляет собой целую серию откровений крайне изобретательной проститутки. Один из американских рецензентов недавно высказался, что слова «порнография» для текстов Ксаверии Холландер решительно недостаточно, так как читателю в них предлагаются чудовищно изощренные непристойности.

Вместе с тем тиражи «обыкновенных» порнографических романов падают. Например, «Салон массажиста» Дженифера Силлса (издательство «Эйс»), рассказывающий о переживаниях персонала, а также клиентов заведения, скрывающего под условным названием «массаж» свои более «изысканные» услуги для посетителей, был вынужден довольствоваться тиражом «всего» в 1,5 миллиона экземпляров. Еще меньшим успехом пользовалось произведение Линды Лавлейс, в котором автор рассказывает, как она стала звездой порнографической кинопромышленности и что на этом поприще ей пришлось пережить. Эта книга под названием «Личная жизнь Линды Лавлейс» (издательство «Пиннекл») разошлась в количестве 1,1 миллиона экземпляров. Чтобы покончить с порнографией, следует отметить, что в списке можно обнаружить шесть названий книг, содержание которых в основном, если не полностью, заполнено описаниями «занятий» сексуального характера. В заключение назовем одну книгу — «Последнее танго в Париже» Роберта Элли (тираж — 1 730 000 экземпляров).

Но ведь не только одним «порно» живут американцы, если в списке наиболее читаемых книг в 1973 году остается еще 41 название. Так что же туда входит? Распределяя по темам, можно получить следующую картину. «Книги ужасов» представлены девятью названиями, 19 665 000 экземпляров которых уже распроданы. Здесь можно найти как повести, так и очерки, мистифицирующие популяризацию знаний. Тематика их чрезвычайно разнообразна: картины конца света, история с изгнанием дьявола из ребенка (прославившийся «Изгоняющий дьявола» Уильяма Блэтти), летающие тарелки, вивисекции душевнобольных, оккультные интерпретации человеческой судьбы и т. д. и т. п.

Рецепты, как добиться успеха, даются в шести книгах, и продано этих книг 16 863 000 экземпляров. Можно получить совет, как делать деньги, как держать себя с детьми, как достичь мистического совершенства, какой нужно вести образ жизни, чтобы преуспевать (сверхвздорное творение д-ра Томаса Харриса «Я в порядке — ты в порядке»), как бороться с полнотой и прочее.

Детективные романы всех мастей: от искусно написанного нового сочинения Агаты Кристи до очередного опуса непревзойденного мастера жестокостей Микки Спиллейна — всего пять названий и 5 189 000 экземпляров.

Популярные справочники, представляющие собой салат из разнообразной информации, советов, правил, любопытных сведений, анкетных данных, мировых рекордов, статистических цифр, исторических дат и т. д. Эта издавна самая любимая «духовная пища» большинства американцев, приготовленная на разные вкусы, распродается в огромных количествах, как бифштексы по-гамбургски, — всего три названия за год, но зато 29 800 000 экземпляров.

Книги с развлекательными названиями: сюда можно отнести похождения ковбоев, спортивные приключения, юмор и т. п. — пять названий и 5 370 000 экземпляров.

Остались очерки и воспоминания, художественная проза и фактография, о которых наконец можно говорить как о хороших или плохих, прогрессивных или реакционных литературных произведениях. Книг таких можно насчитать 13, с общим тиражом 18 101 000 экземпляров. Среди них находится получивший высокую оценку новый роман Германа Воука «Ветры войны» (2 200 000 экземпляров, издательство «Покет букс») и широко известная биография Рузвельта — «Элеонора и Франклин», написанная Джозефом Лэшем (1 031 000 экземпляров, издательство «Нью Американ Лайбрери») и удостоенная многих наград. Кроме того, имеется несколько общественно-бытовых романов, документальный очерк о детройтской автомобильной промышленности и о пожарниках Нью-Йорка, а также две книги политического содержания — о Вьетнаме и войне на Ближнем Востоке — и ряд воспоминаний.

Когда-то раздавались голоса, что американский образ жизни — самый совершенный в мире, потому что он дает каждому то, что тот больше всего пожелает. В сущности же оказалось, что этот образ жизни толкает к бегству от усталости и монотонности той же самой жизни в мир бессмысленного потребления материальных благ, что он несет с собой все нарастающую потребность в развлечениях и возбудителях, все больше лишает людей настоящих интеллектуальных и эмоциональных ценностей, заменяя их обилием суррогатов.

Ныне тот, кто трезво смотрит на американскую действительность, уже не обольщает себя иллюзиями насчет достоинств этого образа жизни и отлично понимает, куда он ведет. Наиболее обеспокоенные художники и философы, ученые и общественные деятели пугают им народы других развитых стран, представляя его как современный апокалипсис. Предпринимаются также усиленные поиски виноватого: чаще всего делаются нападки на телевидение и рекламу, систему просвещения и прессу. Хорошо и это — намерения в конце концов похвальные. Однако в пустоту возрастающей безграмотности, в страну литературных суррогатов, заменителей театра, кинематографии, изобразительных искусств Америку толкает не какое-нибудь одно «дьявольское изобретение», вроде телевизора или печатной машины, а весь ее социальный строй, который, сводя все существование личности к идее потребления, не ставит перед людьми больше никакой другой цели.

Збигнев ЮРКЕВИЧ

«Доокола свята» (ПОЛЬША)

ПИСАТЕЛЬ И БЫСТРОРАСТВОРИМЫЙ КОФЕ

ОБЩЕСТВЕННОЕ положение писателей Японии можно сравнить лишь с положением кинозвезд. Благоговение, которое японцы питают к писателям, — это дань традиционного уважения к тем, кто причастен к печатному слову. Однако, как заметил один критик: «Истинная причина феноменального спроса на книги заключается в том, что слишком много времени японские служащие проводят в дороге на работу».

Тем не менее жюри премии Акутагавы, которая присуждается дважды в год четырем самым выдающимся писателям, столкнулось с труднейшей проблемой. Из трех тысяч художественных произведений, появившихся за последние полгода, оно смогло отобрать всего-навсего два достойных романа. По словам переводчика Дональда Кина, японский язык следует изучать хотя бы потому, что японские переводчики не пропускают ни одной книги, выходящей за границей и заслуживающей внимания. Даже сухие, академичные труды Джона Кеннета Гэлбрайта хорошо распродаются в Токио. Както его переводчик на японский язык сказал Гэлбрайту, что он должен более критически относиться к вопросам японской экономики, американский ученый шутливо заметил: «Разве я могу обижать своих самых лучших покупателей!»

Благодаря такому широкому спросу на печатное слово большая часть произведений художественной литературы буквально поглощается японцами, но нельзя не видеть, что поглощается массовое чтиво. Все шесть крупнейших ежедневных токийских газет, в том числе и финансовая, публикуют романы с продолжением, иногда даже на первых страницах.

Писатели в погоне за количеством не затрудняют себя в выборе тем. Например, писатель Джонносуке Поснюки ведет ежедневную колонку в одной бульварной газете, в которой пишет о пустяках, учит правилам игры в «двадцать одно» в самолете, манере беседы с другом-литератором за мороженым. Поснюки пора бы покончить с этой писаниной: читатели, в сущности, идеализируют его не как писателя, а как человека.

Многие писатели поставляют свои «образы» рекламным агентствам, точно так же, как они продают свои книги. Фигуру Акиюки Нодзака, автора «Порнографии», можно увидеть на афишах на станциях метро — он рекламирует плащи фирмы «Санье». Сюсаку Эндо часто показывают по телевидению в передачах, рекламирующих быстрорастворимый кофе.

...Особой популярностью пользуется мемуарная литература, а не романы. Значительная часть произведений современной японской литературы написана в форме дневников и представляет собой нечто вроде исповеди. И все-таки средний японский читатель до сих пор отдает предпочтение книгам, рассказывающим правду о людях. Так, одна из премий Агутагавы за этот год была присуждена писателю, бывшему солдату, написавшему о тяготах солдатской жизни. Однако бытует такое мнение: «Если писатель работает успешно и разбогател, он не желает вспоминать больше о бедности...»

Эндрю ХОРВАТ

«Майнити дейли ньюс» (ЯПОНИЯ)

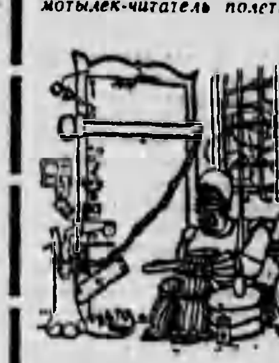
«РУКИ НЕ ДОХОДЯТ...»

ИЗ НЕДАВНО опубликованного обследования висбаденского Института Ифак (ФРГ) явствует, что за последние 15 лет число немцев, проводящих свой досуг за чтением, все падает. Как пишет западногерманская газета «Вольт», сейчас только 51 процент жителей страны отдают свободное время чтению книг. У остающихся, по собственным словам представителей этой группы, «руки не доходят до книг».

Для того чтобы выяснить, какого рода литература представляет наибольший интерес для чтения, опрошенным был предложен подробный список. Оказалось, что два первых места занимают «любовный роман» и «книги по специальности». Число граждан, вообще не имеющих в доме книг, составляет 15 процентов.

Ныне каждый взрослый немец ежегодно покупает в среднем 2,7 книги. Треть покупаемых книг — карманные издания. На вопрос, как вы относитесь к чтению, 20 процентов ответили, что можно совсем отказаться от этой «роскоши». 40 процентов опрошенных заявили, что в наше время существует немало других способов развлечения и получения информации. 30 процентов опрошенных признались: «Я иногда упрекаю себя за то, что читаю слишком мало».

— Не горюй, дружище, выйдем на волю, начнем романы строчить про наше с тобой житье-бытье. Представляешь, как на наши рассказы мотылек-читатель полетит!



— Я же просил меня не беспокоить — мне нужно «войти в материал» своего будущего гангстерского романа.

Журнал «Панч» (АНГЛИЯ)

КТО, ГДЕ, КОГДА

Пушкиниана в Лондоне

Английские зрители недавно увидели бессмертное творение Пушкина «Евгений Онегин» в двух интерпретациях. Театр «Ковент-гарден» показал премьеру одноименной оперы П. И. Чайковского. На той же сцене театр Штутгартского балета исполнил новый балет «Онегин», поставленный по мотивам музыки великого русского композитора.

Роль Татьяны в опере исполнила Юдит Бекман, Онегина — Бенджамен Лаксон, а Ленского — Стюарт Берроус. Дирижировал известный японский музыкант Сейдзи Одзава. В беседе с корреспондентом «Таймс» Одзава сказал, что испытывает несказанную радость при исполнении гениальной музыки Чайковского: «Я мечтал об этом много лет и хочу донести до слушателей все ее нюансы, суметь передать то глубокое изменение характеров героев, которое происходит между первым и последним актом».

Юдит Бекман в роли Татьяны Лариной.

В балете «Онегин», поставленном балетмейстером Джоном Кранко, использована не только музыка оперы «Евгений Онегин», но и других известных произведений Чайковского. В главных ролях — Марсиа Гайди, Эгон Мадсен и Гейнц Клаус.

Оба спектакля имели большой успех у зрителей.

По макету Пикассо

Во Флорида (США) будет воздвигнута огромная скульптура «Бюст женщины» по макету Пабло Пикассо. Размеры ее поистине внушительны: высота — 100 футов, вес — около 2 000 тонн. Скульптуру будут поддерживать три массивные подпорки. Смонтирована она будет так, что сможет выдержать напор ветра скоростью 150 миль в час.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Выставка Сезанна в Париже

Портрет Ахилла Эмперера — учителя художника.

В Париже открылась выставка работ Поля Сезанна. Экспозиция состоит из 48 полотен — масло, акварель и рисунки. Она приурочена к столетию первой выставки французских импрессионистов, когда парижане впервые увидели работы Сезанна, молодого художника, работавшего в Овер-сюр-Уаз под руководством уже известного в те дни Писсарро.

Рассказывая о жизненном пути художника, западные газеты высказывают сожаление, что на выставке не представлены работы последних восьми лет жизни художника.

Цена «Потерянного рая»

Как известно, больше всего ценятся первые прижизненные издания. На проходившем недавно аукционе в Сотби сенсацией распродажи антикварных книг стал «Потерянный рай» Джона Мильтона — первый экземпляр первого издания. Покупатель, владелец частной библиотеки, обнаружил изъян на одной из страниц книги и стал обладателем редчайшего экземпляра всего за... восемь тысяч восемьсот фунтов стерлингов. Автор же этой бессмертной поэмы Джон Мильтон получил в свое время за нее жалких десять фунтов стерлингов. Время внесло свои «коррективы». Но каков истинный смысл этих коррективов: научились ли потомки Мильтона беречь достояния культуры своего народа лучше, чем его современники, или же цифровой скачок свидетельствует о растущей моде на раритеты? Скорее второе, ибо труд «Наблюдения над теорией и практикой разведения садов» был продан за девять тысяч фунтов стерлингов. А самым большим спросом пользовались «Три книги по оккультной философии» Агриппы.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

У ИСТОКОВ БУДУЩЕГО

ЧЕШСКАЯ поэзия XX столетия богата талантами, творчество которых стало выдающимся явлением не только национальной, но и мировой литературы. Достаточно вспомнить смелого новатора пролетарского искусства Иржи Волькера, поэта-трибуна, «чешского Маяковского» — Станислава Костку Неймана, наконец, «славу и гордость чешской поэзии», по выражению К. Симонова, Витезслава Незвала. Эти и многие другие чешские поэты давно и широко известны в нашей стране.

Чешская поэзия XX века всегда была предметом пристального изучения советского литературоведения. Новое свидетельство тому — вышедшая в издательстве «Наука» монография доктора филологических наук С. А. Шерлаимовой, посвященная чешской поэзии 20—30-х годов.

Основные периоды и художественные течения в поэзии 20—30-х годов рассматриваются в главах монографии в тесной взаимосвязи не с общественно-политической жизнью самой Чехословакии, с острой идейно-эстетической борьбой в среде творческой интеллигенции, искавшей новые пути искусства, так и с европейским литературным развитием, прежде всего с новой Советской Россией, влияние которой во многих отношениях было определяющим.

Особенно подробен анализ революционной поэзии 20-х годов. И это понятно: ее представители играли ведущую роль в формировании концепции пролетарского искусства, а позднее — метода социалистического реализма в чешской литературе.

При этом своеобразие чешской революционной поэзии состояло в преобладании критико-обличительных тенденций, что влекло широкое обращение к реалистическим формам. Разбирая произведения Й. Волькера, С. К. Неймана, Я. Сейферта, первый сборник молодого Незвала и других поэтов, автор знакомит читателя с богатой палитрой литературного процесса тех далеких лет.

30-е годы отмечены дальнейшим расширением рядов писателей, [illegible] на сторону революционного рабочего движения и КПЧ. Начало нового периода борьбы за будущую социалистическую литературу автор датирует [illegible] сборника стихотворений Я. Неги «Конвейер» (1932), приходом в литературу таких поэтов, как Й. Тауфер, В. Завада, Ф. Галас.

Мощным стимулом развития чешской литературы становится концепция социалистического реализма, усиленно разрабатываемая чешской марксистской критикой и эстетикой (Б. Вацлавек, К. Конрад, Ю. Фучик) под непосредственным влиянием Первого съезда советских писателей и успехов мировой революционной поэзии с учетом национального художественного опыта. Это обусловило впоследствии, пишет Шерлаимова, солидарное объединение всех лучших литературных сил в едином антифашистском строю на платформе социалистического гуманизма, а после освобождения страны — расцвет послевоенной чешской поэзии и прозы.

Новая работа С. А. Шерлаимовой, уже получившая, кстати, высокую оценку в Чехословакии, — важный вклад в изучение не только непосредственно чешской поэзии 20—30-х годов, но и ряда общих проблем возникновения и развития мировой революционной художественной литературы.

Юрий [illegible]

ВЕРШИНА ПОЛЬСКОГО РОМАНТИЗМА

МАВРИЦИЙ Август Беньовский (1746—1786) — одна из весьма колоритных фигур XVIII столетия. Этот венгерский дворянин словацкого происхождения, обуреваемый жаждой приключений, [illegible] Австралии. А голову сложил на Мадагаскаре, с оружием в руках отстаивая независимость острова.

Биография Беньовского поразительна, к тому же он вдохновенно приукрасил ее в своих «Мемуарах». Не приходится удивляться поэтому, что личность и похождения «короля» Мадагаскара привлекли внимание многих писателей разных стран (не исключая и русских). Но одним из первых и самым крупным художником, кого пленила необыкновенная судьба этого человека, был Юлиуш Словацкий. Он счел возможным сделать Беньовского центральным персонажем двух сочинений (оба они остались, к сожалению, незавершенными).

Гораздо дальше, чем над драмой, продвинулась работа Словацкого над поэмой в октавах «Беньовский». Здесь отчетливо видно воздействие байроновского «Дон Жуана». Но Словацкий не заслуживал бы лавров великого поэта, если бы попросту «переоблачил» героя Байрона в живописную одежду старопольской шляхты, водрузив ему на голову конфедератку. Воспользовавшись — выражаясь модной ныне терминологией — «моделью» поэмы Байрона и демонстративно подчеркивая внутреннюю связь своего творения с нею («я не поляк, я байронист сегодня»), польский романтик создал шедевр национального искусства.

Он стремился здесь прежде всего передать собственные философские раздумья, идеи и настроения — поэтому главный герой порой так надолго отступает в тень (причем автор может его вдруг покинуть в самый патетический момент). Не будет преувеличением сказать, что Словацкий в этой вещи, созданной на чужбине, значительно больше внимания уделил напряженным размышлениям о судьбах Польши и родном народе, о назначении поэта и себе самом, чем перипетиям жизни Беньовского.

Виртуозное мастерство позволило поэту не только блистательно «совладать с тройным созвучием», но и совместить жесткую форму ариостовой строфы с абсолютно свободной манерой повествования, добиваясь естественности интонаций и буквально пушкинской простоты.

«Беньовский» принес не только наибольший успех, который выпал его творцу — отнюдь не избалованному при жизни читательским признанием, — но и по праву считается вершинным достижением польского романтизма. Между тем, хотя знакомство с творчеством Словацкого началось в России еще в пушкинскую эпоху, до сих пор отсутствовал русский перевод этой поэмы. Теперь, в 125-ю годовщину со дня смерти поэта-патриота, благодаря труду и таланту С. Свяцкого поэма стала достоянием русских читателей. Книга любовно издана «Художественной литературой» с прелестными иллюстрациями В. Свешникова.

Святослав БЭЛЗА, кандидат филологических наук

МОНОЛОГИ «КЛУБА ДС»

Елена БЕХТЕРЕВА

ПРИВЕТ, СТАРИК!

— ЭХ, ЧЕРТ, как неохота уезжать! Приеду в Москву — там сейчас пыль, духота! Ты обязательно приезжай, понял? Да, жаль, живем в разных городах — теперь не поболтаешь ночи напролет. А где такого партнера в теннис, как ты, найти?.. Нет, все-таки неплохо мы тут отдохнули! Слушай, Сергей, а почему бы тебе не взять за свой счет и на недельку в Москву? Познакомлю тебя со всеми друзьями, со знаменитостями... А, старик? Ну, если не удастся в ближайшее время, уж на Новый-то год я тебя обязательно жду! Пойдем в Дом кино, в Дом литераторов, куда хочешь!.. Какая там членская книжка! Я — твой пропуск, наивный ты человек! Со мной куда угодно и кого угодно!.. Ты мне должен обещать! Целый месяц вместе, и вдруг раз — и нет человека? Ну нет, дорогой, так нельзя. Не так уж много вокруг людей, с которыми действительно говоришь на одном языке... Значит, жду! Слушай, кажется, мой рейс объявляют... Так и есть! Ну, привет, старик! Скоро увидимся!

— Алло! Междугородная? Кишинев?.. Алло!.. А, Сергей! Привет! Вот здорово, что позвонил! Слушай, я, как от тебя приехал, всей Москве рассказал про вашу «Каса Маре»! А как играет Игнат! Как играет! Какой скрипач!.. Слушай, вылетай немедленно!.. Только 31-го? Ну хорошо. Договорились: встретим Новый год, а первого махнем под Калинин, на Волгу, там охотничьи угодья. Я приеду на аэродром, но, если что случится, ну съемки там или еще что, ты адрес мой знаешь, значит, сразу ко мне... Ну, привет, старик! Жду!

— А, Серега! Ну, привет! Ради бога, прости, что не встретил. Знаешь, ночью завалилась целая компания, просидели до рассвета. Днем прилег подремать и проспал... Что это? Неужели домашнее вино? Вот здорово! Давай его на кухню! А вот и жена. Марина, познакомься, это и есть Сергей, у которого я был в Кишиневе, — архитектор и начинающий прозаик... Ой, прости! Алло? Кто? Вадим? Привет, старик... Нет, спасибо, не могу. Друг приехал из Кишинева. Мы решили в этом году по-семейному, дома. У меня все железно, ты же знаешь! Ну спасибо, тебя тоже!.. Видишь, старик, вот такая суета весь день! Алло!.. Марина, это тебя... Ну, а как у тебя-то дела?.. Нет, Марина, к Никитиным мы тоже не пойдем, даже речи быть не может!.. А мы вот в этом году дачу получили. Ну и мороки было! Зато со всеми удобствами. Круглый год жить можно! Марина, сколько времени? Уже девять? Вот это да! Я считаю, что пора старый провожать, а?.. Опять телефон! Алло?.. Женя? Привет! С наступающим... К тебе?.. Слушай, ко мне приятель приехал из Кишинева... Он вообще архитектор, но сейчас прозой тоже стал заниматься... Теннисист — первый класс! Нет, еще не публиковался... Кто? А еще кто будет?.. И Клочков тоже?.. Понимаешь, как-то неудобно, гость ко мне приехал. Ну, я тебе попозже позвоню. Спасибо, старик! Такой случай, Сергей... Мне этот Клочков — во, как нужен! Без него я никак со своей картиной не запущусь. А тут такой случай — поговорить в неофициальной обстановке... Слушай, Сергей, а может, мы так сделаем: сейчас посидим, проводим старый Новый год, а потом с Мариной часа на два, не больше, уйдем, а потом тут же обратно. А? По-моему, это идея! А, как ты думаешь? Ну, я пойду переоденусь... Марина, ты еще не готова? Уже десять, а ты все возишься... Ну ладно, старик, мы пойдем, там в холодильнике всего полно: шампанское, закуска... Извини, что так получилось... Ну, с наступающим!

— Ты решил сегодня улетать? У тебя же еще целый день в запасе! Где твой билет? Да, я зарегистрирую... Какой рейс?.. Немножко нескладно получилось... Даже поговорить толком не успели, ну просто сумасшедший дом!.. Слышишь, кажется, твою посадку объявляют... Ну, старик, когда приедешь? Давай, приезжай на Первое мая, а? Поедем поохотимся... Хорошо, старик, договорились?.. Ну привет, старик! Спасибо, что приехал! Очень был рад! Марина тоже! Приезжай еще, слышишь?

ПОДРАЖАНИЯ

Мих. РАСКАТОВ

Юрию ПАНКРАТОВУ

Поклевка

Труд поэта
и труд рыбака —
их случайное счастье
едино.
Над водою,
звонка и строга,
ударяет
полдневная рында, —
а в руках моих бьется
строка,
как упрямая
гневная рыба.

(Юрий ПАНКРАТОВ. «Путина»)

Отыскал я один словарь,
снасть собрав, захватил
насадку
и уселся за ним, как встарь,
приготовив садок-тетрадку.
Не дыша сидел на заре...
Что за черт — никакого
клева!
Может, в этом вот словаре
не осталось живого слова!
Может, тут ходил
с бреднями
по ночам
браконьер отпетый
и слова уносил мешком
из поэмы и из сонеты!
Вдруг гляжу — исчез
поплавок!
Не теряюсь. Момент —
подсечка!
Чую, что-то я поволок...
Интересно, что за словечко!
Поднатужился и тащу.
Ишь, как бьется-то,
поглядите!
Ну, и слово — под стать
лещу —
здоровенный такой эпитет!
Я подсачком вооружаюсь...
Остается совсем немного...
Эх, досада — да что-то он
зацепился последним
слогом
и сошел...
Хоть стой, хоть ложись.
Мне б за утро хотя бы
строчку.
Вновь поклевка. Теперь
держись!
Есть! Достал! Нет, не слово.
Точку.

ДИАЛОГИ «КЛУБА ДС»

ДОПУСТИМ!..

Андрей КУЧАЕВ

Я ОСТАНОВИЛ на улице машину и спросил водителя:

— Такси свободно?

Водитель затянулся сигаретой, посмотрел на нее, снова затянулся и ответил через «не хочу»:

— Допустим, свободно...

— Тогда я сяду? — попросил я.

— Допустим, — сказал он, снова затянулся и посмотрел на сигарету. — Допустим, что ты сел. Дальше что?

— Дальше мы поедем, — сказал я, стараясь говорить твердо.

— Ну, допустим, мы поехали, — согласился он. — И что с того? — Сигарета полетела на мостовую.

— Мы поедем, — развивал я, — будем ехать, через некоторое время приедем.

— Допустим, — кивнул он. — Допустим, мы приехали, — теперь его ничто не отвлекало. Даже сигарета.

— Я там вылезу, расплачусь, а вы поедете дальше.

— Допустим, — заинтересовался он как будто искренне. — Ну, а дальше что?

— Вас опять кто-нибудь остановит.

— Допустим. И что из этого?

— Все то же. Опять куда-нибудь поедете.

— Допустим. А что потом?

— Потом все в том же духе, пока не кончится ваш рабочий день.

— Допустим. А дальше?

— Пойдете домой, съедите чего-нибудь, отдохнете, выспитесь...

— Допустим! Ну, а дальше? Что дальше? — он начинал, кажется, злиться.

— Опять на работу, — грустно сказал я.

— Допустим! — рявкнул он. — И что же все-таки будет потом?

— Пенсия, — сказал я. — Заслуженный отдых.

— Допустим, — он утомился и вздохнул, словно я ему наскучил. — Допустим, пенсия. А потом?

— Потом... Известно, что потом. То же, что и со всеми...

— Допустим, то же. А что за этим?

— Не знаю, — честно признался я. — Как-то не задумывался!

— А я вот как раз задумался! — заорал он на меня. — И только я задумался, как ты пристал ко мне со своим «свободен — несвободен»! Если сам не хочешь ни о чем серьезном задуматься, нечего другим мешать! Ясно!! А теперь проваливай!

— А если оплата будет двойная, — сказал я, — допускаете такую возможность?

— Что ж, допустим, — философски рассудил он и распахнул передо мной дверцу.

М. БЕРКОЛАЙКО,
Гр. АРКАДЬЕВ

ПЯТИДЕСЯТЫЙ, ПЯТЫЙ РОСТ

— У ВАС ЕСТЬ пятидесятый-пятый?

— Нет.

«Я знал, что нет. Да, конечно, пятидесятый-пятый был сегодня утром в третьем универмаге, а я в это время был в четвертом, потому что там его ожидали, но кто же знал, что машина с базы завернет к третьему, вместо того чтобы ехать к четвертому, где в это время, дожидаясь открытия, мерз я; мерз и точно знал, что мерзну напрасно, потому что машина с базы поедет к третьему, но если я сейчас помчусь в третий, то водитель опять передумает и приедет все-таки в четвертый. Это неизбежно, это предопределено, это моя судьба — носить всю жизнь либо сорок восьмой—пятый, когда режет в подмышках, либо пятидесятый-четвертый, когда все время приходится одергивать рукава. И даже на пляже мне всегда режет в подмышках, или я одергиваю несуществующие рукава, потому что уже собственная кожа мне попеременно кажется то сорок восьмым — пятым, то пятидесятым-четвертым».

— У вас есть пятидесятый-пятый?

— Нет.

«Эта проклятая комбинация генов!.. Зачем, зачем мое генеалогическое древо росло именно так, а не иначе? Зачем моя бабушка сказала «нет!» красавцу цыгану с полыхающими глазами? Почему в крови моей не бурлит огненная сила, почему не мчусь я, зарывшись лицом в гриву краденого коня, а трясусь в автобусе, где мне только что наступил на ногу уверенный в себе брюнет? Я не скажу ему ничего, потому что, если он обидится и дело дойдет до рукопашной, я не смогу даже пошевелиться в своем сорок восьмом—пятом. Он мог бы и не сходить с моей ноги, мог бы станцевать на ней лезгинку, он мог бы жить и умереть на ней — я бы смирился и с этим! Ему в наследство от дедушки достались взгляд бретера и осанка князя. Я тоже люблю дедушку, но что я мог унаследовать от него, кроме феноменально высокого гемоглобина?»

— У вас есть пятидесятый-пятый?

— Нет.

«И не будет. Никогда не удастся мне быть раскованным и легким! Мир грации и я всегда будем в разных измерениях, мои уши всегда будут торчать, как солнечные батареи, — это записано в книге судеб. Это решено было в тот самый момент, когда моя мать сказала «нет!» знаменитому спортсмену. Почему я не парю, как лань, над гаревой дорожкой и не взлетаю, как тигр, над планкой? Зачем я получаю четыре взятки на мизере, оставаясь без двух на шестерной? Я чту отца своего, но чем замечательным мог он одарить меня, кроме умения чистить яблоко так, что кожура ни разу не оборвется?»

— У вас есть пятидесятый-пятый?

— Есть.

«Неужели это — я! Как удобно и хорошо... Не режет, не надо одергивать рукава... Кстати, мне очень идет этот румянец — следствие высокого гемоглобина! А как изящны руки, знающие толк в обращении с ножом и яблоком! Сколько нервной чуткости в этих оттопыренных ушах!.. Может быть, все еще впереди? Как хочется верить, что не напрасно сказала моя бабушка «нет!» тому красавцу цыгану... Боже мой, как безумно хочется верить!»

— Заверните

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

ГИБЕЛЬНЫЙ ДАР СТАТУЭТКИНА

Владимир ОСИНСКИЙ

ШЕФ был строг, но справедлив, хотя порою излишне нетерпелив в своих начальственных побуждениях. А Статуэткин — прямодушен до наивности, бесконечно предан служебному долгу, характером ровен и тих, за что его любили сослуживцы и порою отмечало начальство. Главное — Статуэткин всегда понимал Шефа.

Иногда, отдавая руководящие указания, Шеф с досадой думал про себя: «Ну какое мне сейчас дело до того, что при ответе на вопросы по форме № 14 необходимо ссылаться на сведения формы № 2, основанной, в свою очередь, на данных формы № 104-б?! Какое мне до всего этого дело, если вчера Марго весь вечер танцевала с тем лысым...»

Статуэткин внимательно выслушивал указания Шефа, а на вопросы отвечал сдержанно, с холодком в голосе. Но отвечал всегда одно:

— Понял вас. Будет сделано. Соответственно полученным указаниям.

Поначалу Шеф слегка этому удивлялся, так как сам часто не знал, чего он, собственно, хочет. Потом удивляться перестал, так как Статуэткин в ответ на полученное распоряжение неизменно что-нибудь да делал.

Шефа подобное положение вещей вполне устраивало. Но, разумеется, оно не могло удовлетворить Статуэткина. Ибо он отнюдь не был подхалимом. Он был рожден служить, не жалея сил и энергии, родной конторе.

Однажды солнечным зимним утром он стоял перед Шефом, ожидая, пока тот подпишет очередную бумагу. Шеф рассеянно пошарил и по столу, и в карманах в поисках авторучки. «Куда она, черт возьми, подевалась?! — с ленивым раздражением размышлял он. — Или оставил вчера там после преферанса?..»

Здесь-то и настал великий момент.

«Если бы... Ах, если бы!..» — страстно подумал Статуэткин.

«Я, кажется, немного того, — подумал в то же мгновение начальник. — Нельзя все-таки всю ночь напролет. Вот ведь оно, окаянная, в правом кармане! — Он расписался, с тревогой отметив: — И рука дрожит...»

Однако это была не рука. Это трепетал от сладостного восторга Статуэткин. Ибо случилось чудо: он превратился в перьевую авторучку.

Разумеется, читатель вправе потребовать вразумительных объяснений по поводу случившегося. К сожалению, автор может ответить лишь тривиальным утверждением, что на свете есть много чудес.

Шеф с недоумением посмотрел на непросыхающие чернила, сделал невольный жест рукой и едва не выронил на пол пресс-папье, тоже, как известно, давным-давно вышедшее из употребления. Тут-то и обнаружил он отсутствие Статуэткина. Промокнув свою подпись, он также механически отложил пресс-папье, после чего последнее немедленно исчезло со стола.

Статуэткин опять сидел на стуле в привычной позе терпеливого ожидания. В его глазах светилось счастье.

— Как вы это сумели? — без особой заинтересованности спросил Шеф.

— Исполненный долг! — просветленно отрапортовал Статуэткин. — Не жалея сил и энергии!

— А-а... — сказал Шеф удовлетворенно.

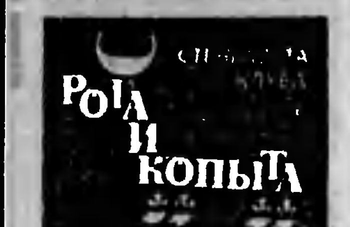
Так и пошло.

За неполную неделю Статуэткин превращался в свежий выпуск еженедельника «Футбол-хоккей», удобное кресло-качалку, установку для кондиционирования воздуха и множество других необходимых Шефу предметов.

Как-то утром нового года Шеф пришел на работу злой, помятый и не похожий на себя. Он вызвал Статуэткина и молча уставился на него.

В большей, чем обычно, сумятице желаний Шефа Статуэткин сразу уловил главное. Через секунду Шеф с наслаждением тянул прямо из горлышка в меру охлажденный боржоми... Просветленно опустив под стол пустую бутылку, он благосклонно взглянул на стул, где только что в привычной позе сидел Статуэткин.

Но Статуэткина на месте не оказалось. Он, как вы понимаете, был выпит. До дна.



● МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Недавно в обыкновенной городской газете была опубликована статья сотрудника местной конторы Стройхозснаба т. Пшончикова К. А., содержавшая критику недостатков ее деятельности. Статья обсуждена руководством конторы, принявшим необходимые меры. Тов. Пшончиков К. А. от работы в Стройхозснабе освобожден.

● ИЗ ПРАВИЛ ХОРОШЕГО ТОНА

Если спутник в автобусе наступил вам на ногу, не следует поднимать скандал. Этим вы обнаружили бы лишь недостаток вашего воспитания. Горячо советуем вам свободной ногой встать на свободную ногу вашего спутника. Теперь, если ему вздумается поднять скандал, то это будет свидетельствовать о недостатке воспитанности с его стороны.

● УНИКАЛЬНЫЙ РЕКОРД

установил известный мастер кожаного мяча Илья Легоподов. За пятнадцать лет он сыграл за все команды первой и второй лиги.

● СОКРАЩЕНИЕ ШТАТОВ

В связи с сокращением штатов начальник бюро Симеонов переведен на должность начальника бюро того же отдела с прежним окладом.

ЧУДАКИ

— Спасибо, но цветной телевизор у меня уже есть...

Рисунки В. ИВАНОВА

— Да будет врать-то.

В. ШАХОВ

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

Как известно, администрация «Клуба ДС» бдительно следит за деятельностью своих коллег из других фирм. В частности, администрация регулярно смотрит всесоюзный сатирический киножурнал «Фитиль».

Особенно глаз администрации радуют сюжеты, заснятые по произведениям, опубликованным на 16-й странице «ЛГ». И в этой связи со всей прямотой и откровенностью надо сказать, что книжный сборник, который на днях появился на столе «Клуба ДС», был просмотрен администрацией с нескрываемым удовлетворением. Называется он «Веселый справочник «Фитиля» (издательство «Советская Россия», 1974). Его составитель и один из авторов—В. Панков. Среди других близких сердцу администрации имен в оглавлении значатся: А. Арканов, Гр. Горин, А. Курляндский, А. Хайт, М. Захаров, М. Жванецкий, А. Каневский, В. Славкин, А. Тараскин, А. и Л. Шаргородские, А. Внуков, Ю. Риттер Г. Кемоклидзе, С. Бодров Ю. Мартынов и т. д.

«С каждым годом «Фитилю», — пишет в предисловии к сборнику его главный редактор Сергей Михалков, — все труднее и труднее снимать своих «героев», не повторяясь. Поэтому эту книжку можно рассматривать и как краткое руководство для желающих попасть в «Фитиль».

Будущие «герои» могут познакомиться с правами и обязанностями персонажей нашего киножурнала, прочитать некоторые полезные советы, как добиться фитилевской «популярности»...»

Из тиража, которым выпущен сборник — 60 805 экземпляров, — администрация сочла возможным приобрести пять книжек за наличный расчет. Для служебного пользования.

ИСКУССТВО ИЗБАВЛЯТЬСЯ ОТ ГОСТЕЙ

Арк. БУХОВ

В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ времена гостям отказывали от дома деловито и просто. Подходил хозяин с каменным топором и ударял им гостя по голове. Гость обижался и уходил. Почти всегда дело обходилось без грубых и крикливых скандалов.

Новое время в смысле избавления от гостя почти не сделало ни одного шага вперед... Дать несколько советов, как избавиться от ненужного гостя, особенно от самой тяжелой разновидности его — праздничного визитера, есть задача этой маленькой заметки...

Как мы увидим, и в наше время можно прибегать к способам, покрытым седой древностью.

1. СПОСОБ ДОИСТОРИЧЕСКИЙ

Главное правило этого способа — быстрота воздействия. Если дать гостю возможность усесться и задать вам три кардинальных вопроса о том, где вы были у заутрени, сколько платили за ветчину, где разговлялись, — он бешено наглеет, чувствует себя хозяином положения и готов продолжать свой захватывающий экспансивный разговор до полного упадка нравственных и физических сил. Тут-то перед находчивой хозяйкой и должен стоять все время образ решительного, громадного доисторического человека с каменным топором в руках.

Разговор должен вестись приблизительно в таком жанре.

— Ну-с, дорогая моя Мария Николаевна, так-с... А где у заутрени вчера были? А?.. Наверное, уже

— А тебе интересно? — холодно спрашивает хозяйка.

— То есть, виноват, как... тебе... интересно... Вы кому?

— Ну, конечно, тебе, кому же еще?.. Кроме тебя, дурака, никого ведь нет в комнате...

Гость неловко подымается со стула, неуверенно кладет окурок в тарелку и почему-то быстро идет в переднюю. Из передней он возвращается и, как будто что-то вспомнив, спрашивает:

— Но, простите... Что это, собственно, такое... Чем я заслужил... Простите... мои лучшие отношения...

— А, ты еще здесь? — удивленно спрашивает хозяйка. — Тебе чего?

Доверчивый, добродушный тон хозяйки окончательно сбивает с толку гостя, и, беспомощно махнув рукой, он бесповоротно уходит...

Такой способ хорош еще тем, что он дает возможность громадной экономии сил: по отношению к одному человеку он сохраняет силу в течение минимум двух-трех лет...

2. СПОСОБ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ

Этот способ носит на себе следы известного мистицизма, суровости и холода.

Едва только гость сядет в кресло и откроет рот, чтобы спросить о том, где вы разговлялись, можно прервать его с тихой, страдальческой улыбкой.

— Милый вы... Право... Такой молодой... Ходите, едите, пьете... Вот у нас в прошлом году был такой-то знакомый... Шел к кому-то с визитом, оступился и ногу сломал...

— А я вот так нет, — радостно смеясь, ответит гость. — И по лестницам хожу, и по паркетам, там, и по тротуарам разным — и хоть бы что...

— Ну, ничего, ничего, — успокойте его, — еще сломаете... Времени хватит... Кушайте, пожалуйста... А то давайте играть!

— Как играть? — недоумевающе спросит гость.

Рисунок И. МАКАРОВА

— А вот так, например: вы ляжете на пол и прикроетесь салфеткой, а я вас буду бить окороком по голове. Хорошо?

— И нет, знаете, мне что-то не нравится, — замямлит гость. — Не весело...

— Не весело? — изумленно спросите вы. — А вот так играть... Вы вымажетесь пастой, сверху я вас посыплю зеленью с индюшки... Вы уйдете в угол, а я, как будто не замечая вас, буду кидать в вас сначала сардинками, а потом яйцами... Эта игра называется «Свадебный обед в верхней Гвинее». Ладно?.. Это, знаете, напомнит детство, веселые минуты беззаботных игр...

— Зачем детство? — уныло протянет гость. — Не стоит... Я уж пойду...

— Куда вы... Только пришли и уж уходите, — обиженно заявите вы. — Стыдно... А я вот еще хотел предложить вам яйца покатать... Вы ложитесь на ковер...

— Знаю, знаю, — догадывается гость, — а вы сядете на меня верхом и будете на мне колоть сахар... весело, прощайте...

Горестно пожмите его руку — и гость уйдет. Надев калоши, он вернется непременно все же в гостиную и непременно предложит:

— А ко мне когда? Загляните... играть будем... на чистом воздухе... Вас будут выкидывать из окна, а я сверху буду поливать вас кофейной гущей... Это называется — трамвайное сообщение в Сан-Франциско... До свидания.

3. СПОСОБ СОВРЕМЕННЫЙ

Способ современный (культурный) носит следы явной корректности по отношению к гостю: он весь в медлительном изморе врага.

— Ах, это вы, Петр Николаевич? Прекрасно... Садитесь... Жаль, что мне в контору надо... Уж я поболтал бы с вами... Посидел.

— Вы в контору?.. А разве у вас сегодня работают?..

— А как же... У нас на сегодня вся работа оставлена. В праздники — у нас три главных рабочих дня... Садитесь, пожалуйста... Не хотите ли закусить?

— Спасибо, я уже ел...

— Вот еще посижу и побегу на работу. Устал немного. Гости, знаете... Придет, мямлит, рожа глупая, сам в смокинге, придет и сейчас же за еду, как будто пять дней не ел... Кушайте, пожалуйста...

— Сп-п-п-пасибо...

— Не выпьете ли рюмочку?.. Вот пьют многие, как свиньи... С утра нализываются. У него еще зубной порошок на губах, а он к коньяку лезет... Разрешите рюмочку рябиновой!..

— Нет уж... Я пошел бы...

— Куда вы? Что вы... Я люблю с вами поболтать... Так вот я и говорю... Придет этакий тип с пьяной физиономией, целоваться лезет, о Христе напомнит, потом за пищу... Вилкой сколько перепортит... Ух, не люблю визитеров. У меня даже своя оригинальная пословица есть на этот счет: кто с визитами идет — тот огромный идиот... Славно?

— Я пойду... У меня тоже... Работа там... В водопроводной конторе... освещение прокладываем...

— Пустяки... Вечером успеете... Так как это я сказал: большой идиот... Да-с... Смотришь так на гостя и думаешь: «Кретин ты, кретин... Как тебе не стыдно... Наследственное это, что ли, у тебя?..» Куда вы?.. Не там, не там... Это мой кабинет... Прихожая — направо... Зайду, зайду...

Сб. «Цветок в петлице», издание «Новый сатирикон», 1916. Перепечатывается с сокращениями

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП Москва Ц Цветной бульвар 30 Телефон для справок 295 00 00 доб 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01057 Типография «Литературной газеты»: Москва К 51, Цветной бульвар, 30 Зак. 619 ИНДЕКС 50067